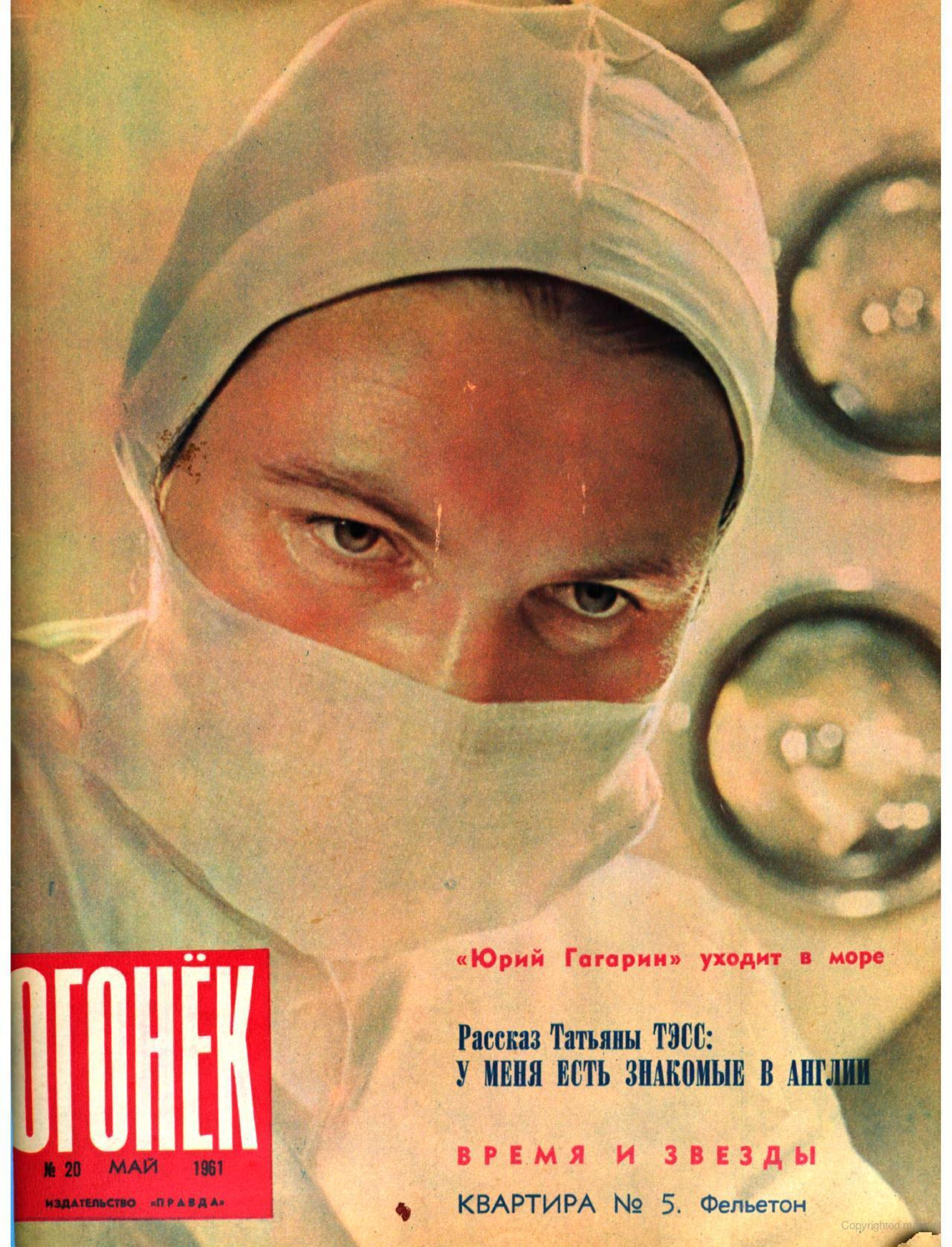

«Юрий Гагарин» уходит в море
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Рассказ Татьяны ТЭСС:
У МЕНЯ ЕСТЬ ЗНАКОМЫЕ В АНГЛИИ
ВРЕМЯ И ЗВЕЗДЫ
КВАРТИРА № 5. Фельетон

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 20 (1769)

14 МАЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Ереван, 5 мая. Встреча Н. С. Хрущева на аэродроме. Герой Социалистического Труда бригадир аппаратчиков завода имени Кирова С. Амирханян преподносит Н. С. Хрущеву хлеб-соль.

Фото Дм. Бальтерманца.

РАДОСТНО ОТПРАЗДНОВАЛ ТАЛАНТЛИВЫЙ АРМЯНСКИЙ НАРОД 40-ЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АРМЕНИИ

Юность Армении приветствует Никиту Сергеевича Хрущева.
←

Ереван, 7 мая. Н. С. Хрущев выступает на митинге трудящихся.

НОВЫХ ТЕБЕ УСПЕХОВ, НА

Пионеры дарят Никите Сергеевичу цветы.

Н. С. Хрущев посетил завод имени

РОД СОЛНЕЧНОЙ АРМЕНИИ!

С. М. Кирова — первенец тяжелой промышленности Армении.

В Бюраканской астрофизической обсерватории.

1

Интервью «Огонька»

ХВАН МАН ГЫМ,
председатель колхоза «Политотдел»,
Герой Социалистического Труда

ЗАВИСИТ ОТ НАС

Около правления колхоза то и дело останавливаются машины. Со всех концов Узбекистана и из соседних республик едут сюда люди, чтобы поучиться у здешних колхозников, как выращивать кукурузу, хлопок, кенаф.

Председатель колхоза Хван Ман Гым делится с приезжими своим опытом.

— Особенность нашего колхоза заключается в том, что у нас все отрасли хозяйства развиваются одновременно. И одно помогает другому. Резкое увеличение продукции по хлопку, кенафу и кукурузе дало возможность поднять животноводство, а это значит — больше молока, мяса и яиц.

Жизнь опрокинула наметки семилетнего плана, которые мы в свое время делали, исходя из темпов развития 1958 года. Когда колхоз получил сельскохозяйственные машины и рационально их использовал, когда улучшилась агротехника, первоначальные планы были значительно перевыполнены уже в 1960 году. Это не значит, что мы занизили себе план. Просто мы тогда еще полностью не уяснили, какими возможностями и резервами обладаем. На языке цифр это выглядит так:

	По плану на 1965 год	Получено уже в 1960 году
Хлопок	1 090 тонн	1 760 тонн
Кенаф	13 750 тонн	24 710 тонн
Мясо	1 800 цент.	3 100 цент.
Яйца	61 200 шт.	200 000 шт.
Молоко	800 тонн	1 052 тонны

Урожай кенафа в 1960 году был 202 центнера стеблей — это мировой рекорд урожая на больших площадях, а у нас под кенафом было 1 224 гектара. Хлопка-сырца мы сдали по 43,5 центнера с гектара. Как видите, тоже неплохо. Главное в нашем деле — строгое соблюдение агротехники применительно к местным условиям и правильная расстановка людей и техники. А техники у нас теперь достаточно.

Кроме того, мы считаем, что сила нашего коллектива не должна распыляться на работу в колхозе и на приусадебном участке. Поэтому приусадебных участков у нас почти нет. Но прежде чем отказаться от них, мы организовали полное снабжение колхозников молоком, овощами, мясом, яйцами и другими продуктами. И хозяйкам теперь нет нужды держать корову, копаться на своем огороде. Ежедневно колхозные мотороллеры развозят по домам продукты, заказанные накануне. Принимаются заказы и по телефону.

Производительность труда повысилась. А самым тяжким наказанием за какой-нибудь проступок у нас считается отстранение от работы на несколько дней.

За последние годы мы построили мастерские, хозяйственный двор и животноводческий городок.

Плохих коров не держим. Это невыгодно. Но хорошие требуют хороших кормов. И мы этого добились, выращивая кукурузу.

В прошлом году каждая корова дала нам по 4 134 килограмма молока.

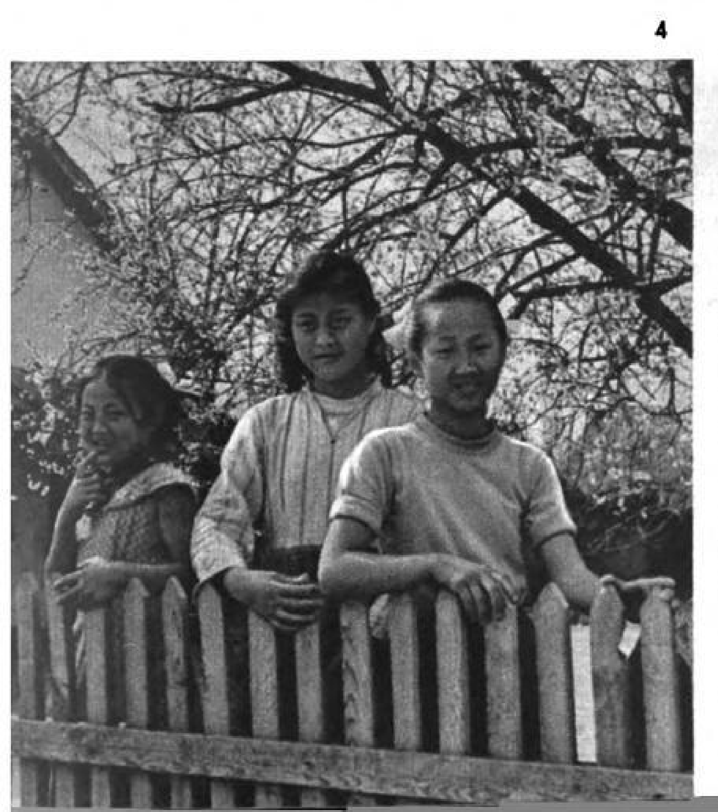
Бригадир кукурузоводческой бригады коммунистического труда Люба Ли вырастила кукурузу ростом более шести метров, которую Никита Сергеевич Хрущев показывал участникам совещания в Алма-Ате. Потрудились немало, зато и результат — 1 850 центнеров зеленой массы с гектара.

Замечательные люди — бригадиры-лубянщики Шин Харен, Сергей Квон и Пак Сигир; это они получили мировой рекорд урожая кенафа. Роза Квон надоила по 6 716 килограммов молока от каждой коровы. Сейчас она работает на доильной установке «елочка», у нее 142 коровы, и заменяет она одна 10 доярок. Есть в колхозе отличный свинарь Николай Ким.

Но я повторяю: идя в наступление, нужно обеспечить тылы — снять с колхозника повседневные заботы и облегчить его быт.

4

5

2 3

САМИХ

На территории колхоза за последние 5 лет выстроены 240 удобных типовых домов, асфальтированы улицы, проведен водопровод, газ. И на этом строительство не заканчивается. Для всех ребят есть ясли и детские сады, которые обслуживаются бесплатно. Возводится большая школа-интернат, Дворец культуры. Мы стараемся сделать так, чтоб колхозникам было удобно жить, работать, учиться и отдыхать.

Мы уже полностью освоили все свои земли. Дальнейшее увеличение продуктивности хозяйства может идти только за счет повышения урожаев. И в этом поможет нам агротехника и рационализация всех процессов работы. Колхоз оснащен мощной техникой. Агрономы, инженеры, механизаторы и строители у нас есть.

Все зависит от нас самих!

Колхоз «Политотдел»,
Ташкентской области,
Узбекской ССР.

1

— У нас более 120 тракторов и автомобилей, много сельскохозяйственной техники. Но порой мы не получаем нужные типы машин, и тогда приходится конструировать их самим. Сварщик работает над планировщиком для заравнивания борозд. Таких машин не делают, а они необходимы.

2

— В колхозе строится новый Дворец культуры.

3

— Заканчивается строительство родильного дома.

4

— Для них, для этой нашей молодежи, мы строим сейчас школу-интернат.

5

— Привезли продукты, заказанные по телефону.

6

— В нашем колхозе велосипедов очень много, а новые все покупают...

7

— Оркестром и ансамблем песни и танца руководит композитор Пак Ендин. Танец с барабаном исполняет колхозная телефонистка Мария Ким.

Фото О. КНОРРИНГА.

6 7

— Сноп кукурузы прошлогоднего урожая, оставшийся в колхозе. Высота его пять метров. На Выставке достижений народного хозяйства в Москве вы увидите нашу шестиметровую кукурузу.

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Н. П. КАМАНИН

ВСЕ ИДЕТ

Мне — вероятно, как и всем авиаторам,— особенно приятно сознавать, что первый человек, поднявшийся в космос, был летчик Юрий Гагарин. В этом есть определенная закономерность, преемственность героических традиций советской авиации. Вспомните красных военлетов во время гражданской войны; первых Героев Советского Союза в начале тридцатых годов; во время Великой Отечественной войны — Покрышкина и Кожедуба; и вот теперь советский летчик — первый космонавт нашей планеты.

Известно, что к космическому полету готовилась целая группа космонавтов. Все они успешно закончили обширную программу специальных занятий, прошли медицинские исследования, тренировки и испытания.

Все они отлично сдали экзамены, и любой из них был подготовлен и готов совершить полет в космос первым.

Трудно было из них выбрать одного. Однако, когда в полет назначили Юрия Гагарина, все космонавты, врачи, руководители, тренеры, преподаватели единодушно одобрили это решение.

Сейчас мы называем космонавтами тех, кто подготовлен к космическому полету или уже совершил его. Это люди, отобранные из тысяч добровольцев, отвечающие очень жестким требованиям. Но думается, что пройдет немного лет, и понятие «космонавт» будет относиться только к составу экипажей космических кораблей. Путешественники будут просто пассажирами, как теперь в транспортных самолетах. Вероятно, и абсолютного здоровья для этого не потребуется.

Но космонавты — командиры, штурманы, инженеры, операторы и другие специалисты экипажей космических кораблей — несомненно, будут по-прежнему проходить очень тщательный отбор. Кроме отличного знания своей специальности, они должны быть безукоризненно здоровы, способны переносить перегрузки, сохранять полную работоспособность в условиях невесомости.

О том, что он полетит первым, Юрию Гагарину было объявлено за несколько дней до старта. Этому решению предшествовало серьезное обсуждение его врачами и учеными. Существовали, в частности, опасения, что если космонавта предупредить заблаговременно, то он будет волноваться, потеряет сон, аппетит, изнервничается в ожидании решительного момента. Эти опасения не оправдались. Гагарину объявили заранее, что он назначен первым кандидатом на полет, а поведение его нисколько не изменилось. Настроение было бодрое, ровное. Так же, как и раньше, летчик Юрий Гагарин занимался специальной подготовкой, беседовал с конструкторами и инженерами, тренировался в скафандре, неоднократно репетировал весь полет в корабле, от старта до посадки, по-прежнему с увлечением занимался спортом, с аппетитом ел, крепко спал.

Гагарин и его товарищи-космонавты порой испытывают волнение. Но они очень собранные, дисциплинированные, умеют повелевать своими чувствами, никогда не терять самообладания.

И вот наступил канун исторического дня, 12 апреля 1961 года. Вечером Гагарину врачи наклеили на тело датчики для регистрации физиологических функций. В 21 час проверили кровяное давление, пульс, температуру. Давление было 115/75, пульс — 64, температура — 36,7°. Ни наблюдением, ни приборами никаких отклонений от нормы не обнаружилось.

Врачи расположились в комнате, соседней со спальней космонавта. Они опасались, что накануне старта, да еще с наклеенными датчиками, Гагарин не сможет заснуть. Однако, когда через полчаса врач, осторожно ступая, на цыпочках вошел в спальню, Юрий Гагарин лежал на правом боку, по-детски положив под щеку руку, и сладко посапывал. Врач в течение ночи еще несколько раз заглядывал к нему. Картина была прежняя: космонавт спал очень крепко и за 8 часов ни разу не изменил позы.

Врачи спали плохо. К назначенному времени — 5.30 утра — все уже были на ногах. Небо посветлело, на нем слабо мерцали последние, уже неяркие звезды. Восток алел. Врач вошел в спальню космонавта, дотронулся до плеча Юрия Гагарина, сказал обычное: «Пора вставать». Гагарин поднялся сразу и на вопрос: «Как спалось?» — с улыбкой ответил: «Как учили».

Так начал Юрий Гагарин этот знаменательный для всего человечества день. Затем последовала обычная физзарядка и необычный космический завтрак. Гагарин уже несколько дней питался не по-земному: из тюбиков выдавливалась прямо в рот очень питательная и калорийная пища.

Часа за три до старта начался предполетный медицинский осмотр и проверка записи приборами физиологических функций. Все в норме. Пора надевать космическое снаряжение.

Все пожимают космонавту руку, обнимают, желают удачи. Растроганный Юрий Гагарин благодарит товарищей за добрые пожелания.

— Родина и вы доверяете мне первому совершить полет в космос,— говорит он.— Я сердечно благодарю вас за доверие, за огромный труд, который затрачен на создание корабля, подготовку его к полету. Заверяю, что сделаю все для того, чтобы оправдать доверие Родины. Если будут трудности и опасности, встречу их, как коммунист.

ПЕРВАЯ

Нам, воинам энской части, выпало огромное счастье: в числе самых первых людей нашей планеты встретить Юрия Алексеевича Гагарина при возвращении его из космоса. Вот как это было.

Утром 12 апреля 1961 года мы услышали взрыв. Так бывает, когда самолет проходит звуковой барьер.

— Вижу в воздухе летательный аппарат! — крикнул ефрейтор Сопельцев.

Мы посмотрели в ту сторону, куда он указывал, и на фоне голубого неба увидели идущий к земле какой-то летательный аппарат.

— Быстро машину! — скомандовал я сержанту Замараеву.

Через минуту, взяв с собой на всякий случай вооруженного сержанта Ершова, мы мчались по дороге. Летательный аппарат стало видно яснее. Сомнения исчезли — это советский космический корабль-спутник «Восток».

Корабль приземлился за лесом, и мы, свернув с дороги, поехали к нему, не снижая скорости, несмотря на кочки и рытвины.

Миновав кустарник, увидели корабль, а возле него первого советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Мы бросились к нему со всех ног: ведь, может быть, нужна была помощь. Но космонавт стоял в спокойной, непринужденной позе, а увидев нас, не торопясь, пошел навстречу. На его скафандре мы прочитали буквы: «СССР».

Тут начались крепкие объятия, сердечные рукопожатия.

— Мне нужно добраться до ближайшего телефона,— сказал Гагарин.

Оставив офицера Калмыкова и сержанта Ершова возле космического корабля, сели в машину и поехали в гарнизон. По дороге помогали космонавту расстегнуть костюм, плотно облегавший его тело.

В подразделении, конечно, никто не подозревал, что предстоит встреча с первым советским космонавтом. Моментально собрался весь личный состав подразделения. Но прежде нужно было связаться с Москвой.

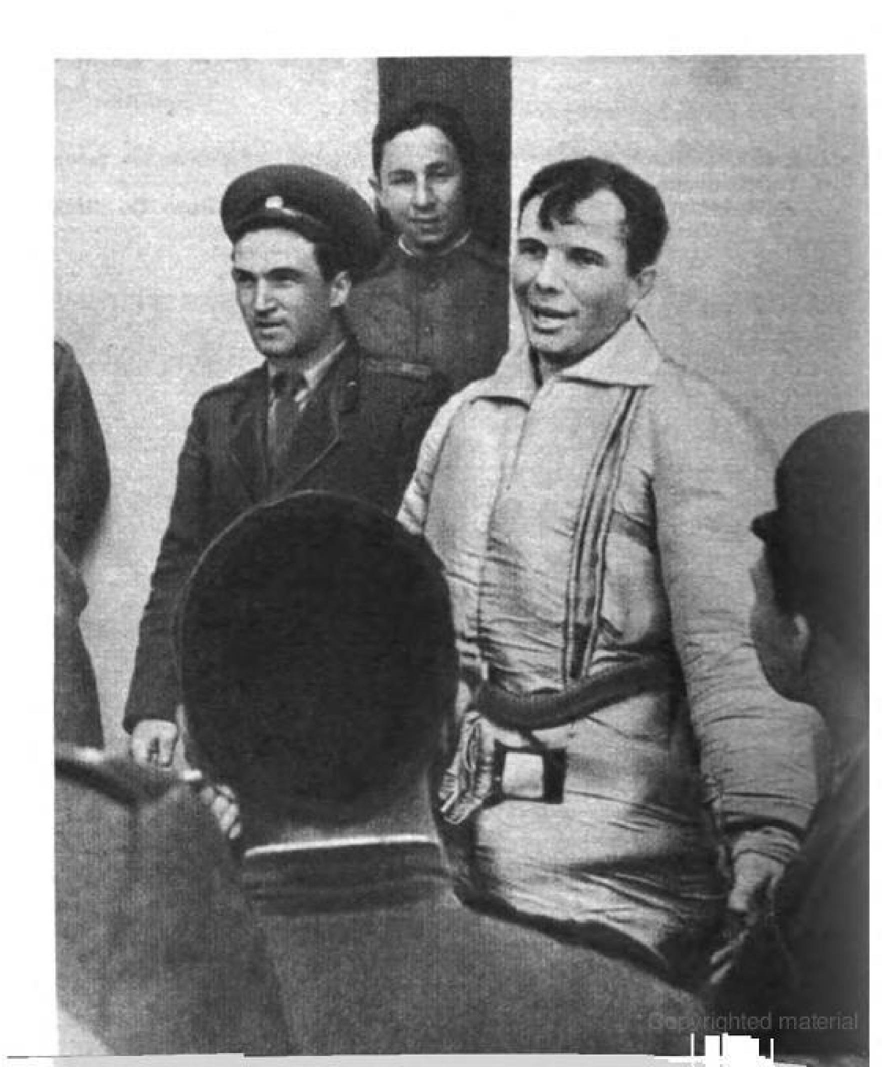
Я передал трубку Юрию Алексеевичу, и он сказал:

— Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею.

После этого у нас в подразделении был митинг. Выступая на нем, первый в мире космонавт сказал:

— Своим полетом в космос я прежде всего обязан родному Советскому правительству, которое неустанно заботится о развитии нашей науки и техники. Спасибо вам, товарищи воины, за теплую встречу на родной земле!

А. ГАССИЕВ

На снимках (слева направо):

Спасибо за теплую встречу!

Качнем, братцы, космонавта!

Все хотели сфотографироваться вместе с Юрием Гагариным.

НОРМАЛЬНО!

Руководитель полета нетерпеливо посматривает на часы — вся подготовка предусмотрена четким графиком, нарушать его нельзя. На космонавта надевают скафандр, проверяют наличие и исправность всех приборов, аппаратуры.

Для поездки на старт подходит специально оборудованный автобус.

Гагарин занимает «космическое кресло». В скафандре для вентиляции имеются устройства, к которым должны подаваться электроэнергия и кислород. К этим устройствам подключается питание от бортовых источников автобуса.

Подается сигнал к отправлению, и автобус быстро мчится по шоссе. Дорога делает последний поворот, и машина подъезжает к широкому полю ракетодрома, где на старте возвышается огромный космический корабль. Автобус останавливается вблизи него.

Гагарин вышел из машины, улыбнулся товарищам. И опять график подготовки к полету едва не нарушился! Каждому хотелось еще раз обнять космонавта перед полетом. И тут оказалось, что обниматься и целоваться можно даже в космическом скафандре.

А потом космонавт подошел к руководителям полета корабля и четко, по-военному доложил:

— Летчик Гагарин к первому полету на космическом корабле-спутнике «Восток» готов!

Предстартовая подготовка проводилась быстро, тщательно и четко. Проверяется скафандр, оборудование корабля, все каналы радиосвязи космонавта с землей.

Лифт поднял Гагарина на верхнюю площадку обслуживания, он махнул на прощание рукой, и тяжелая дверь космического корабля закрылась за ним.

А через несколько минут Гагарин спокойно докладывал:

— «Земля», я «Космонавт». Проверку связи закончил. Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения. Давление в кабине — единица, влажность — 65%, температура — 19°, давление в отсеке — 1,2, давление в системах ориентации нормальное. Самочувствие хорошее. К старту готов. Как поняли?

Земля ответила, что хорошо поняла. На экране телевизионного устройства было ясно видно улыбающееся лицо космонавта, а за 15 минут до старта Земля передала: «Космонавт»! Я «Земля». Наблюдаем за вами по телевидению. Ваш вид нас радует. Вы держитесь бодро. Ваш пульс — 64, дыхание — 24. Все идет нормально».

«Космонавт» ответил: «Сердце бьется нормально. Чувствую себя хорошо, перчатки надел, гермошлем закрыл, к старту готов».

Последние минуты перед стартом Земля непрерывно информировала космонавта и передавала на борт корабля все команды по пуску. В 9.07 на команду технического руководителя пуска «Подъем!» космонавт ответил: «Поехали! Все проходит нормально. Самочувствие хорошее».

«Земля»: Время — 70 секунд после вашего взлета.

«Космонавт»: Понял вас — 70. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

«Земля»: 100. Как чувствуете?

«Космонавт»: Самочувствие хорошее, как у вас?

«Земля»: Все нормально.

«Космонавт»: Слышу вас отлично. Самочувствие отличное. Полет продолжается хорошо. Перегрузки растут. Вижу землю, лес, облака, реки.

А затем следующее сообщение:

— «Земля», я «Космонавт»: произошло разделение с носителем, согласно заданию. Самочувствие хорошее. Параметры кабины: давление — единица, влажность — 65, температура — 20 градусов, давление в отсеке — единица, в системах ориентации нормальное.

В соответствии с заданием Гагарин следил за работой оборудования корабля, вел наблюдения в иллюминаторы и оптические ориентиры, вел бортовой журнал. В нем еще на Земле он написал для себя несколько вопросов и теперь отвечал на них:

«Можно ли определить направление движения? — Можно.

Как видно землю? — Хорошо.

Море? Берег? — Хорошо».

Работая на ключе, передавал об этом на Землю.

Гагарин делал и такие записи:

«Вошел в тень Земли. Ничего не видно.

Самочувствие хорошее. Слышу вальс «Амурские волны». Слышу позывные «Земли».

В 9 часов 51 минуту была включена автоматическая система ориентации корабля. После выхода из тени она осуществила поиск и ориентацию корабля на Солнце. Об этом «Космонавт» незамедлительно сообщил «Земле».

А в 10 часов 25 минут космонавт сообщил об автоматическом включении тормозного устройства. Корабль «Восток» начал снижаться и через 30 минут благополучно приземлился в заданном районе.

Во время полета корабль «Восток» обладал максимальной скоростью 28 тысяч километров в час, высотой — 327 километров и облетел вокруг земного шара.

ВСТРЕЧА, ПЕРВЫЕ ФОТОГРАФИИ

Крымские радости и досады

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Откуда это сочетание радости и досады? Не надуманно ли оно? Нет. Мы хотим рассказать о некоторых крымских делах, радующих советского человека, и о тех, что не могут не вызвать досаду.

Крым не только сказочно красив, он к тому же очень богат. Начавшийся поход за значительное расширение на полуострове садов и виноградников — массовый трудовой подвиг крымчан, возглавленный коммунистами. И как не радоваться этому! В походе, помогая общему делу, экспериментаторы, селекционеры, люди, которые постоянно что-то ищут, пробуют.

Искатели

Кто не знает в Ялте кудесника живой природы Сергея Ивановича Редькина! Куда ни бросала судьба офицера Редькина, везде он отмечал свой путь добрым делом. Посаженные им деревья, сады и поныне цветут в далеком Забайкалье, в Ульяновске и Уфе, Кировограде и Умани. Но вот вышел офицер в отставку, поселился на Южном берегу Крыма и своими руками создал богатейший ботанический уголок. Чего только нет здесь! У Сергея Ивановича свои гибриды яблок, винограда.

Или другой искатель, Кузьма Семенович Дьячкин, — изобретатель признанного наукой и практикой электроопылителя. Сейчас он работает над созданием электроопрыскивателя, ставит интересные опыты по подземному орошению и мечтает о том, чтобы поднять над крымскими дорогами арки из виноградной лозы.

Их много в Крыму, таких опытников: Аким Иванович Бомик, Петр Родионович Жданов, Виктор Сергеевич Курош, Александр Иванович Яковлев...

Может быть, не всё, что достигнуто этими людьми, можно безоговорочно рекомендовать в большую жизнь. Что-то совсем отпадет, а кое-что так и останется пригодным только в масштабах приусадебных. Но бесспорно одно: у опытников есть много такого, что может быть полезно и для практики и для науки.

Ухабы на ровной дороге

Известно: Крым далеко шагнул, расширяя площади под виноградниками и садами. Ну, а качество этой большой работы? И выясняется: кое-где есть досадные недоделки. Крымчане вспоминают слова Никиты Сергеевича Хрущева, сказанные при вручении Украине ордена Ленина: «Вы сегодня отрапортуете, вас похвалят, а через три года будете очень жалеть, потому что вместо хорошего винограда будете производить такую кислятину, от которой слепой прозреет, а зрячий может ослепнуть».

Не все учли это предупреждение, и теперь приходится дорого расплачиваться: надо перепахать двадцать восемь тысяч гектаров новых виноградников. Нет, это не стихийное бедствие, это брак в работе.

Вот какие ухабы встречаются на крымских дорогах!

Подобных ухабов было бы куда меньше, если бы в общий поход крымчан за сады и виноградники по-настоящему включилась наука. Ученых людей в Крыму много: и в Сельскохозяйственном институте, и в Никитском ботаническом саду, и в институте виноградарства и виноделия «Магарач». Но, к сожалению, далеко не все они хорошо связаны с колхозами, совхозами и не очень-то жалуют своим вниманием тех, кто должен бы быть особенно близок им, — экспериментаторов, селекционеров.

Институт «Магарач» смог бы принести куда большую пользу, если бы он по-настоящему интересовался тем, что делают за его стенами сотни опытников, привлекал бы их как своих первейших помощников. Но ни разу институт не собрал энтузиастов-мичуринцев, не попытался обобщить их опыт. Более того, директор института тов. Т. Катарьян отличился тем, что употребил всю силу своего авторитета против того, за кого он должен был заступиться.

Тринадцать против одного

В 1959 году страстный любитель природы Аким Иванович Бомик опубликовал в областной газете «Радянський Крим» серию статей. Автору было что рассказать людям, человек не зря прожил на свете семьдесят лет. Вся Ялта не раз удивлялась чудесным бомиковским плодам. Тут яблоки и груши, необыкновенные не только по размерам, но и по вкусу, по аромату. Тут и чудо-виноград, инжир, айва. Тут и своеобразная пшеница, размноженная и воспитанная из колоска, случайно найденного писателем Петром Андреевичем Павленко в Прикаспийских степях.

Пока А. Бомик только демонстрировал свои экспонаты на выставках, его еще терпели; пока он писал о своих наблюдениях, никого не задевая, — снисходительно молчали. Но вот больше года тому назад в республиканской газете «Правда Украины» появилась статья «У Бомика и вокруг». В ней говорилось, что пора бы извлечь практические уроки из опытов мичуринца, были серьезные замечания в адрес совхоза «Горный», который плохо использует богатейшие возможности, берет заниженные обязательства. Был брошен камешек и в огород областных и ялтинских руководителей.

Министерство сельского хозяйства Украины пригласило опытника на заседание коллегии, заслушало обширный его доклад, одобрило деятельность Бомика и начало искать пути, как извлечь из наблюдений селекционера наибольшую пользу. Поддержала Бомика и Украинская Академия сельскохозяйственных наук.

Зато в Крыму сразу нашлись ярые противники его опытов и мыслей. И первым среди них был... директор института «Магарач» тов. Катарьян.

Решили утихомирить Бомика авторитетами. Обком партии создал комиссию из шести человек. Горком — из семи. Первую возглавил тов. Катарьян, вторую — директор винокомбината «Массандра» Л. Шайтуро. Объединенными усилиями комиссии выработали, мягко говоря, очень гибкий документ-справку. В ней зачеркивается вся опытническая работа А. Бомика и в то же время на всякий случай делаются всевозможные оговорки. Например, о пшенице, культивируемой Бомиком, говорится, что она относится к виду, «который имеет довольно широкое распространение», а дальше сказано: «Полную оценку пшеницы... можно дать лишь после ее размножения и испытания в различных районах страны». Зачем же, спрашивается, размножать и испытывать, раз она имеет довольно широкое распространение?

В справке сказано, что перезимовка табака в окученном состоянии на грядке у Бомика — это не результат выведения зимостойкого сорта теплолюбивой культуры. А далее следует запись: «Целесообразно более детально изучить характер перезимовки табака при окучивании в полевых условиях».

В выводах фиксируется: Аким Бомик, пользуясь общеизвестными агротехническими приемами, получает на своем приусадебном участке относительно высокие урожаи винограда и овощных культур... Достижения Бомика не являются единственными для условий Большой Ялты, и широкое распространение приемов, применяемых им и другими, несомненно, заслуживает внимания и одобрения на приусадебных участках при орошении и внесении удобрений.

Это с одной стороны. А с другой — комиссия устанавливает, что у А. Бомика нет своих, оригинальных сортов винограда, инжира, многолетнего табака, помидора и других овощных культур. Что касается имеющихся на участке одной яблони, нескольких деревьев слив и алычи, полученных, по заявлению Бомика, из семян, то эти растения, мол, подлежат тщательной помологической проверке. А о ветвистой пшенице делать какие-либо определенные выводы преждевременно. Удивительно противоречивая справка, которая все берет под сомнение, но ничего не доказывает! В самом деле, если Бомик пользуется общеизвестными агротехническими приемами, то кто же мешает пользоваться этими приемами другим? Если его яблоня, слива, алыча подлежат тщательной помологической проверке, то почему же их не проверить?

Любопытно, что ни горком, ни обком партии не приняли никаких решений по справке комиссий. Даже непонятно, зачем их создавали. Видимо, поняли, что было бы весьма опрометчиво принимать решение по такому документу. Документ этот не обнародовали, но слухи о нем расползлись далеко-далеко, обрастая невероятными домыслами.

Допустим, на самый худой конец, что пшеница «Великан» окажется бесперспективной. Но тот факт, что человек не прошел мимо случайно найденного колоска, пятнадцать лет трудился над ним, размножил культуру из нескольких зерен до сотен килограммов, не получая ни копейки вознаграждения, — разве это не достойно хотя бы морального поощрения? Разве за одни эти неутомимые поиски не следовало бы человеку преклонных лет сказать спасибо?

Да дело ведь не только в пшенице. Вот в горе просочился какой-то необычный источник. Вода теплая, с запахом серы. Видели это и другие люди, но в горком партии о необыкновенном источнике сообщил Аким Иванович. Может быть, окажется, что источник не представляет собой большой ценности, имеет ограниченный дебит, но ведь важно другое: человек не прошел мимо, не остался безразличным. Беспокойный у него характер: что найдет, что откроет, стремится поставить на службу народу. Тут бы и отметить человека с таким характером, ухватиться за разумное, что есть в его предложениях, поисках, опытах, помочь ему, поддержать — ведь не корысти ради делает свое полезное дело неутомимый старик.

А получилось совсем по-другому. Прослышав про атаку на Бомика авторитетных ученых, про грозную «справку», какие-то злопыхатели пустили подленькую сплетню, будто старик занимается... спекуляцией. Какой абсурд!

Надо заботливо поддержать опытников, взяться с ними крепче за руки. Тогда будет меньше досадных ухабов на той широкой дороге, по которой идет развитие крымского виноградарства и садоводства. Так будет легче идти к цели.

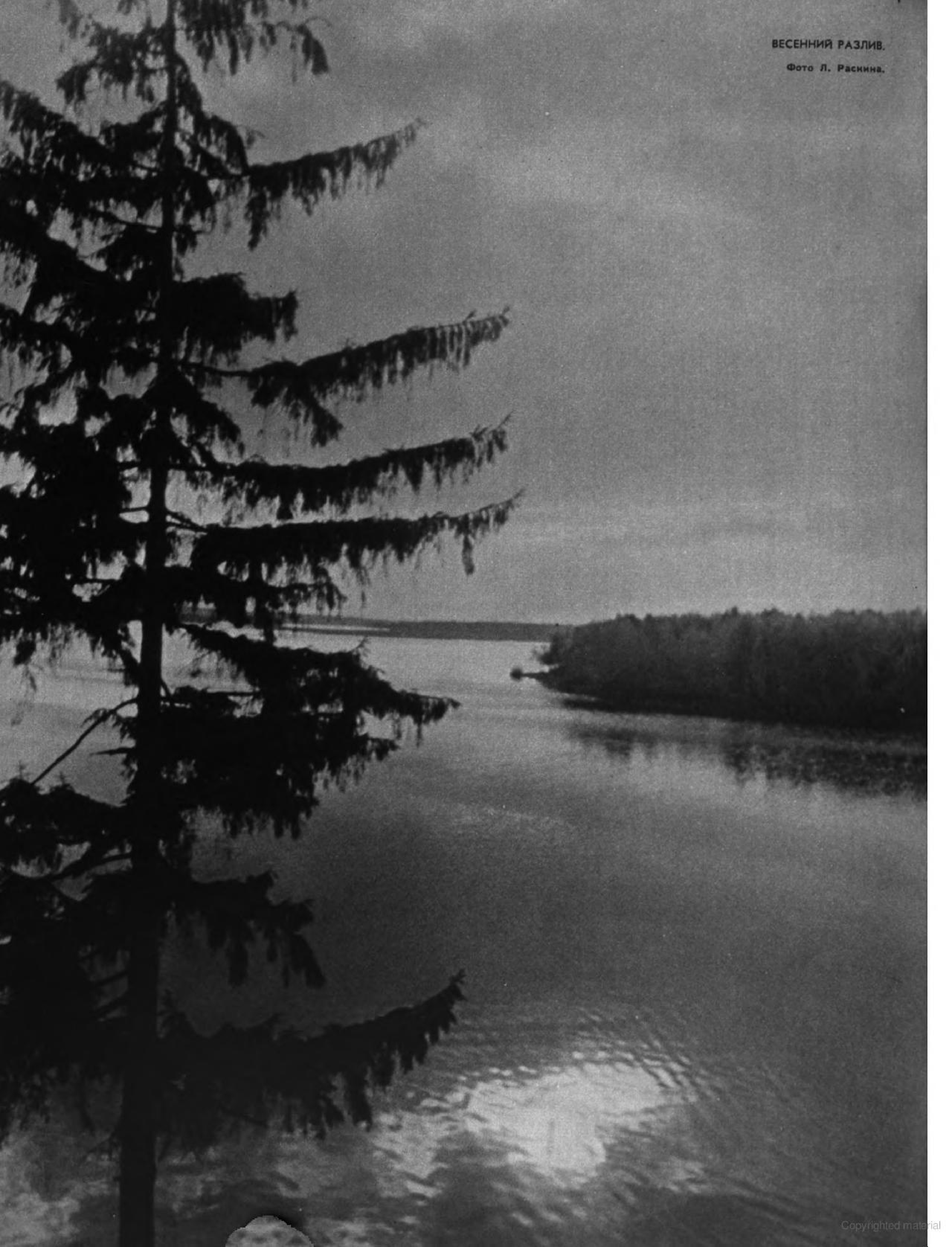

Николай Григорьевич ИГНАТОВ

К шестидесятилетию со дня рождения.

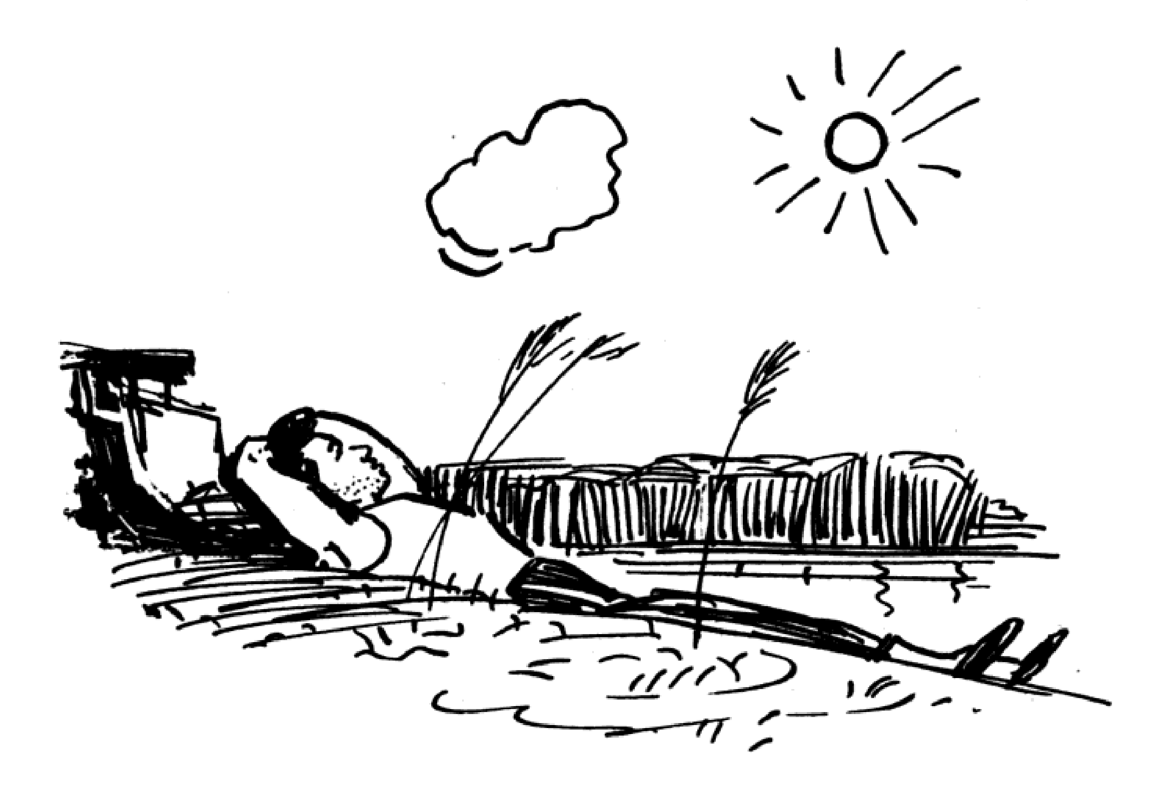
Фото Г. Вайля.

«Огонек».

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ.

Фото Л. Раскина.

Юрий ПОМОЗОВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Васенка и Спиря

Рассказ

Июньское солнце так и не успело за долгий день расплеснуть весь жар: оно по-прежнему огнисто, колюче, только по-вечернему отяжелело и уже заходит за трущобный Волгин лес.

От леса далеко, дерзко выбросилась тень. Сизая и плотная, она обесцветила нарядный теремок над истоком, еще ниже, кажется, придавила бревенчатый мостик над ручьистой Волгой и теперь, совсем недобрая, затопляет буерак.

Но высокому буерачному склону, видать, еще долго озаряться прощальными лучами. И долго еще там будет отливать черным жирным глянцем лысая земля, такая несчастная! Ведь ей уже никогда больше не зеленеть по весне: смертно изрубцована, едко промазучена, она и не дышит, только все курится, исходит чадным жаром...

На этой голой земле, чуть поодаль от старинных монастырских елей, скучно сереет пыльный, без блеска трактор с обитыми коегде гусеницами, жгуче пламенеет на солнце ржавый бак в синеватых потеках бензина и валяются вразброс порченые, тусклые лемеха и новенькие, ясные, как зеркальца. И тут же, прямо на них, лежит на спине Спиря, тракторист, малый лет двадцати.

На Спире белесая майка, вельветовые штаны, вправленные в носки, легкие тапочки-спортсменки, чтоб нога не потела, да еще кепчонка без козырька, похожая на берет... Все это пыльно, изрядно потерто, в маслянистых пятнах. И лицо у Спири тоже пыльное, с мазутной чернью. Оно сейчас кажется на редкость усталым, расслабленным. Заметно, как оттянулись уголками книзу еще мальчишеские пухлые губы, как удлинились прищуренные глаза — голубоватые, бездумные; лишь остритcя нос, и выпукло твердеет подбородок в колючей щетине, совсем уже настоящий мужской подбородок.

Спиря давно лежит так, не шевелясь, закинув руки под голову, и дремотно созерцает в выжженном добела небе чудом уцелевшее облачко, тоже неподвижное, отдыхающее. Лежит он и слушает крепкое шлепанье босых бабьих ног на мокром помосте, гулкий плеск воды, зачерпнутой на болотистой чистинке, слушает поскрипы коромысел, мерные, убаюкивающие, и хочется ему спать; а спать-то и нельзя: день сегодня субботний, топятся бани по всей деревне, того и жди, кликнет мать: «Ступай, Спирька, мыться!..»

Спирю и вправду скоро окликают, но не издали и не старческим голосом, а молодым, робким и ласковым; и так близко, и по-давнему, по-знакомому окликают:

— Спиря, а Спиря...

Парень скашивает в сторону затуманившиеся глаза и начинает моргать, сопеть... Рядышком стоит Васенка, когда-то своя, волговерховская девчонка, когда-то очень худенькая, с тощими косицами, теперь же замужняя женщина, студентка-медичка и совсем, совсем чужая: без всяких косиц, коротко стриженная, полненькая, как грибок-боровик, в белых босоножках, в цветастом дорогом шелковом платье, которое тесно ей на груди и у ног, а в поясе мнется просторными складками.

— Ну, здравствуй, Спиря! — говорит она погромче, посмелее и облизывает язычком малиновые губы, должно быть, крашеные.

— Здорово,— натужным баском, бодрясь, отзывается Спиря; но все же неловко ему: снизу, с земли, он невольно разглядел крепкие ноги Васенки, их женственную полноту выше колен, разглядел и эти колени, округлые и белые.

— Вот, значит, и свиделись! — Васенка тоже бодрится, улыбается, но голосок ее подрагивает, вибрирует, когда она вдруг ни с того ни с сего принимается рассказывать: — А приехали-то мы утречком!.. Ты тогда в поле работал, я слышала... Потом мой Коля с отцом ушел рыбачить на Верхит... Да и хорошо, что ушел: я на свободе бродить пошла. И в теремке постояла, погрустила и в Волгин лес забрела. А как в поля подалась, все-то ленком любовалась. Больно хороший он вымахнул! Да притомилась я тут с отвычки и села на прясло. Сижу и Колю поджидаю. А он не идет и не идет!.. Должно быть, заночует на Малом Верхите.

— Отчего ж не ночевать там,— вставляет Спиря и опять смотрит вверх, на облачко.— Там-то холодок, у воды, и искупаться можно в заводинке.

Васенка беспокоится:

— Не утонул бы мой Коля! Совсем плавать не умеет!

— Городской, что ли? — спрашивает Спиря с легкой насмешкой.

— Городской... Начисто городской.

— А как там, в городе-то, не скучно?

— Да когда скучать-то!.. То по хозяйству хлопочешь день-деньской, то, глянь, уже сессия на носу... Даже в театр некогда сходить!.. Ну, а как ты поживаешь? Умаялся, поди-ка?

— Умаешься тут, коли каменья разоряют. Как потайной черемнёшь[1] — мигом лемех летит. Не работа — беда!..

Огнистое солнце уже плавит точеные еловые маковки, лохматые вершины осин. Сизая тень еще дальше выбросилась от Волгина леса, совсем осмелела — ползет теперь все вверх да вверх по буерачному склону. Скоро она, видать, и жаркую глянцевую землю застелет, зальет сумраком и сыростью.

— Нет, до чего ж все интересно! — вырывается у Васенки.— Ведь вот, кажется, совсем недавно — ну, прямо-таки вчера! — я бегала тут по жнивью, по болотикам, да все босиком, босиком, играла и ссорилась с мальчишками, тебя дразнила: «Дон, дон, Спиридон!» А теперь я — подумать только! — студентка второго курса, будущий врач. И ты, Спиря, тоже не кто-нибудь, а тракторист, да еще важный такой... Право, важный и с бородкой вроде!.. И все-таки, знаешь, жаль, что прежнее не воротится. Уж так жаль — плакать хочется!

Васенка вдруг опускается на землю, и цветастое платье ее взлетает кверху порывисто, вразлет, опахивает Спирино лицо мягким, шелковистым ветерком; но девушка тотчас же ловит непокорно-шаловливый шелк и накрепко обтягивает им выставленные коленки, задумывается, потом произносит задумчиво, тихонько:

— Спиря, а Спиря... А ты помнишь, как с Егоркой Гуляевым забрался на ригу?.. Вы-то забрались, а я тогда мимо шла с фермы, от мамки. Ну, и начала подзадоривать: кто смелый, кто спрыгнет в грязь и станет князь?.. Егорка-то, конечно, забоялся, а ты камнем вниз, будто ястребок. Да кость-то и расколол в правой ноге...

— Не в правой, а в левой,— мрачно замечает Спиря.

— Ну, пусть в левой... Да ведь все равно больно и шагу не ступить в одиночку! Тогда я, помнишь, подставила плечо, ты оперся, мы и пошли... Пройдем немного и остановимся: стонешь ты, совсем тебе невмоготу. И слезы, слезы из глаз горошинами!.. А мне так жаль тебя, так жаль! Сама, кажется, разревусь...

Спире уже не лежится... Пусть тот случай произошел давным-давно, но его мужское самолюбие все равно страдает. Резко выпрастывает он большие руки из-под головы и, упершись ими в землю, резко приподнимается. Теперь лицо уже не кажется расслабленным:

[1] Зацепишь (местн.).

оно туго налилось багровым сердитым румянцем.

— Эва, заладила: слезы да слезы! — прорывает Спирю.— А отчего я плакал тогда, ты знаешь?.. От досады лютой. От того, что в Свапущу, в МТС, не побегу новые тракторы смотреть.

А тень уже притушила глянец промазученной земли, в одно смешивает и порченые и новенькие лемеха, подбирается к рыжему пламенному баку; даже белые босоножки Васенки и те будто пеплом подернулись.

Васенка молчит — уткнулась подбородком в крутые коленки, задумалась... Молчит и Спиря. Вспоминается ему та безутешная пора, когда он, горемыка, мытарился с разбитой ногой... После прыжка с риги нога быстро набухла, свинцово засинела; нельзя было на пятку ступить. Тогда плотник Яков, мужик жалостливый, слезливый, с давних лет бобыль-сиротина, сделал Спире костыли, и пошел Спиря ковылять, даже малость повеселел: уже думал, что все обойдется с ногой. Но однажды вскрылись ранки и пришлось слечь в душной избе, маяться ночами, кусать подушки... И вот в ту пору как-то утречком заявилась Васенка в брезентовом плаще и с огромным кнутовищем, сама же такая махонькая. «Вставай, Спиря! — закричала она весело.— Председатель лошадь дал, я тебя в Осташков, в больницу отвезу!»

...Спиря вздрагивает, будто ожил сейчас тот далекий радостный голос; но нет, это снова заговорила Васенка — не та, прежняя, худенькая, в огромном председательском плаще, а теперешняя, в шелковом платье.

— Спиря, а Спиря,— говорит она прерывисто.— Ты-то, может, думаешь, я не мучилась тогда из-за ноги твоей?.. А я, Спиря, мучилась, места себе не находила! Ведь если б не я, не спрыгнул ты с риги.

— Нет, спрыгнул бы,— уверенно, мрачно возражает Спиря.— Мы тогда с Егоркой заспорили, что спрыгну...

Васенка вздыхает:

— Ну, пусть спрыгнул бы, да только не сгоряча, а ловчее, с расчетом. А я подзадорила, ты и поспешил. Значит, я и виноватой была!.. Оттого и лошадь выпросила у председателя.

Она оживляется, вскидывает стриженой головой, даже волосы отлетают от щек, от затылка. Но движение это чересчур резко, и Васенка, сидевшая на корточках, теряет равновесие, подается вперед, в сторону Спири. Ее грудь туго упирается в грязное плечо парня; а это неловко, и не мешало бы тут отодвинуться... Да что поделаешь! Васенка забылась и, стоя уже на коленках, вдавив их в промазученную землю, щекочуще шепчет прямо в Спирино запыленное ухо:

— А помнишь, как мы в Осташков ехали?.. Жарынь тогда была, земля под колесами звенела, оводы кружились. Но сена много было в телеге, и как душисто оно пахло! Как покойно было лежать в нем, да на небо поглядывать, да травинку-былинку посасывать!.. И помнишь, какая умная была лошадь? Хоть и тащилась она еле-еле, зато сама: без окрика, без кнута!.. А потом, помнишь, ветер налетел, запылил, даже леса не разглядеть. И тут же гром треснул, а ты еще сказал: ель повалило... И снова молнии заполыхали, гром затрещал. И вскинулась над лесом туча, черным-черная... Я как взглянула на нее, так и обомлела: обрушится, задавит!.. Глаза мои, помню, сами закрылись. И тут хлынул ливень, застучал по дороге, зашлепал по нашей бедной лошаденке. А мы под брезент скорей! Лежим, не ворохнемся, только дождь слушаем. И мне уже не страшно, только душно было. И все, помню, рассмеяться хотелось: щекотала щеку какая-то травинка... Да ты помнишь ли все?

Спиря все помнит. Он помнит и тот поздний вечер, когда усталая лошадь притащилась в Осташков. Было тогда прохладно, знобко, после дождя задувал сырой ветер с Селигера. Васенка все куталась в плащ и кнутом нарочно замахивалась, чтоб согреться... Наконец выбрались на главную улицу и поехали по звонкому булыжнику, среди больших луж, в которых отражалось холодное зеленоватое небо. Потом свернули налево — и чисто, свежо забелела городская больница. И так же чисто, свежо было в ее коридорах, в кабинете; мягко шелестели там халаты врачей, пахло лекарствами... Один из врачей — молодой, лысоватый, бледный, с черными бровями — долго осматривал Спирю и все, помнится, жевал губами, хмурился. Спиря понял, что его дело плохо; когда же очутился в палате на койке, заснуть не мог до утра. А сколько еще впереди было ночей тревожных, бездремных! Как Спирю ни лечили ваннами и компрессами — ноге не легчало. Она еще пуще набухла, засинела, кожа на ней сделалась прозрачной, как стеклышко. Иногда вдруг открывались ранки. Спиря, случалось, не выдерживал — истошно кричал от боли. Тогда прибегала дежурная, просыпались и ворчали соседи по палате. А один из них — злой, с дремучим взглядом старик из Емши — как-то шепнул: «От своей судьбы, паря, никуда не уйдешь. Оттяпают тебе ноженьку. Непременно». Спиря тогда расплакался по-детски, навзрыд: как же он без ноги на трактор сядет?.. И в первую же ночь в одном исподнем белье вылез через окно — хотел домой бежать, да потерял сознание. Очнулся уже в палате. За окнами дымилось мглистое утро: наползал туман с Селигера. А в палате горели лампочки, было светло, уютно; рядышком на койке сидел молодой чернобровый врач и говорил: «Брось дурить, парень! Будешь ты еще на тракторе пахать. Только потерпи малость: есть у нас еще одно средство». Спиря успокоился, окрылился надеждой. А спасительное средство оказалось простеньким, народным. В больнице сварили пластырь из воска и смолы-живицы, из сливочного масла и лука. Но когда приложили его к ранкам, свершилось чудо. Всю нечисть стало вытягивать из ранок, и боль слабела, нога оживала...

— А ты помнишь,— продолжала Васенка,— как я тебе гостинцы привозила?.. Помнишь, си-

ЯСТРЕБА

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

Подставь тугим ветрам лицо,
В былое окунись по брови.
И вот уж отчее крыльцо
В накрапах ястребиной крови.
Окон нехитрая резьба.
Резные ставни. Резеда.
И древних петухов поверья.
И словно в этом вся судьба —
Схлестнутся в небе ястреба,
И на крыльцо падут их перья...
А я, совсем еще пострел,
Чтоб поединком их упиться,
Как зачарованный, смотрел
На ястребиное убийство.
Качалось солнце над травой,
И падал ястреб, вскрикнув зычно,
И мертвый взгляд, как нож кривой,
Скользил по крыше черепичной.
О, я запомнил этот взгляд!
И ныне, в схватке или в драке,
Я вижу: те зрачки горят
Слепою яростью во мраке.
Я вижу: сходятся враги.
Как ястреба, схлестнулись мненья,
Характеры и кулаки.
И нет прощенья. Есть отмщенье.
Так первобытной дружбы вдруг
Коснется алчный клюв раздора.
И вот уже кружится пух,
И новая гнездится ссора...
Но я беру свой самострел
И прекращаю это действо.
Я с детства пресекать умел
Те ястребиные злодейства.
Мне в превосходстве нет нужды.
Но как чудовищны размеры
Братоубийства и вражды
Одной крови́ и разной веры!
Дождь, не минуй мое крыльцо
И смой позорной битвы перья!
Брат, брату посмотри в лицо —
Оно исполнено доверья.
Мне, кто, разжевывая хлеб,
Грачат кормил со рта и плакал,
Когда однажды дедов серп
В траве вслепую срезал птаху,—
Мне нежность прививала мать,
И, молоком любви вскормленный,
Я мир берусь не освистать,
Берусь я мир воспеть влюбленно.
Как плакал я! Как я желал,
Чтоб птаха сирая воскресла,
Как руки к небу я вздымал,
Молясь за птичье сердце крестно!
Я те знаменья подсмотрел,
Когда нас гром накрыл в ложбине.
Крестился дед. Молитвы пел
И приправлял их матерщиной.
Крестился дед. Поклоны бил.
Гроза гремела. Страх плескался.
Но так молитвы дед бубнил,
Что я вдруг взял и рассмеялся.
Кривилась радуга клинком,
Горбатилась, как от подарка.
А я смеялся, страх пинком
Прогнав за радужную арку...
Капель капелит у крыльца.
Апрель пыльцой апрелит раму.
Я вырос — жесткостью в отца
И нежной родинкою — в маму.
Я эту нежность сохраню,
На строчки бусинкой наниже.
Смерть пресеку и зло предвижу.
Я крылья в ястребе ценю
И алчность крови ненавижу.

Ленинград.

жу, бывало, на табуретке рядышком и про смешное кино рассказываю, смеюсь нарочно, чтоб тебя развеселить... Смеюсь-то, смеюсь, а сама думушку думаю: «Ах, была бы я врачом, давно бы Спирьку вылечила!..» Но однажды, помнишь, приехала и... пироги рыбные уронила... Смотрю: выходишь ты из больницы, плачешь от радости. И мне бы тут бежать к тебе, да не могу: ноги отнялись, сама в слезах...

Сизая тень уже давно погасила пламенный бак, давно просочилась в густую хвою старых монастырских елей; но на самых маковках еще теплится, румянится солнечный луч, словно накололся на них. И уже не слышно шлепанья босых ног на помосте. Там, над ним, над всем болотцем, белесый наслаивается туман. Он точно подсек снизу теремок и держит его, совсем дивный, сказочный, в воздухе...

А как тихо! Только в трущобном Волгином лесу робко пощелкивает застенчивый валдайский соловей; только на дне буерака среди осоки и калужницы шелестит, позванивает о первый камешек слабый, по-ребячьему картавый ручеек. И нет ему сна и отдыха: все спешит, торопится он — туда, в безвестные дали огромной России, где сил ему набираться, богатырем становиться.

— Эй, Спирька! — вдруг несется от деревни старческий, скрипучий голос, такой чуждый этой внятной, благословенной тишине.— Эй, Спирька, куда ты запропастился?.. Иди в баню мыться!

Васенка вдруг отскакивает от Спири, жмется к еловому стволу. Сам Спиря тоже вышел из непривычной забывчивости, быстро поднимается с земли, косится на затаившуюся Васенку.

— Ну, чего испугалась-то?.. Идем,— говорит он грубовато-ломким баском; а плечо его, нечаянно согретое крепкой грудью Васенки, точно жжется; даже разлился от него по телу приятный, волнующий жар, и уходить отсюда, с прохлады, на зов матери, да еще в жаркую баню, не хочется.

Но Васенка сама торопит:

— Ты иди-ка, знаешь, иди! А я уж выжду...

И Спиря, удивленный, отходит, грузно ступая, далеко по привычке отводя от боков большие рабочие руки. «Нет, чего ж это она выжидать будет?» — все удивляется он.

Лишь в баньке, низенькой, закоптелой, еще дедом сколоченной, удивление покидает Спирю. Там, втянув голову, он принимается почем зря хлестать по усталому телу березовым веником, едким и злым, смоченным для остростки в огуречном рассоле. С каждым ударом веника молодое тело накаляется до палящей красноты, начинает играть веселым, чистым глянцем. А Спиря все хлещет и хлещет по гладкой и уже скользкой спине, по мускулистым ногам. Он точно изгоняет из тела въевшуюся усталость, да покрякивает, довольный, да жмурится в блаженном упоении от прилива радостных, здоровых сил.

Но вот последнее ведро с ледяной, родниковой водой опрокинуто на пылающее тело; вот уже выходит из бани Спиря в новых штанах, в хрусткой белой рубахе, видит вдали монастырские ели в сплошной тени, совсем мрачные, а под ними все то же облачко, в закатных лучах, негасимое, и мысли возвращаются к Васенке. «Ишь, ушла,— размышляет он.— А хотела что-то выждать!...»

Почесав затылок, он идет в избу, черпает в прохладных сенцах свекольный квас из кадушки, потом распаренный, все еще не остывший, с мокрыми волосами долго сидит у раскрытого окна...

Напротив, через улицу, сереет под желтым, закатным небом изба Васенки. Большие окна в занавесках там тоже желты, будто просвечивает небо; но это Васенка зажгла керосиновую лампу. По занавескам то и дело скользит ее тень — не плоская, а какая-то округлая, плотная. Должно быть, Васенка ходит по избе, ожидаючи рыбаков с Верхита...

«Нет, а все же странной стала Васенка! — размышляет Спиря.— Свалилась тогда как с неба и начала обо всем стрекотать... Должно быть, сильно, до смерти соскучилась по дому».

За спиной похрапывает с присвистом старенькая мать — умаялась за день на ферме; а Спире даже не зевнется. Мягкая прохлада наплывает и сзади, из глубоких потемок избы, и спереди, со светлой улицы, студит, нежит горячее тело. И если б не материнский храп да не смутное отдаленное бренчание, которое вдруг донесется с полей и смолкнет, не было бы, кажется, вечера тише, умиротвореннее.

...Бренчание усиливается, становится гулким; слышно уже и погромыхивание колес на выбитом выгоне... Спиря знает, это Катька Семенова, колхозный молоковоз, катит из Коковкина, с танцев, на даровой лошади и заодно везет пустые бидоны. Еще миг — и вот уже она, темнея среди оловянно-тусклых бидонов, трясясь вместе с ними в телеге, проносится мимо, как оглашенная. Спирино лицо обдает крутым ветром, пылью, крепким лошадиным потом.

Когда пыль оседает, Спиря видит на крыльце Васенку. В ожидании она вышла на шум; но никто не соскочил с телеги, и она застыла, скрестив руки под грудью, задумалась... Сейчас на ней простенькое светлое платье, очень короткое, выше колен, должно быть, еще девичье.

«Ишь, муженька своего поджидает, соснуть не может,— вздыхает Спиря.— А когда-то обо мне тревожилась, у больницы поджидала...»

Ему становится скучно — пойти спать, что ли? — но хочется взглянуть на мужа Васенки. И он, затаившись, сидит у окна, прислушивается...

Как тихо стало! Наконец-то смолкло пустое бренчание там, за деревней, у фермы. Не шевельнется Васенка на крыльце, не скрипнет там половичка... О чем она думает, куда смотрит? На выгон ли, в поля белесоватые, сумеречные, на избу ли Спири?..

С выгона долетают голоса: один гугнивый, уторопленный — голос дяди Акима, отца Васенки; другой молодой, усталый, кроткий. Спире почему-то кажется, что Васенка сейчас сломя голову побежит навстречу, а она не шелохнется, будто ничего не слышит.

— Эй, дочка, встречай рыбаков! — весело, но как-то глухо, в нос, кричит дядя Аким.

Коренастый, с удочками на плече, с ведерком в руке, он идет по улице мелким, спорым шагом, босой, с засученными портами, в выпущенной рубахе, бледной, как туман. Следом плетется несуразно длинный парень. На его белом, незагорелом лице резко прорезаются очки, черные усики. Он тоже босой и так же на нем засучены брюки, выпущена рубаха, но шагает он совсем нескладно — поднимет ногу высоко, скоро, а опустит ее медленно и не прямо на ступню, как положено человеку, а как-то вкось, ребром, точно все на что-то накалывается.

«Журавль... чистый журавль! — отмечает Спиря и удивляется: — Что ж это Васенка все стоит, не встречает?..»

— Я, Васенка, посмотри, пять окуней выловил! — подойдя к крылечку, хвастается длинный парень и тут же поскорей вскакивает на ступеньку, где уселся дядя Аким.

— Подумаешь, пять! — с презрением, громко и отчетливо выговаривает Васенка.— Ступай-ка лучше есть! А то жди его, жди!.. Тоже мне рыбак!

— А ты что такая сердитая?

— А ничего! — фыркает Васенка и уходит в избу.

— Да-а, накатывает на нее,— замечает дядя Аким.— Вся в мать, как роса в росинку.— Потом советует: — Ну ты, Николай, проходь в избу, а я есть не буду, после ухи-то. Я, пожалуй, тут, в сенцах, прилягу...

Крылечко пустеет, и снова тихо на улице.

В воздухе уже тянет сыростью с болотца; чудесно ожил под окном, у завалинки, терпкий, грустный запах вытоптанной гусиной травки.

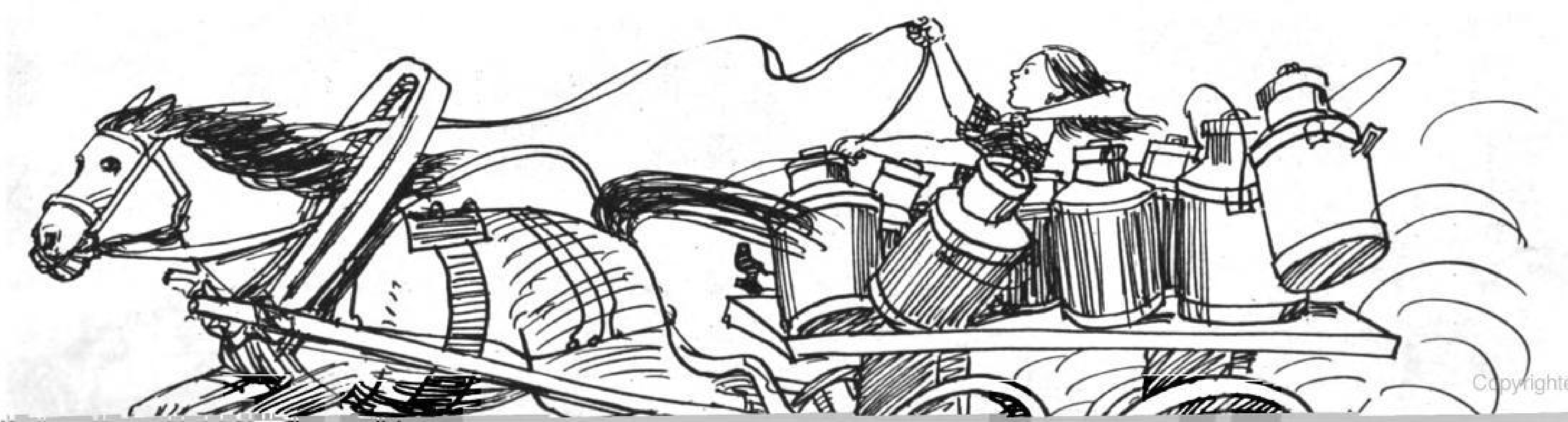
«Что ж, пора и мне спать... Право, пора!» — решает Спиря, а сам не шевелится, глаз не отводит от желтовато-теплых окон Васенкиной избы.

Там по занавескам скользят две тени, каждая сама по себе, и так и не встречаются.

— Ах ты, Васенка моя, Васенка, горячая, норовистая! — вырывается у Спири глухой шепчущий голос, перехваченный где-то в горле. И что-то вдруг тупое, безжалостное бьет по его сердцу... Так еще разве бьет при беде, когда трактор наскочит на глубинный потайной камень. Но отчего сейчас не проходит боль, и сердце щемит, и ноет оно потихоньку, как никогда прежде не ныло?..

Спиря чувствует: не заснуть ему в эту ночь.

В эту июньскую ночь не погаснет и небо, не то еще закатное, не то уже зоревое, не погаснет, а только час от часу станет разгораться, разливаться молодым сияющим светом над сереньkой, скромной деревушкой у великого истока, над лугами и буераками, над дальними холмами Валдая в синеющих гривах лесов — над всей отчей милой землей, где все всегда будет памятно сердцу.

ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"
ЛИСТ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

ТЕЛЕГРАММА

Бланк № 11

Адрес: МОСКВА Д-47 ПРАВДА 24
РЕДАКЦИЯ ОГОНЕК

МОСКВЕ МСК2/196/4
ОБРАТНО НЕПРАВИЛЬНЫМ
НАПРАВЛЕНИЕМ ПТРЗ/П/20
ПЕТРОПАВЛОВСКА КАМЧ 153
34 17 0550

=ЭКИПАЖ ТРАУЛЕРА КУЛТУШНОГО В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ВЕЛИЧАЙШЕГО
СОБЫТИЯ ОБРАТИЛСЯ ПРОСЬБОЙ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ СУДНО ПРИСВОИВ
ЕМУ ИМЯ ЮРИЯ ГАГАРИНА ПРОСЬБУ УДОВЛЕТВОРИЛИ ТЕПЕРЬ НА
БОРТУ ВЫВЕДЕНО ЮРИЙ ГАГАРИН ПРИВЕТОМ=ГОРБАТЕК-

Так начался этот рейс. Солнце, легкая зыбь, ни ветерка. Обманчивое спокойствие...

Г. КОПОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

„ЮРИЙ ГАГАР

Весна на Камчатке своенравная. То тихо, спокойно, то налетит откуда-то ветер — и пойдут гулять по океану свинцовые волны.

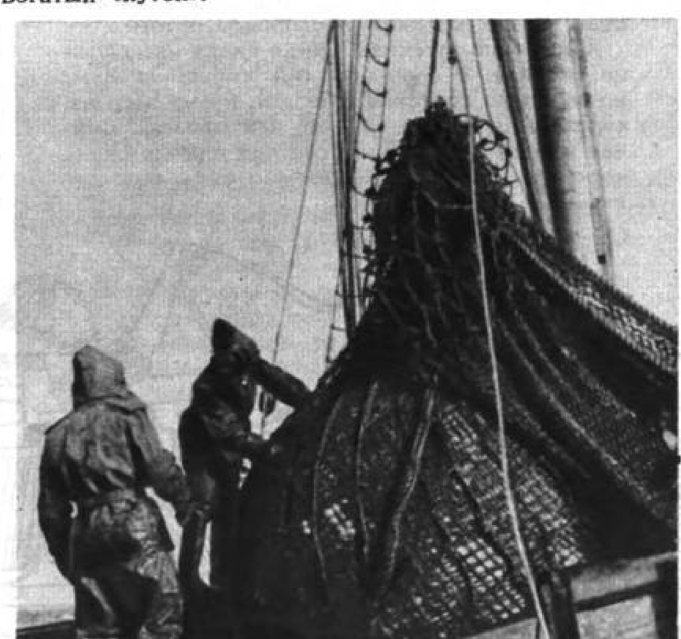
Так и на этот раз. Когда уходили из порта, все было хорошо. А отошли от берега — природа сменила милость на гнев. Расходился, разгулялся океан.

Но работа есть работа. Не сидеть же у моря и ждать погоды. Траулер «Култушный» уходил все дальше от берега. Волны перехлестывали через

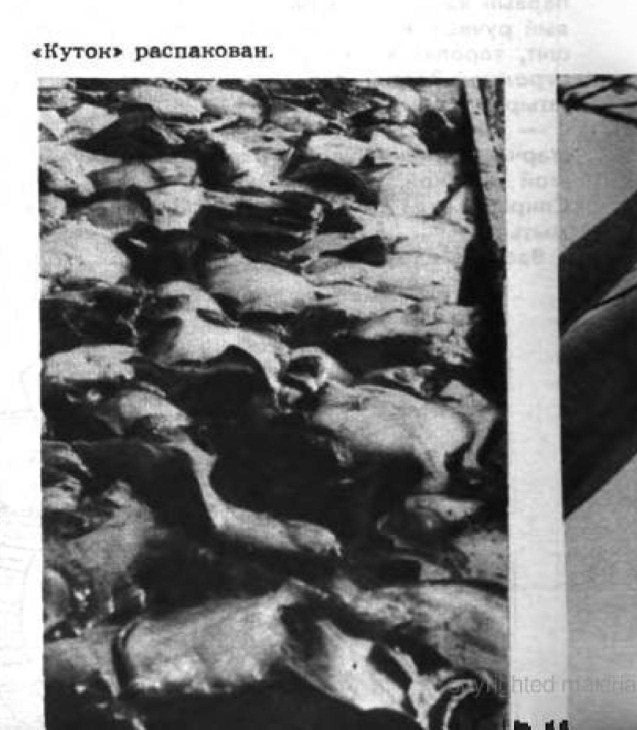

Заштормило...

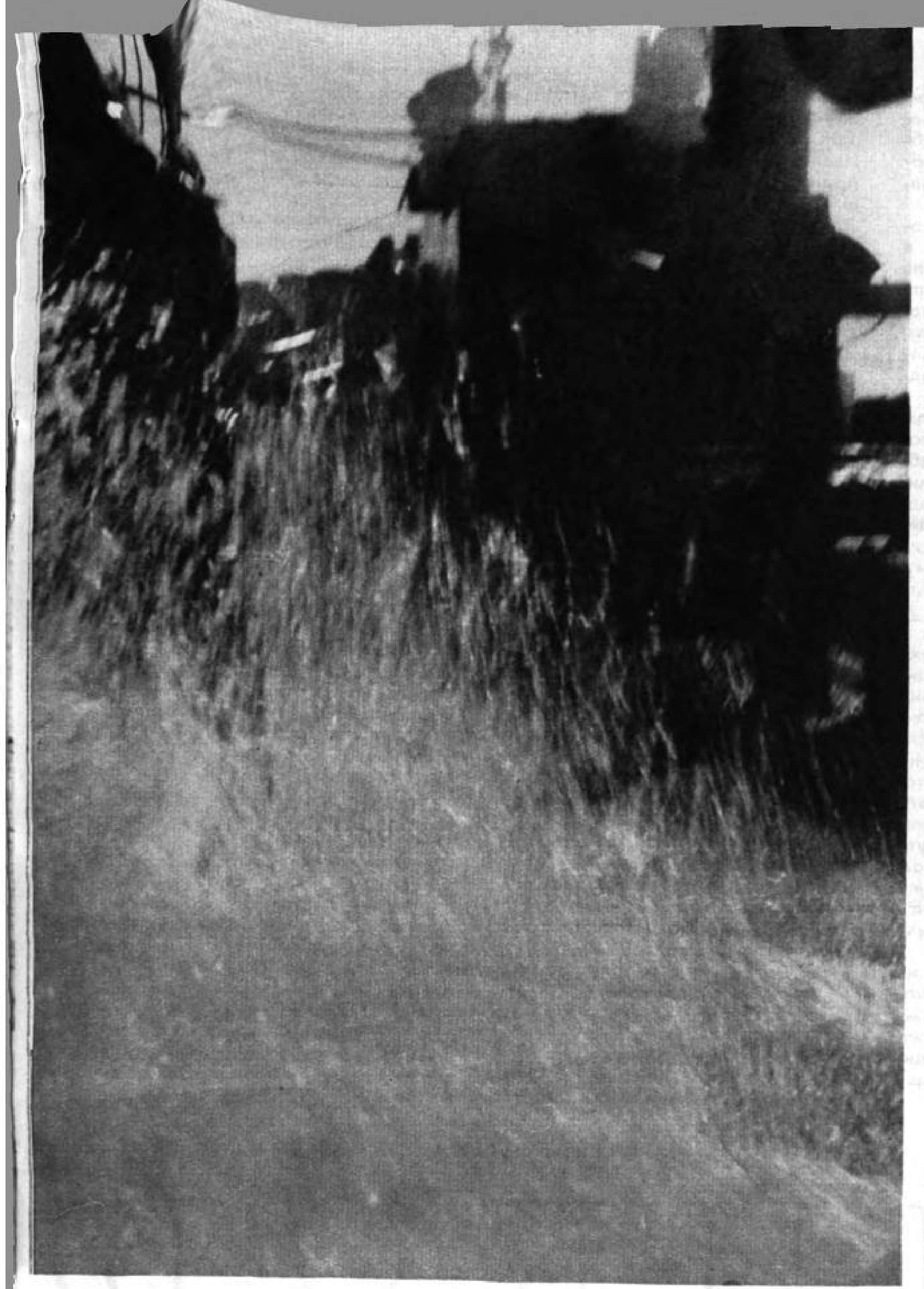

Богатый «куток».

«Куток» распакован.

Будет буря! Мы поспорим, и поборемся мы с ней.

Такова рыбацкая доля.

ИН" УХОДИТ В МОРЕ

борта и бурлящим потоком прокатывались по палубе. Право же, не напрасно рыбаки называют в шутку свой «СРТ» подводной лодкой!

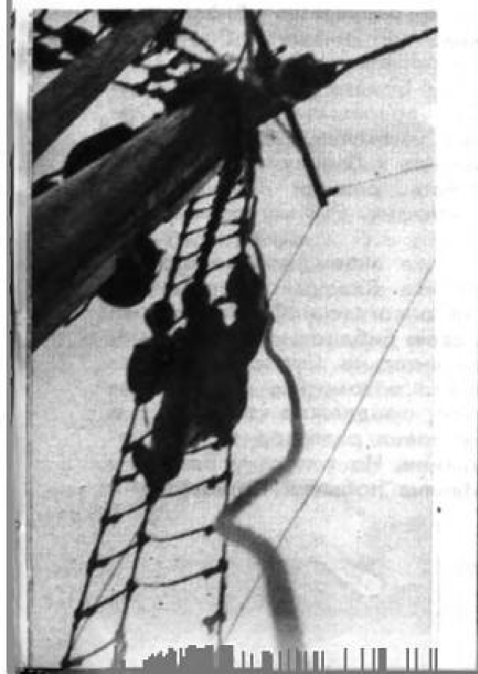
Интересный экипаж на этом траулере. Капитан — Николай Сотников, ему тридцать лет, на «Култушном» он плавает уже пять. А остальные... Чуть ли не все демобилизованные. Раньше моря не нюхали. Но народ боевой. Настолько боевой, что в соревновании обошли култушевцы многих видавших виды морских волков. Не зря же носит этот экипаж звание коллектива коммунистического труда.

...А шторм и не думает утихать. Подняли первый «куток» с рыбой. Неплохо. Не одна тонна в нем. Опять забросили трал. Совсем уж было вытянули еще более богатый «куток», и вдруг трос соскочил с блока. Тогда на мачту полез боцман Николай Каталевский. Болтало его там основательно, но боцман сделал все, как надо, слез, и лов продолжался без происшествий. Когда шли назад с трюмами, полными лепешек камбалы, шторм уже утих — столь же неожиданно, как и начался.

...Рейс окончен. В порту полным ходом идет разгрузка. И так день за днем, без особых перемен. Правда, недавно произошла одна. О ней сообщили нам с Камчатки телеграммой:

«Москва, «Огонек». Экипаж траулера «Култушный» в ознаменование величайшего события обратился с просьбой переименовать судно, присвоив ему имя Юрия Гагарина. Просьбу удовлетворили. Теперь на борту выведено: «Юрий Гагарин».

Авария! Сорвался трос.

Капитан Николай Сотников.

РОДНИКОВ

Ю. ЮРОВ

Случилось это в далеком восемнадцатом году. Точнее, во второй половине декабря. Ну и хлопот же задали тогда Владимиру Ильичу местные органы власти Родников, под Ивановом! Да и в январе следующего года Ленин все еще продолжал беспокоиться о справедливом и успешном исходе этого дела. Связаны же были хлопоты Ленина с одной не совсем обычной реквизицией, произведенной родниковцами.

«Немедленно распечатайте кладовку и горницу Петра Ильича Суркова в деревне Кутилове,— потребовал он в своей первой телеграмме Родниковскому исполкому и Чрезвычайкому.— Сообщите имена произведших запечатание и объяснение их действий, почему реквизируют книги. Телеграфируйте исполнение».

Кто же такой Петр Ильич Сурков, книги которого вдруг оказались реквизированными?

...Деревня Кутилово, расположенная в трех километрах от Родников. Вы подходите к дому, в котором жил много лет его хозяин и где свершился акт реквизиции книг. И читаете надпись на мемориальной доске: «Дом бывшего депутата III Государственной Думы П. И. Суркова, в котором в 1905 году находилась конспиративная квартира членов РСДРП».

...Депутат Государственной Думы, у которого собирались большевики... Да! Бывал под крышей этого дома в памятном 1905 году и первый партийный учитель, наставник родниковских большевиков Михаил Васильевич Фрунзе. Большевиком был и Петр Ильич Сурков, представлявший в III Государственной Думе рабочих Костромской губернии.

Знал ли его тогда Ленин? Несомненно! Знал и высоко ценил прямые и смелые обличительные выступления рабочего депутата с трибуны III Государственной Думы. С похвалой отзывался Ленин в статье, опубликованной в газете «Социал-демократ», об одной из речей Суркова, произнесенной в Думе. И не потому ли теперь так вознегодовал Владимир Ильич, узнав о том, что произошло в Кутилове?

Но проследим за дальнейшим ходом событий.

Проходит два дня после первой телеграммы Владимира Ильича в Родники, и он возвращается к происшествию в Кутилове. На этот раз Ленин запрашивает все местные постановления о библиотеках, сообщает, что Сурков согласен отдать свою в местную рабочую читальню. «...и мне это кажется справедливым»,— заканчивается второй документ, подписанный Председателем Совета Народных Комиссаров.

Дело принимает, таким образом, несколько иной поворот. Не иначе как Ленину стали известны обстоятельства реквизиции библиотеки Суркова, обстоятельства, уважительные на его взгляд.

Бесконечно озабоченный положением на фронтах, голодом в стране, разрухой, Председатель Совета Народных Комиссаров продолжает заниматься библиотечными делами в Родниках, обращается с письмом в библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения.

«Прошу принять подателя, тов. Прокофьева,—начинается этот уже третий по счету в декабре восемнадцатого года ленинский документ, связанный с Родниками.— Его просьба — реквизировать библиотеку Суркова для района в 40 000 чел., по-моему, правильна; может быть, известные права пользования оставить за Сурковым?»

Итак, реквизицию библиотеки Суркова, против которой Владимир Ильич вначале решительно протестовал, Ленин теперь признает правильной. Что же побудило его изменить взгляд? И кто же такой товарищ Прокофьев, которому Владимир Ильич вручил это письмо? Каждая строка нового ленинского документа проникнута трогательной заботой о массовом народном читателе, которому уже в ту лихую годину требовались книги, как воздух, как живительная влага.

«...Прошу помочь товарищам из Родников в расширении их библиотеки,— пишет в том же письме Ленин.— Нельзя ли им послать одну из реквизированных помещичьих библиотек? И об этом прошу известить меня».

☆ ☆ ☆

Мы едем в Родники, чтобы узнать подробности, повторяю, не совсем обычной реквизиции.

Благородная страсть к чтению, к литературе, воспитывающей человека — борца за светлое будущее народа, у родниковцев проявилась еще в годы первой русской революции. Ее пробудила наша партия. Местная группа РСДРП уже тогда создала свою библиотеку. И свежий прилив сил давали ее книги читателям, аккумулировали в них могучую революционную энергию.

Всячески изощрялись в попытках отвлечь рабочих от марксистской литературы фабриканты Красильщиковы. Они открыли в Народном доме читальню, набив ее книжные полки житиями святых. Высокой стеной они отгородили рабочих от служащих, к услугам которых была своя библиотека в так называемом «Общественном собрании». Рабочего человека, пытавшегося переступить этот порог, бесцеремонно выбрасывали за шиворот. Легко себе представить, как в Родниках возрос спрос на литературу после победы Октября. Но разве могла удовлетворить этот спрос единственная в городе библиотека? Потребность в книге была теперь такой же острой и жгучей, как в хлебе.

Живо помнит все это Михаил Иванович Карпов, заведовавший родниковской библиотекой в первые годы Советской власти. Эпизод за эпизодом возникает в его памяти. Уже объединены книжные фонды Народного дома и «Общественного собрания». Реквизированы триста томов из книг главного механика фабрики Борнемана. Но все это капля в море.

А книги-то какие стали спрашивать! Приходит однажды в библиотеку ткачиха и просит книгу Бебеля «Женщина и социализм».

— Не трудновато ли будет? — осторожно спрашивает ее библиотекарь.

— Ничего, ничего, я разберусь. Что пойму, то и хватит...

Не знал тогда Михаил Иванович, что перед ним стояла старая большевичка Варвара Васильевна Смирнова, прошедшая суровый университет революционной борьбы. Теперь она искала в книге Бебеля ответ на вопрос о месте женщины в практическом строительстве нового общества.

Книжный голод в городе и районе давал себя знать все более остро. Старая литература, которой располагала библиотека, обветшала до последней степени, а новая второй год не поступала. Горькое разочарование постигало того, кто приходил за духовной пищей и в клубную читальню.

На что сетует в те дни местный рабочий в уездной газете «Советские известия»? Я полистал ее страницы.

«В читальне клуба имеются кое-какие брошюры,— пишет один из постоянных посетителей читальни.— Раскроешь какую-нибудь из них и что же видишь? Многие из них состоят только из одних обложек с заглавиями, другие без начала и конца».

Это в Родниках. А что же было делать деревенскому читателю?

И вот именно тогда Сурков заживо похоронил свои книги в кладовке и горнице. Как же так?

Ответ, видимо, могут дать очевидцы, участники событий тех лет. Где они?

...Копию своей первой телеграммы в Родники Ленин отправил Чрезвычайкому. И вот, перелистывая в районной библиотеке подготовленный Чрезвычайкомом в свое время сборник «Десять лет Октября», я наконец узнал его состав. В него входили Столбов, Шашков и Прокофьев. Первого из них, бывшего тогда председателем Чрезвычайкома, старого большевика Тараса Николаевича Столбова, мне удалось отыскать в Иванове...

Профессиональный революционер, разделявший вместе с Емельяном Ярославским сибирскую ссылку, Тарас Николаевич сохранил, несмотря на преклонные годы, молодость духа. Рассказывает родниковскую быль живо, картинно, передавая мельчайшие подробности всей этой истории.

Народ ставил перед Сурковым вопрос прямо:

— Куда тебе теперь, Петр Ильич, столько книг? Добро бы хоть сам читал. А то ведь сложил, как дрова, в горнице и кладовой. Дал бы другим попользоваться.

Сын рабочего класса, там, на трибуне III Государственной Думы, был он на высоте своего положения. А здесь не нашел верного решения.

— Тарас, вот сколько заявлений получает исполком,— показал Столбову пачку бумаг председатель Родниковского исполкома Балахнин.— Из Кутилова, Козлаков... Народ требует реквизировать библиотеку Суркова.

Шли уже последние дни декабря восемнадцатого года, когда к дому Суркова в Кутилове подкатила пара лошадей, запряженных в сани. Одним из четырех вошедших в дом был Прокофьев, секретарь Чрезвычайной комиссии. Остальные — красноармейцы.

Сурков воспротивился реквизиции, и тогда Прокофьев ограничился тем, что запечатал горницу и кладовую. На следующий день в Кутилово отправился председатель Чрезвычайкома.

— Где Петр Ильич? — спросил он дочь Суркова.

— Уехал в Москву...

— Дайте ключ от горницы.

Книги бережно сложили на дровни и доставили в Родники. Вначале в помещение Чрезвычайной комиссии. Составили в двух экземплярах акт и перевезли библиотеку в районный отдел народного образования. Его заведующий проверил все книги, расписался в их получении. В это время и пришла первая телеграмма Ленина.

Ленин требовал телеграфного ответа, и ответ был тут же дан. Насколько позволял телеграфный стиль, постарались объяснить Владимиру Ильичу все происшедшее в Кутилове. Тогда же председатель Чрезвычайкома написал письмо Ленину.

— Я хорошо помню,— рассказывает Столбов,— как мы объясняли Владимиру Ильичу сложившуюся у нас обстановку. Голод у нас на книги не меньше, чем хлебный,— отвечали мы Ленину.

Возникла мысль переслать в Москву все заявления с требованиями о реквизиции библиотеки Суркова, поступившие в Родниковский исполком.

— Тут бумагой нечего отделываться,— возражали люди, умудренные жизненным опытом.— Надо послать к Ленину человека.

Послать решили Прокофьева: «Он москвич. Ему и карты в руки».

Мы уже знаем, что во втором документе Владимир Ильич сообщал о согласии Суркова передать свою библиотеку местной рабочей читальне. Сурков сам рассказывал о том, как Ленин, приняв его, предложил стакан чаю и сразу повел разговор в этом направлении. Но теперь у Владимира Ильича побывал Прокофьев и

смог дать Ленину исчерпывающие объяснения.

— Раз дело обстоит так, то правильно сделали, что библиотеку реквизировали и передали в общее достояние народа,— заключил беседу Ленин, беседу, о которой, вернувшись в Родники, Прокофьев рассказывал.

«...Может быть, известные права пользования оставить за Сурковым?» — спрашивал Владимир Ильич в письме, с которым Прокофьев был направлен в библиотечный отдел Комиссариата народного просвещения. Так и поступили в Родниках. Более четырехсот книг были оставлены Суркову, преимущественно те, которые ему еще могли практически служить. Он их сам отобрал. Это были различные самоучители, справочники театров, календари, каталоги библиотек и книжных магазинов.

Прокофьев вскоре после возвращения в Родники был переведен на работу в Иваново, а затем в Москву. С тех пор след его Тарас Николаевич потерял и о судьбе секретаря Чрезвычайкома ничего не знает.

Даже имени Прокофьева в Родниках назвать не смогли. Помнят только, что был это человек высокий, худощавый, в шинели, служил в военно-автомобильных мастерских.

Искренне желая помочь отыскать след Прокофьева, бывший заведующий местным архивом Иван Александрович Беляев, тщательно собирающий в Родниках все материалы об этой эпопее, дал мне несколько адресов старых большевиков в Москве, работавших ранее в районе. Среди них был оказавшийся не совсем точным адрес Комиссарова Ивана Осиповича — политического руководителя военно-автомобильных мастерских в Родниках в восемнадцатом году, где служил Прокофьев.

Не без добрых услуг «Мосгорсправки» уточняю адрес, а затем узнаю и телефон Комиссарова.

— Иван Осипович, знали ли вы в Родниках Прокофьева, который ездил к Ленину?

— Андрея Никитича? Конечно, знал. Мы и потом долгие годы вместе работали в Москве...

Андрей Никитич Прокофьев, тогда секретарь Чрезвычайкома, позднее почетный чекист, а затем крупный хозяйственник-строитель — вот кто ездил к Владимиру Ильичу ходатаем по делам родниковской библиотеки. Он возглавлял в свое время работы по сооружению крупнейших индустриальных предприятий в стране, а в годы Великой Отечественной войны — по созданию укрепленных рубежей под Москвой. Родина высоко оценила его самоотверженный труд, наградив четырьмя орденами Ленина. На посту заместителя министра строительства предприятий машиностроения СССР оборвалась его кипучая жизнь десять лет тому назад.

Вместе с Иваном Осиповичем Комиссаровым мы навещаем дочь Прокофьева — Елену Андреевну. Дядя Ваня здесь свой, близкий человек. Елена Андреевна раскрывает альбомы, в которых хранятся фотографии отца.

...«Высокий, худощавый, в шинели»... Таким он и встает со снимков далеких лет гражданской войны.

Елена Андреевна рассказывает, что отец был человеком несловоохотливым и лишь по праздничным дням любил рассказывать о своих встречах с Лениным. Затем она достает фотокопии четырех ленинских документов, связанных с именем отца, которые совсем недавно передала в Институт марксизма-ленинизма. Один из них — текст нового, четвертого, письма Ленина все по поводу той же библиотеки. Оно адресовано Прокофьеву. Владимир Ильич пересылает полученный им ответ Брюсова и просит вернуть это письмо с сообщением о том, чем кончилось дело с библиотекой Суркова. Должно быть, не кто иной, как поэт Валерий Брюсов, работавший тогда в Наркомпросе, и занимался вначале этим делом.

Владимир Ильич высказывает в своем письме к Прокофьеву пожелание частью удовлетворить просьбу Суркова о праве пользования библиотекой.

Смотрю еще раз на дату ленинского документа. Шел январь девятнадцатого года...

☆ ☆ ☆

...«Прошу помочь товарищам из Родников в расширении их библиотеки»,— хлопотал в ту пору Ленин.

Нынешняя родниковская районная библиотека с ее широкой сетью передвижек и обменных пунктов на предприятиях, в колхозах, ремонтных мастерских, с ее читальным залом — это подлинно ленинское детище.

Скольким людям эти тысячи томов помогали на многотрудном жизненном пути! Одним из них книги помогли стать прекрасными мастерами текстильного дела, другим — крупными хозяйственниками, третьим — педагогами, четвертым — врачами.

...Сколько таких поучительных примеров происходило каждый день на глазах у библиотечных работников Родников! Вера Павловна Кабанова, которая по праву может считать себя старейшиной среди них, ныне пенсионерка, рассказывала мне о том, как стал читателем и выходил в люди «парень из деревни», избач Леонид Кудряков. Книги библиотеки помогли ему учиться в вечерней школе рабочей молодежи. Позднее он получил высшее образование и теперь является директором той же вечерней школы, которую когда-то сам окончил. В его личной библиотеке насчитывается уже более тысячи томов. По-прежнему он неизменно пользуется услугами районной библиотеки. Недавно приходил туда за трехтомником произведений Стасова...

Едва открываются двери районной библиотеки, как сразу же вливается первый поток читателей. Сняв с себя верхнюю одежду и сдав прочитанные томики, они знакомой дорогой проходят к книжным полкам открытого доступа. Выбор большой и широкий. И люди выбирают книги вдумчиво, не торопясь.

— До двадцати лет читал без разбору, — рассказывает Александр Викторович Исаев, много поработавший на своем веку сапожным мастером, а теперь ушедший на пенсию.

— А сейчас чем интересуетесь?

— Читаю больше беллетристику... Потом публицистику... Потом научные книги. Я вообще люблю серьезную литературу.

Сегодня он остановил свой выбор на произведениях Барбюса.

Долго не отрывается от книжных полок Зинаида Васильевна Сурина — экономист планового отдела текстильного комбината.

— Мне сейчас нужен материал по пятому съезду партии, — говорит она.

Сурина учится на втором курсе заочной высшей школы профдвижения в Москве. Подобрав нужные тома произведений Ленина, заочница ищет необходимую ей литературу о развитии народного хозяйства в Болгарии.

По меньшей мере в десяти средних и высших учебных заведениях страны обучаются читатели районной библиотеки. Будущим инженерам, экономистам, строителям, педагогам нужны книги и книги. И библиотека помогает им. На ее имя часто приходят бандероли из Москвы и Иванова. Это заказы читателей, выполненные межбиблиотечным абонементом.

Идут и идут читатели.

...Мотальщица ткацкой фабрики. Перед ней раскрытый том сочинений Виссариона Белинского. Штудирует знаменитую статью «Разделение поэзии на роды и виды». Готовится на историко-филологический факультет Ивановского педагогического института.

...Две подружки-школьницы за одним столом. Ученицы десятого класса. Готовятся к сочинению по книге Максима Горького «Мать».

...Журналист местной редакции радиовещания, в прошлом слесарь. Учится на третьем курсе заочного института.

Это в районной библиотеке. А ведь, кроме нее, в Родниках и вокруг них раскинуты еще десятки других. Больше четверти миллиона книг стоит сейчас на их полках. Как бы порадовался этому Ленин!

Тарас Николаевич Столбов, член КПСС с 1907 года, рассказывает читателям районной библиотеки родниковскую быль.

Фото А. Гостева.

СКАЯ БЫЛЬ

Это счастье никто не отнимет

Геворг ЭМИН

* * *

Мы в жизни не только писали стихи —
Мы первые борозды нови взрывали,
Мы землю очистили от шелухи,
И строили мир, и его воспевали.

Поэты грядущего! Может быть, вам
Покажется странным наш путь
небывалый.
Решите вы, жизнь отдавая стихам,
Что все мы писали и скупо и мало.

Поймете ли вы, что не званьем певцов,
А ролью творцов мы гордились по
праву?
Вот я завещаю вам сорок стихов
И сорокалетней страны нашей славу.

Перевела с армянского
В. ЗВЯГИНЦЕВА.

ТУНЕЯДЦАМ

Дерево я посадил.
Это счастье никто не отнимет.

Знаю, что вы удивляетесь много
столетий,
Много веков все тот же вопрос себе
задаете:
«Как он обходится,
Чем он живет,
Если мы отбираем
Все, что он сделает, вырастит или
посадит?
Дерево взяли.
Плоды отобрали.
Как он живет?
Что ему остается?»

Нет, ошибаетесь!
Многое мне остается!
Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.

Перевел Борис **СЛУЦКИЙ.**

Какой он есть

Елена АПРЕСЯН

Еще задолго до того,
Как фантастический разбег
Взял в космос первый человек,
Не зная имени его,
Мы ждали:
будет он каким?..
Что отрешен он от Земли,
Весь отданный мирам иным,
Представить мы себе могли...

И пробил в мире звездный час
Для человечества всего.
И солнце поднялось, лучась
Российским именем его.

А он, вонзившись в небосклон,
В земной свой выпрямился рост,
И мы увидели,
как прост,
Как добр,
как человечен он.

Какой же он знакомый весь!
Улыбки свет непобедим...
Он просто быть не мог другим,
А лишь таким,
какой он есть...

Русь любимая!

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
А. Блок.

Когда смотришь на картины Виктора Михайловича Васнецова, жанровые или исторические, чувствуешь, как к сердцу твоему приливает волна тепла и света. Чем-то очень родным, близким веет от этих полотен — свежим дыханием лесов и полей, запахом вспаханной земли, обаянием былин, легенд, народных сказов, дымом Отечества.

Люди, изображенные художником, кажутся давно знакомыми, которых вы не раз видели, о которых слышали множество всяких историй. Может быть, эти люди представлялись вам несколько иными, но пришел художник, изобразил их, и вы немедленно соглашаетесь с ним — да, вот такие они и были, эти былинные богатыри, храбрые витязи, прекрасные девы, удалые молодцы, веселые гусляры. Вы радуетесь тому ощущению, которое подарил вам художник, ибо оно находит немедленный отзвук в вашем сердце — вам становится еще дороже, еще милее родная земля, родина, могучий, добрый, мужественный и веселый русский народ. Художник дарит вам познание связи времен, прошлое оборачивается на его полотнах настоящим, вы убеждаетесь в том, что народ, живущий в картинах художника, не может не быть великим народом — создателем прекрасного во всех областях жизни. Рисуя легендарные, сказочные персонажи, художник не уходит от жизни, а, напротив, пригоршнями черпает из ее источников точные наблюдения русской природы и русских характеров. Тому первый пример знаменитые «Богатыри», тысячи раз воспроизведенные, всем известные, запечатленные и на чайных сервизах и на папиросных коробках. Даже такое размельчение образов не может лишить картину ее первозданного обаяния. Ведь эти богатыри — символ народа нашего. Добродушный Илья, спокойный, исполненный внутренней силы Добрыня Никитич, хитроватый, ловкий телом Алеша Попович — простые русские люди, которые и пашню пахали, и палаты строили, и рубились с половцами, татарами, и ложились костьми за родную землю. От них пошли и Ермак, и Кузьма Минин, и Степан Разин, и Пугачев. Да многое родилось от них, что пришло и к нашим дням, ибо наши дни — это время сильных характеров и богатырских свершений.

В картине «Витязь на распутье» мы видим глубокое раздумье художника над жизнью. На мрачном седом камне, поросшем мохом, зловещая надпись: «Как прямо ехати, живу не бывати, нет пути ни проезжему, ни прохожему, ни пролетному». А кругом черное воронье да кости человечьи и конские, выбеленные ветрами и дождями... Поедет ли витязь дальше или, пораженный страхом, повернет вспять? Нет, ничто не остановит этого человека — в его плечах, во всей его фигуре мужество и сила; такие люди не уходят с полдороги, они идут смело к своей цели, и трудности, невзгоды, преграды не пугают их.

В сказках, созданных народом, рожденных его поэтической фантазией, душа и характер народа выявляются с наивысшей силой. Свирепый Кощей бессмертный — воплощение зла, лукавства, сластолюбия, низости; но придет час, и сгинет Кощей: добро сильнее зла! Спит царевна, и все кругом заснуло мертвым сном: девушки-подружки, веселые гусляры, седой старик-сказочник; но придет любовь — и воспрянет жизнь; там, где любовь,— нет места смерти! Смотрите, как все радуется, искрится светом, когда преображенная и счастливая Царевна-лягушка пошла в пляс, как распирает гусляров безудержное веселье, как лебеди, озаренные солнцем, слетаются к людскому жилью. Жизнь торжествует!

В сказках, созданных народом, запечатлены его мечты и стремления. Икар взлетел к небу, но солнце растопило его восковые крылья, и он упал на землю. Фантазия народа создала ковер-самолет. И взгляните, какой гордый молодец стоит на ковре и озирает все окрест и каким огнем сверкает полоненная им жар-птица! Да и сам ковер, подобно сильной птице, широким размахом крыл вознесся над русской землей, лежащей внизу со своими степными просторами, тихими реками, густыми лесами, и неостановимо его движение! И тут вспоминаешь многое: и безвестного холопа, который, самодельно изготовив крылья из деревянного дранья, храбро и благополучно слетел с колокольни, за что и был выпорот нещадно ввиду богопротивной предерзости; и многие поиски русских умельцев, стремившихся овладеть искусством летать; и первые радости и успехи в этом деле; да и нынешние наши дни встают рядом с ковром-самолетом, ибо мы как раз тот народ, который сделал былью славную старую сказку — наш Юрий Гагарин первым поднялся в космос!

Смотришь картины Виктора Васнецова, великого кудесника живописи, певца родной русской земли, и начинает звучать рядом музыка Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова,— одни творческие порывы объединяют их, художника и композиторов, одна любовь к Родине и великому нашему народу питает их, они одно соцветие, одна душа!

Виктор Михайлович Васнецов говорил: «Мы только тогда и внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим на развитие своего родного русского искусства, т. е. когда с возможным для нас совершенством и полнотой изобразим и выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов — нашей русской природы и человека, нашей настоящей жизни, нашего прошлого».

Тут все справедливо и точно. Только тот, кто любит свой народ и свою родину, может любить истинной любовью и человечество и всю землю, только тот способен бороться за счастье всех людей на земле.

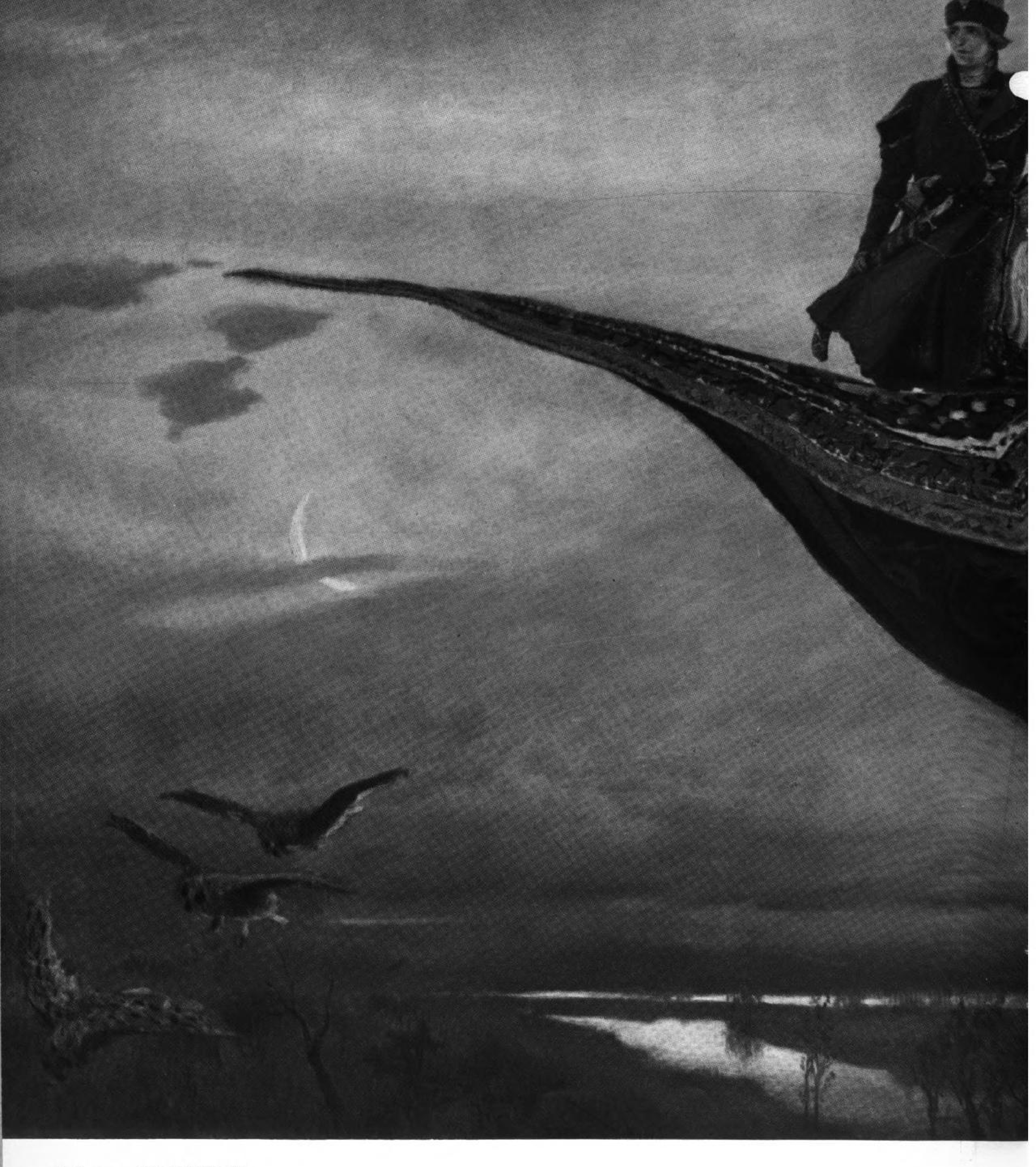
Михаил Васильевич Нестеров в своих воспоминаниях «Давние дни» писал о Викторе Васнецове: «...я верю, что родина наша, столь беззаветно им любимая, еще много раз помянет его добрым словом своим...». Да и как не помянуть его, когда в каждом штрихе, в каждой детали его картин ощущаешь животворную, действительно беззаветную любовь к России, к Руси, к русским людям, к русской природе, русской земле...

Такая любовь находит и всегда будет находить горячий отклик в сердце нашего народа.

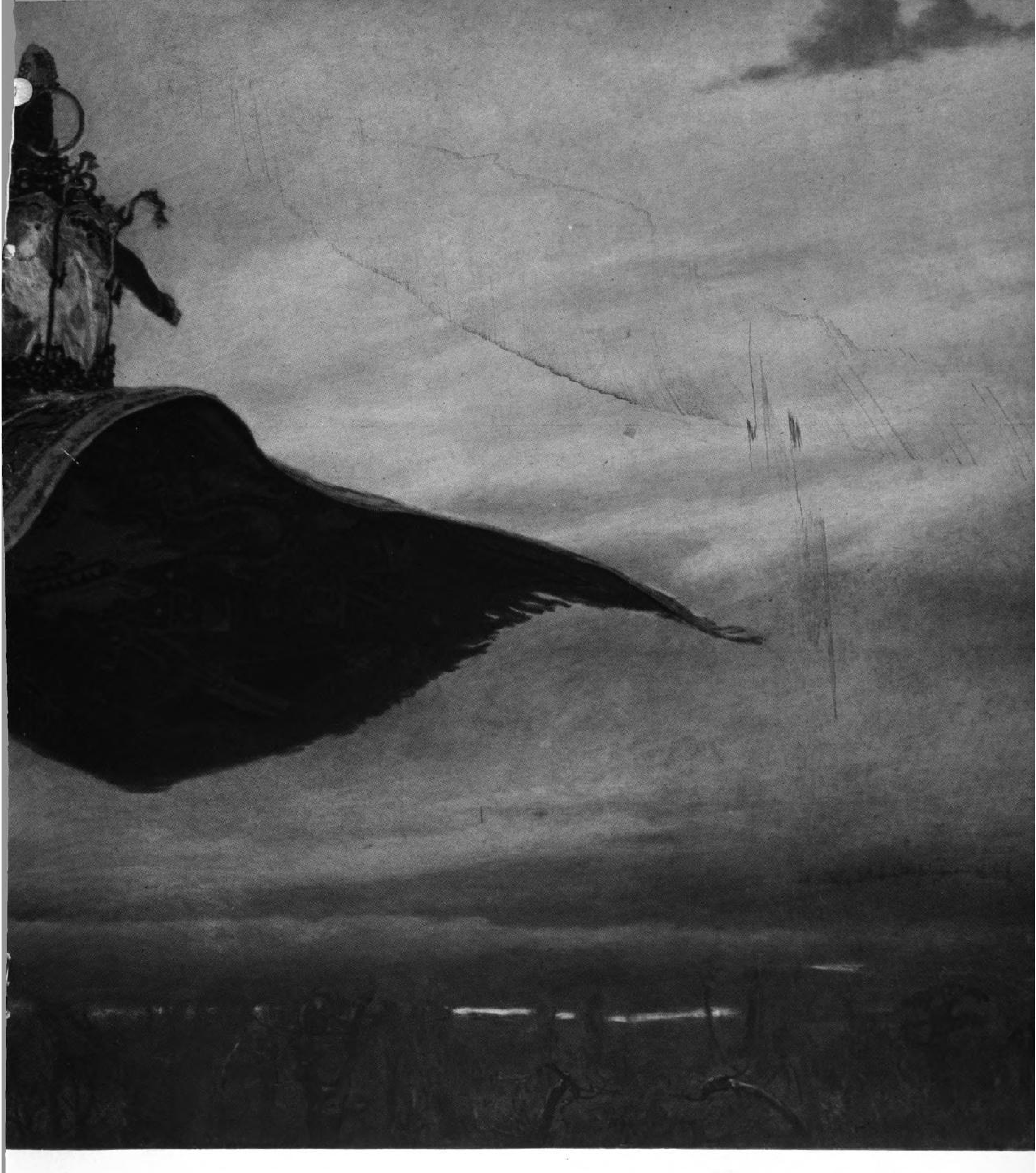
Ник. КРУЖКОВ

В. Васнецов. ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ. Государственный Русский музей. Ленинград.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ. Дом-музей В. М. Васнецова. Москва.

В. Васнецов. КОВЕР-САМОЛЕТ.

Горьковский государственный художественный музей.

В. Васнецов. СКАЗКА О СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЕ.

Дом-музей В. М. Васнецова.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

Татьяна ТЭСС

У МЕНЯ ЕСТЬ ЗНАКОМЫЕ В АНГЛИИ

Рассказ

СТАРАЯ ДАМА

В маленькой гостинице появилось новое лицо: седая старая дама в желтых перчатках. Сезон закончился, жильцов в гостинице было немного, и каждый новый человек сразу становился заметен.

Первый раз я встретила седую даму в холле, у конторки портье. Хозяином гостиницы был итальянец, щуплый, усатый человек с такой энергичной и быстрой жестикуляцией, как будто у него было по меньшей мере восемь рук. Он стоял возле портье, пожилого молчаливого англичанина и, перегнувшись через конторку, в чем-то убеждал седую даму.

— Нет, в этой комнате я больше не останусь ни минуты,— сказала она холодно.— Какой шум! Ночью я не сомкнула глаз. И вообще ваш отель не для тех, кто страдает бессонницей...

— Мы немедленно переселим вас в угловую комнату! Там тихо, как в церкви! — воскликнул хозяин, то всплескивая руками, то вздымая их к небу, и мне опять показалось, что у него не две руки, а восемь.— В мой отель приезжают самые респектабельные, самые взыскательные гости. Они спят здесь, словно в доме своей матери...

— Лондон становится все хуже,— сказала дама, глядя в окно. — Какая толчея! По улицам невозможно ходить. И это Кромвел-роуд, когда-то тихий квартал... А автобусы? Разве раньше в Лондоне были такие автобусы? — Она пожала плечами.

В холле у окна стоял телевизор. На его экране скакали ковбои, стреляли бандиты, кто-то умирал, лежа у входа в кафе, кто-то целовал знаменитую актрису — красавицу с детскими глазами, порочным ртом и модной, огромной, как гнездо, прической... Телевизор был включен с утра до ночи, и мне казалось, что все время идет один и тот же фильм, конец которого мне так и не придется увидеть.

В кресле, вытянув ноги, сидел молодой человек с длинной шеей и коротко стриженными волосами и, не отрываясь, смотрел на экран. Седая дама опустилась в кресло рядом.

— Я вам не мешаю? — сказал молодой человек с сильным американским акцентом и убрал ноги под кресло.— Интересный фильм, знаете! Я смотрю его с утра. Бэтт здорово постарела, но все еще хоть куда! А старина Роберт! Настоящий мужчина, по-моему! Мне надо уходить, понимаете, но хочется узнать, чем же все это кончится...

Седая дама промолчала. Она сидела в кресле, положив на колени руки в желтых перчатках, и смотрела в окно.

— Говорят, что я похож на Роберта,— доверчиво продолжал молодой человек, не отрывая глаз от экрана.— Я вам не мешаю? Мне ужасно хотелось стать киноактером, если правду сказать. Я просто мечтал об этом. Но мой отец решил, что я должен работать в его фирме. Вот потому я и приехал с ним в Лондон. Здесь здорово скучно, по-моему. А вам нравится Лондон?

— У моей матери была любимая поговорка, — сказала седая дама, глядя в окно.— Она говорила так: «Если ты хочешь, чтобы тебя заметили — встань. Если ты хочешь, чтобы тебя оценили — сядь. Сядь и помолчи».

Наступила пауза.

— Сожалею...— пробормотал молодой человек, косясь на даму с простодушным изумлением.— Очень, очень сожалею...

Дама даже не повернула к нему головы.

Я вышла на улицу.

Прошел высокий, прямой, как палка, человек в старомодном котелке, в черном пиджаке и полосатых брюках, с длинным зонтиком под мышкой; ему навстречу, легко переступая на шпильковых каблучках, прошелестела юная модница в коротеньком пальто и высокой, похожей на корзину шляпке. Они прошли рядом — живые иллюстрации двух разных веков — и скрылись. Обернувшись, я увидела, что седая дама по-прежнему смотрит в окно; сквозь зеркальное стекло я поймала ее взгляд, неподвижный, ничего не выражающий, словно она глядела в пустоту.

Я освободилась только к середине дня и оказалась на Трафальгар-сквере. Маленький мальчик в голубой замшевой курточке кормил на площади голубей. Его мама, хорошенькая, кудрявая француженка, сидела у фонтана. Когда ей надо было позвать мальчика, она кричала тоненьким голоском:

— Пти шу, вьен иси! Иди сюда, моя капустка...

Но если мальчик не слушался, мать окликала его строго, как взрослого:

— Жан-Селестен!

И маленький Жан-Селестен, вздыхая, чинно отвечал:

— Ту де сюит, мамá...

Посреди площади стоял уличный скрипач — старый человек с припухшими веками и сплющенным, как у боксера, носом. Он поднял скрипку, прижал к плечу; лицо его сразу изменилось — стало нежным, задумчивым, вопрошающим... Скрипач начал играть, и маленький Жан-Селестен застыл на месте, вытянув свою тонкую, как стебель цветка, шею: видно, он очень любил музыку. Когда музыкант закончил, мальчик подошел к нему и, шаркнув ножкой, протянул две монеты.

Скрипач отрицательно покачал головой.

— Не меньше трех! — сказал он с достоинством и прошел дальше, держа в одной руке скрипку, а в другой — старую шляпу, в которую ему бросали деньги.

Мальчик, покраснев, растерянно и недоумевающе смотрел ему вслед, не поняв, что произошло.

— Пти шу! — тревожно крикнула мать.— Жан-Селестен!

Она сама подошла к старику.

— Мы туристы из Франции...— объяснила она и тоже покраснела. Румянец очень шел ей, она сразу стала похожа на девочку.— Понимаете, я жду здесь мужа, и у меня просто нет с собой других денег. Мой мальчик очень любит музыку, вот почему...

— Очень сожалею, мэм,— сказал старик твердо.— Но я никак не могу взять два пенни! Не меньше трех.— И, сдержанно поклонившись, он прошел дальше.

Француженка так и осталась стоять с монетками на ладони.

— Как вам это нравится! — воскликнула она, обращаясь ко мне и пожимая плечами.— Парижский нищий ни за что не отказался бы от денег! В конце концов за два пенни тоже можно что-то купить... Нет, понять этих англичан невозможно!

Она сердито схватила за руку сына и устремилась к колонне, куда торопливо подходил толстенький человек в темных очках — очевидно, папа Жана-Селестена. Я услыхала, как она выговаривала мужу:

— Почему ты задержался? Теперь мы опоздаем в музей мадам Тюссо!

Музей мадам Тюссо! Я давно собиралась побывать там.

С детства мерещился мне паноптикум, собрание восковых фигур, жутковатое и манящее своей вызывающей схожестью с людьми. Музей мадам Тюссо был известен во всем мире. И, решившись, я отправилась туда вслед за французским семейством.

Я знала, что музей находится близ Бейкер-стрит, той самой Бейкер-стрит, которую прославил знаменитый герой Конан-Дойля. Любой лондонец, если вы идете с ним по Бейкер-стрит, обязательно скажет вам с детским удовольствием: «В этом доме жил Шерлок Холмс». На месте старого дома теперь другое здание, Шерлок Холмс, как известно, никогда не жил на свете, но тень его, сохраненная, как городская реликвия, продолжает бродить по Бейкер-стрит, и нет-нет да и покажется вам, что среди прохожих мелькнет ястребиный профиль знаменитого детектива.

Едва я вошла в музей, как увидела там уже знакомую мне старую даму из гостиницы.

Она была все в том же черном костюме и желтых перчатках; мочки бледных ушей оттягивали тяжелые гранатовые клипсы. Дама прошла сквозь толпу, как проходят сквозь воздух, ни на кого не глядя и ничего не замечая, и скрылась. Я замешкалась в вестибюле.

Мне было известно, что в музее мадам Тюссо новичков ожидает множество подвохов: фигуры паноптикума, расставленные в неожиданных местах, легко принять за живых людей. Опасливо заглянув в окошечко кассы, я протянула деньги только тогда, когда увидела, что кассирша улыбнулась мне. Сгорбленную старушку в платке, стоящую на лестнице, я миновала, как опытный лоцман минует рифы: тут-то я сразу распознала музейный экспонат. С тем же гордым сознанием собственной проницательности я прошла мимо воскового служителя, неподвижно стоящего перед входом в зал, но, к моему конфузу, он пошевелился и, откашлявшись, стал спускаться по лестнице.

Наконец я оказалась в зале.

Посетители медленно двигались вдоль

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

стен, где оцепенели восковые фигуры. Герои разных эпох — императоры и полководцы, политические деятели и знаменитые актеры, убийцы с громким именем и давно забытые красавицы — застыли на своих местах, вперив в посетителей неподвижные очи. Они подражали нам, живым, но были похожи на мертвых, и в этом сборище раскрашенных молодящихся мертвецов, какими они мне казались, было что-то мрачное, печальное и вместе с тем немного жалкое.

Посетители двигались вдоль стен, с одинаковым любопытством разглядывая Джека-Потрошителя и Герберта Уэллса. В зале было тесно, душно, спотыкались разомлевшие от усталости дети; крепко держась за руки, шагали влюбленные; звучали восклицания на всех языках, и в этом бесконечном хороводе любопытных оставались неподвижными только высокомерные раскрашенные мертвые знаменитости, увековеченные мадам Тюссо.

Неожиданно я снова увидела старую даму. Она стояла, уставившись на адмирала Нельсона, сжимая маленькой рукой в желтой перчатке сумку. Лицо ее, озаренное ровным призрачным светом, ничего не выражало; в зрачках тускло отражались огни. Поток людей огибал ее, как ручей огибает неподвижный камень. Казалось, она не замечала ни шума, ни любопытных взглядов, ни самого Нельсона в адмиральском мундире, уйдя всем существом в свои думы.

Так они стояли друг против друга — восковой адмирал и седая дама,— одинаково неподвижные и равнодушные ко всему на свете, а посетители продолжали шагать мимо них.

И вдруг с седой дамой поравнялось уже знакомое мне французское семейство.

Маленький Жан-Селестен раскраснелся от духоты, локоны его прилипли к потному лбу. Он тянул мать за руку, но та, едва увидела седую даму, застыла возле нее.

С детским любопытством она разглядывала желтоватое лицо старой леди, клипсы в ушах, сухую руку, сжимающую сумочку из крокодиловой кожи, худые ноги в узких туфлях... Изумление на ее лице сменилось наивным восторгом: моя кудрявая знакомая полностью поверила в то, что перед ней восковая фигура.

Седая дама медленно повернула голову, и француженка, ахнув, в ужасе попятилась.

— Прошу прощения,— сказала старая леди холодно и высокомерно.— К сожалению, я жива...

И, не удостоив окаменевшую француженку взглядом, она прошествовала дальше.

В гостиницу я вернулась нескоро, позабыв пообедать. Вспомнила я об этом слишком поздно: ресторан при отеле был уже закрыт. Я вызвала Арманду, горничную.

Арманда была итальянкой. Она уже успела рассказать мне, что приехала из Неаполя, чтобы скопить в Лондоне денег и, вернувшись домой, выйти замуж. К ней, правда, никто не сватался, но она была твердо уверена, что главное — иметь приданое, а жених всегда найдется.

— Если у честной девушки есть деньги, она обязательно встретит человека, который захочет на ней жениться,— разглагольствовала по утрам Арманда, смахивая метелочкой пыль с потертых кресел в моем номере.— Мой отец — угольщик, старший брат полгода сидит без работы, живем мы в самом старом и грязном доме нашего квартала. Подумайте сами, кто захочет на мне жениться? Правда, мой второй брат — знаменитость: он велосипедный гонщик и разъезжает по всей Италии. Но его товарищи даже не смотрят на меня.

«Пожалуй, это не удивительно»,— подумала я тогда, глядя на Арманду. Бедняжка была ужасно некрасива: худая, с длинным, как у Буратино, носом и жидкими, прямыми волосами, стянутыми в пучок на затылке. Хороши у нее были только глаза: большие, горячие, как угли.

— Послушайте, Арманда,— сказала я, когда девушка пришла в номер.— Не принесете ли вы мне чего-нибудь поесть? Понимаете, я не успела пообедать..

— Ресторан уже закрыт! — вздохнула Арманда, глядя мимо моей головы на собственное отражение в зеркале. Она к тому же была страшной кокеткой.

— Передайте это, пожалуйста, повару,— сказала я, помявшись, и протянула ей несколько монет. Мне до смерти не хотелось снова выходить на улицу.— Может быть, у него что-нибудь еще осталось?

— Большое спасибо, мэм! — Арманда ловко, как обезьянка, сунула деньги в карман.— Но дело в том, что повар уже ушел.

— Вы просто клад, Арманда,— сказала я, помолчав.—Вероятно, если бы я дала вам фунт, вы посоветовали бы мне пойти пообедать в ресторан на вокзале Виктория.

— Что вы говорите, мэм? — Арманда улыбнулась своему отражению в зеркале.

— В общем ничего особенного. Спасибо.

Я съела банан и взялась за книжку. Через несколько минут мне стало ясно, что я попрежнему хочу есть. Пожалуй, надо было всетаки отправиться в «Коломбину» — маленький ресторанчик, который содержали мистер Папастратос и две его незамужние дочки. У меня было такое впечатление, что почти все ресторанчики и кафе в этом квартале Лондона содержали итальянцы или греки.

В коридоре послышались голоса. Открыв дверь, я увидела старую леди, разговаривающую с Армандой.

Седая дама держала в руках шкатулку, украшенную инкрустациями: такие шкатулки иногда привозят моряки из дальних плаваний. Дама медленно приподняла крышку, внутри шкатулки было множество ящичков и отделений. Арманда, как зачарованная, не спускала с нее глаз.

— Я дарю вам шкатулку, Арманда,— сказала дама своим глухим, ровным голосом.— Это старинная вещь, она долго была в нашем доме. В верхнем отделении вы можете хранить письма от жениха... — Дама слегка нажала желтоватыми пальцами кнопку, и чеканная пластинка бесшумно отошла.— Нижний ящичек предназначен для золотых монет. Вот сюда — видите? — можно класть счета от портних. В потайное отделение вы положите ваши драгоценности. А сюда...— Старая дама некоторое время молча глядела на шкатулку.— Сюда вы можете спрятать свою безнадежность.— Она невесело усмехнулась углом рта.— И мою тоже.

И, сунув шкатулку Арманде, она пошла по лестнице вниз.

Арманда, суеверная, как все католички, держала шкатулку, словно бомбу, которая вотвот взорвется у нее в руках.

— Мадонна миа! — запричитала она, когда я поравнялась с нею.— Что мне делать с этой дьявольской шкатулкой? Может быть, она принесет мне несчастье? Ящичек для драгоценностей! Дева Мария, откуда я возьму драгоценности, откуда возьму письма, если у меня еще нет жениха? Эта старая синьора похожа на привидение, я боюсь ее до смерти! Может быть, лучше отнести шкатулку в святой храм, чтобы из нее выгнали злых духов? Святая дева, мать всех живущих, научи меня, как я должна поступить...

Она продолжала причитать, не выпуская из рук шкатулку и уставившись на нее круглыми, испуганными глазами.

— Я не смогу сегодня уснуть от страха! — взвизгнула она и, крепко прижав шкатулку к себе, побежала по коридору.

Старая дама уже сидела в вестибюле в том же кресле, что и утром. Рядом у телевизора возвышался знакомый мне юный американец с длинной шеей и, не отрываясь, смотрел на светящийся экран. Оба они молчали.

На улице моросил дождь. В «Коломбине» мне принесли кусок теплого вываренного мяса и жидкое, как суп, мороженое. Чашка хорошего кофе несколько утешила меня. Это был еще один урок, что в Лондоне время обеда есть время обеда, и шутить с этим не положено. Мистер Папастратос, нацепив на нос очки, подсчитывал за прилавком доходы; две увядшие, как высохшие маслины, незамужние дочери скучающе глядели друг на друга...

Вернувшись, я опять застала старую даму в вестибюле. На этот раз она была совсем одна.

На экране ломала руки неизвестная героиня, губы ее беззвучно шевелились: звук был выключен. Покосившись на старую леди, я увидела, что она смотрит на меня в упор.

— Как вам угодно...— сказала она холодно.— Я не буду возражать, если вы включите. У каждого свой вкус.

— Нет, нет! — ответила я поспешно. — Я не люблю телевизор. Вероятно, вы тоже?

Моя новая знакомая помолчала. Мне показалось, что в глазах ее мелькнуло что-то вроде одобрения.

— Англичане сошли с ума, — сказала она. — Все сидят у телевизоров, как одержимые. Когда идешь по улице, из каждого окна несется ужасная музыка, выстрелы, хрипы, словно кого-то режут на части. — Она брезгливо поморщилась.— Это одно из самых чудовищных изобретений, какие породила цивилизация.

Наступила пауза.

«Хотела бы я знать, кто она? Что пережила, зачем приехала сюда?» — подумала я.

К моему удивлению, старая дама опять заговорила.

— Я давно не была в Лондоне.— Она снова повернула голову к окну.— Все стало хуже: люди, здания, магазины. Перед этим я жила в отеле «Эспланада», неподалеку от Кардиффа. В общем это сносный, недорогой отель, там прилично кормят и всегда есть свежие газеты. Но, понимаете, отель стоит на берегу залива. Я не могла спать от шума моря. Оно шумит день и ночь, это невозможно выдержать!

Она вздрогнула.

— Тогда я переехала в Стратфорд-на-Эйвоне. Там есть Албестон-Мэнор-отель; перед ним лужайка, большая зеленая лужайка, и трава хорошо подстрижена. Под окном моего номера даже было дерево. Старый вяз с широкой кроной. Это приятно, знаете: встать утром и увидеть под окном дерево. И всетаки мне пришлось оттуда уехать.— Она пожала плечами.— Стратфорд полон туристов. Только и слышишь: «Здесь родился Шекспир, здесь учился Шекспир, здесь похоронен Шекспир...» Невозможно жить в городе, в котором день и ночь говорят об одном Шекспире! Когда хорошо спишь, к этому относишься иначе. Но если совсем перестаешь спать...

— Я только что была в Ковентри,— сказала я. — Там очень милая гостиница — чистенькая, тихая...

Старая дама как-то странно на меня посмотрела.

— В Ковентри нельзя жить,— сказала она резко.— Ковентри — это пустыня.

— Что вы! Мне кажется, что в Лондоне чаще увидишь развалины, чем в Ковентри. Там многое сделали, чтобы восстановить город после войны.

— Ковентри — это пустыня, — повторила старая дама, и глаза ее вспыхнули.— Тот, кто однажды видел пустыню, будет видеть ее всю жизнь.— Она остановилась.— Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было,— проговорила она медленно.

— Ну,— сказала я.— По-моему, это звучит чересчур мрачно.

— Это придумала не я,— заметила моя собеседница сухо.— Это из Библии. Экклезиаст.

Мы помолчали.

— Знаете, можно по-разному ощущать пустыню,— сказала я.— В особенности, если помнить, что где-то в ней скрываются родники.

— Простите, для меня это чересчур оптимистично...

Старая дама снова отвернулась к окну.

— Это тоже придумала не я. Это сказал Антуан де Сент-Экзюпери.

— Кто он такой? Философ?

— Как вам ответить?.. И философ тоже. Но вообще-то говоря, писатель. Кроме того, он был пилотом.

— Он жив? — спросила старая дама.

— Нет. Он погиб в воздушном бою во время войны.

Опять наступила пауза.

В вестибюль вошел высокий господин с маленьким пинчером. Господин прошел к конторке портье, а пинчер уселся на скамеечке перед телевизором и стал смотреть на экран, поминутно вздрагивая и нервно зевая.

— Майкл! — позвал его хозяин, но пинчер только поднял уши и продолжал смотреть.— Майкл, поди сюда, это неинтересная для тебя программа...

Закончив разговор с портье, посетитель неторопливо пошел к выходу.

— Хочешь сахара, Майкл? — спросил он, но пинчер опять только поднял уши. Господин натянул перчатки, распахнул дверь, и Майкл, нервно зевнув, наконец побежал за ним.

Мы остались в вестибюле одни. За конторкой портье налево был маленький бар, оттуда доносились голоса. Мимо окна шагали редкие прохожие, улица уже опустела. Я посмотрела на часы.

— Вам хочется спать? — сказала старая дама. — Спокойной ночи! Я еще посижу здесь. Те, у кого бессонница, не торопятся лечь в кровать.

— У вас есть семья? — спросила я неожиданно для самой себя и добавила позже, чем следовало: — Простите...

— Да, — сказала седая дама, помедлив. — У меня большая семья. Вчера был день рождения моего старшего сына, летчика. Ему исполнилось тридцать девять лет. Моему второму сыну, моряку Королевского флота, сейчас было бы тридцать семь. Самая младшая — это моя дочь Алисон. Ей было бы сейчас тридцать пять. Она светлая блондинка, знаете, а блондинки в этом возрасте выглядят совсем юными. Когда Алисон решила стать медицинской сестрой, ей было только девятнадцать, она выглядела девочкой. Она была прелесть какая хорошенькая, это говорили все.

По спине у меня прошел холод. Я глядела на старую даму, не в силах спросить то, что хотела узнать.

— Да,— сказала она, угадав мои мысли. Я видела только ее профиль, руку в желтой перчатке, неподвижно лежащую на колене.— Да, это именно так. Все они были убиты. Все трое были убиты на войне. Мы с мужем жили тогда в Лондоне. Там и родились наши дети. Если вы хотите, вы можете пойти посмотреть, где мы жили: на месте нашего дома до сих пор ничего не построено. Внезапный массированный воздушный налет, как это называют... Мой муж был в это время в доме.

Дверь из бара приоткрылась, оттуда хлынула музыка. Дама вздрогнула, как от холода.

— Вся Англия кажется мне пустыней,— продолжала она, по-прежнему смотря в окно.— Вероятно, это бывает всегда, когда человек остается совершенно один, когда у него нет больше дома на земле. Я живу теперь в гостиницах,— там все-таки люди... И, кроме того, в каждом новом номере мне кажется, что я смогу уснуть.

Портье, высунув голову из-за своей конторки, с любопытством посмотрел на нас.

— Арманда! — крикнул он и подождал.— Арманда! — снова позвал он, но Арманда так и не появилась.

— Уже поздно.— Старая дама встала.— Я пойду к себе. Благодарю вас за внимание. Всетаки иногда хочется с кем-то поговорить, понимаете.

Она прошла мимо, легко шелестя платьем; меня обдало запахом лаванды и еще чего-то, похожего на запах сухих листьев. Выросший у конторки хозяин-итальянец отвесил торопливый поклон; дама равнодушно кивнула ему. Я видела, как она поднимается по лестнице.

Утром, когда я вышла из номера, коридорный пронес мимо меня два больших старых чемодана из мягкой кожи с ремнями. Чемоданы, видимо, были тяжелы: коридорный тащил их с трудом. С площадки лестницы мне была хорошо видна дверь, распахнутая на улицу.

Старая дама в клетчатом дорожном пальто выходила из гостиницы. Арманда, опасливо косясь на нее, несла зонтик, коробку, дорожную сумку.

Вещи погрузили в багажник такси. Шофер предупредительно открыл дверцу. Старая дама села, привычно разложила рядом с собой плед, сумку и откинулась на спинку сиденья. Такси тронулось.

В этот ранний час вестибюль был пуст. Там стояла только одна Арманда.

Она рассматривала в зеркале свое некрасивое, бледное, усталое лицо и старалась уложить волосы в прическу, какую носит Брижит Бардо.

Солнечно, мол

Фото А. БОЧИНИНА.

ЭТО обыкновенная школа в одном из московских переулков. По утрам в ее стенах призывно звучит звонок, как звучит он по всем школам, вплетая свой свежий голосок в деловитый шум нового трудового дня.

Да, здесь все, как в других школах. Такие же озорные и непоседливые ребята, такие же быстроглазые, с косицами девочки, такие же страхи перед строгостью учителей и много, много буйной радости, которая делает на всю жизнь памятными школьные годы.

Методистам и педагогам, ломающим копья в спорах о том, как сделать стройной осанку школьника, стоит заглянуть в небольшой спортивный зал школы № 12 Кировского района. Уж отсюда-то, из этого зала, школьник не выйдет сутулым. И насильно сюда никого не надо тащить: крепкая привязанность живет у школьниц и школьников к этим гимнастическим снарядам, обтянутым чуть поблескивающей кожей, к мячу, к спорту во всем его многообразии, доступном школе. Вы взгляните, с каким старанием готовят ребята перед тренировкой яму для прыжков. Этой ямы с песком не было сначала в спортивном зале. Ее сделали сами школьники, чтоб и зимой заниматься прыжками. И, как знать, может быть, маленький Валерик Сабуренков, который так старательно примеривается сейчас к планке, станет в свое время вторым Брумелем?..

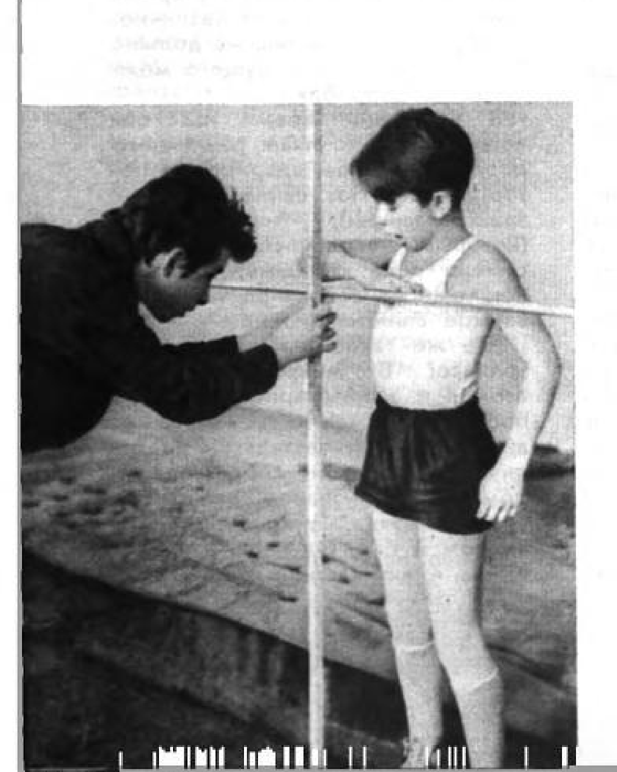
Легкая атлетика — любимый вид спорта в этой школе. В том, конечно, заслуга Ивана Ивановича Должикова — преподавателя физического воспитания, которого вы видите на втором снимке внизу. Кубок журнала «Огонек» был вручен юным спортсменам за победу в городском конкурсе по легкой атлетике. Надо полагать, младшие поддержат успех старших!

Едва пришла в Москву весна, юные легкоатлеты перенесли свои занятия на солнечный, свежий воздух. Сила дружного коллектива юных в том, что здесь каждый помогает друг другу советом, показом. Десятиклассникам Мише Ремизову, Саше Мачуле и другим ребятам из старших классов не в труд повозиться час и другой с младшими. Они гордятся своим званием инструкторов-общественников и ревностно выполняют хлопотливые обязанности.

— Смотри внимательнее, повтори еще раз и еще!..

В строгой школьной программе часы физкультуры, зарядки здоровья — закон нашего детства. Когда же эти часы выходят далеко за рамки уроков, когда спорт со всеми его неисчислимыми радостями становится самой любимой частицей досуга, можно не сомневаться: в такой школе, в такой веселой, здоровой, дружной семье не будет отстающих!..

ОДО

Мечты о звездах

А. ДМИТРИЕВ

Чем располагает наука для полетов за пределы солнечной системы? Как их осуществить и когда это сбудется? Может ли человек обогнать время в космосе? В дни, когда свершился первый в истории космический полет человека, об этом спорят не только специалисты, но и многие миллионы людей, чье воображение захвачено блистательными успехами советской науки, пробивающейся в космос. Об этом пишут Ю. Лисавол из Кара-Калпакской АССР и Н. Митягин из Людинова.

Среди всех известных сегодня научно-технических идей вы не найдете ни одной, которая могла бы сравниться своей смелостью и грандиозностью с идеей полета человека к звездам. Ничто из уже построенного или еще только строящегося руками человека не может даже отдаленно дать представление о масштабах и смелости этой технической идеи.

«Ну, хорошо, а зачем все это?» — может быть, спросит читатель. Зачем?.. А возможные встречи с иными формами жизни и, кто знает, может быть, с другими, очень развитыми цивилизациями на планетных системах далеких от нас звезд — разве такая перспектива не заманчива?

Но дело не только в этом. Первое же межзвездное путешествие несказанно обогатит и нашу Землю. Непосредственные исследования межзвездного пространства, строения Галактики, иных форм жизни приведут к новому бурному развитию астрономии, техники, физики, биологии, химии... да, пожалуй, и всех отраслей науки и техники на Земле.

Первая заявка на зрелость той или иной технической идеи возникает на том этапе, когда ею всерьез начинают заниматься ученые и инженеры. Это время пока еще не настало для идеи межзвездных полетов. Нет, конечно, и каких-либо законченных инженерных проектов, конкретно воплощающих ее в жизнь. Более того, среди ученых и инженеров сейчас нет пока даже единого мнения по вопросу практической осуществимости идеи межзвездных полетов. В самом деле: суждено ли ей остаться всего лишь мечтой, пусть красивой и заманчивой, но практически неосуществимой?

Возможны ли межзвездные полеты хотя бы принципиально?

Попытаемся в этом разобраться.

Шесть ударов сердца в минуту

Свет за одну секунду проходит расстояние в 300 000 километров. Какое же расстояние проходит он в течение года? В часе — 3 600 секунд, в сутках — 24 часа, а в году — 365 дней... Перемножьте эти цифры, помножьте результат на 300 000. Не правда ли, немалое получается число? Это и будет приблизительно расстоянием, называемым «световым годом».

Даже ближайшие к нам звезды отделены от нас пространством в несколько световых лет. А большинство звезд расположено от нас на расстояниях, которые свет преодолевает за десятки, сотни и многие тысячи лет.

Согласно теории относительности, ни одно тело (в частности и будущий межзвездный корабль) не может двигаться со скоростью света или превышающей ее. Поэтому, казалось бы, расстояние, измеряемое «какой-нибудь» сотней световых лет, уже непреодолимо по крайней мере для одного поколения исследователей космоса. Более отдаленные звезды с этой точки зрения кажутся совсем уж недостижимыми. Но так представляется только на первый взгляд. Теория относительности, которая ставит предел для наибольшей возможной скорости будущего межзвездного корабля, открывает поразительную возможность «выигрыша» времени для путешественников, двигающихся со скоростью, близкой к скорости света*. Поясним это удивительное обстоятельство.

Согласно теории относительности, время в быстродвижущемся относительно Земли межзвездном корабле течет медленнее, чем на самой Земле (с точки зрения земных наблюдателей), и тем медленнее, чем ближе его скорость к скорости света С. При различных скоростях корабля время в нем течет в 1,5, в 5, в 10 и более раз медленнее, чем на Земле.

Приведем пример. Если скорость межзвездного корабля достигает 0,995С, то есть составляет 298 500 км/сек, то время в нем, с точки зрения земного наблюдателя, течет в 10 раз медленнее, чем на Земле. Значит, 10 лет, прошедших на нашей планете, эквивалентны 1 году для путешественника на корабле.

---

* Скорость света, равная численно 300 000 км/сек, в дальнейшем часто будет обозначаться буквой С, когда мы захотим измерять скорость корабля в долях скорости света. Например, 0,8 С = 240 000 км/сек.

Многие представляют себе эти удивительные изменения в ходе времени как не столь уж существенный, но занятный фокус, который по не совсем понятным причинам происходит с часами движущегося корабля. Считают иногда, что какие-то причины замедляют механический ход часов, и только. На самом же деле изменяется (замедляется) темп течения времени, и уже как следствие этого изменяется и ход часов.

Как это отразится на пассажирах звездолета? Это скажется прежде всего на том, что они, с точки зрения землян, будут стареть медленнее, чем сами земляне. Как же это понять?

Вспомним, что человеческий организм в некотором смысле может быть уподоблен часам. Вернее, такую аналогию удобно провести в отношении человеческого сердца. В среднем оно каждую секунду делает 1 удар. В минуту последует 60 ударов, в час — 3 600 ударов... И так изо дня в день, из года в год. Состарился человек — значит, его сердце совершило уже изрядную работу: количество ударов сердца соответствует определенному числу прожитых лет. Если бы можно было остановить сердце человека (причем так, чтобы в организме не начались необратимые процессы, приводящие к смерти), а затем снова заставить его биться через много десятков лет, то на возрасте человеческого организма не сказался бы вынужденный перерыв: возраст начал бы ему засчитываться снова вместе с ударами ожившего сердца. Значит, человек воспринимает ход времени посредством собственных, природных часов — сердца.

Вернемся к путешественникам на звездолете. За 1 минуту, прошедшую на Земле, когда сердца землян сделают в среднем 60 ударов, сердца их собратьев на звездолете совершат лишь 6 ударов (еще раз подчеркнем, что это с точки зрения земных наблюдателей), если звездолет летит относительно Земли со скоростью 0,995 С. Означает ли все это, что путешественник на звездолете будет ощущать себя как-нибудь необычно по сравнению с тем, когда он находился на Земле? Нет, конечно! За 1 минуту, прошедшую по часам звездолета, сердце его по-прежнему совершит 60 ударов. И чувствовать себя будет он вполне нормально: все жизнедеятельные процессы, происходящие в его организме, будут протекать точно так же, как и во время его пребывания на Земле. Другими словами, та фантастически большая скорость, с которой путешественник летит в звездолете, не будет им ощущаться каким-нибудь специфическим образом; свое относительно более медленное, чем у землян, старение он никак не почувствует.

Итак, расстояние, например, в 100 световых лет путешественники на звездолете при скорости своего полета 0,995 С преодолеют не за 100,5 года (как это будет представляться земным наблюдателям), а всего лишь за 10,05 года (по своим часам). Объясняется это, в частности, еще и тем, что, согласно теории относительности, расстояние для движущегося наблюдателя сокращается во столько же раз, во сколько раз замедляется ход его времени (или часов) с точки зрения неподвижного наблюдателя. А относительная скорость звездолета и Земли для обоих наблюдателей всегда одна и та же. Иными словами, расстояние, которое после измерения неподвижный наблюдатель определит в 100 световых лет, будет восприниматься наблюдателем, движущимся со скоростью 0,995 С, как расстояние, равное всего лишь 10 световым годам. Отсюда и проистекает этот «выигрыш» во времени путешествия.

Таким образом, вернувшись назад на Землю после, скажем, двадцатилетнего (по своим часам) путешествия, исследователи космоса могут попасть в совершенно иную эпоху, перешагнуть во времени лет, например, через 200.

Все эти удивительные явления предсказываются теорией относительности. Заметными они будут, правда, лишь при скоростях корабля, близких к скорости света.

Четыре вида топлива

Итак, главное — скорость. Чем она ближе к скорости света, тем большим радиусом действия будет обладать корабль. Как же достигнуть таких скоростей?

Сейчас нам известен пока лишь один способ передвижения в межзвездном пространстве — с помощью ракеты. А для того, чтобы разогнать ракетный корабль до заданной скорости, нужно затратить вполне определенное количество энергии. Чем ближе эта скорость к скорости света, тем большее количество энергии понадобится для разгона ракеты. При околосветовых скоростях каждая попытка увеличения ее скорости еще хотя бы на 1 км/сек требует затраты все более и более гигантских количеств энергии. Энергия извлекается из различного рода топлив. Каким же должно быть топливо для будущего межзвездного корабля?

В настоящее время известны четыре вида топлива: различного рода химическое, ядерное (на котором работают сейчас атомные электростанции), термоядерное (которым человечество еще не сумело пока овладеть) и, наконец, еще не созданное так называемое аннигиляционное.

Что же такое аннигиляционное топливо? В микромире — мире атомов и элементарных частиц — последние имеют своеобразные антиподы — античастицы. Они отличаются от своих собратьев рядом свойств: знаком электрического заряда, магнитным моментом и т. д. Однако массы частицы и античастицы равны друг

другу. В качестве примера (который нам понадобится в дальнейшем) приведем позитрон — антипод электрона. Электрический заряд у него положительный (а не отрицательный, как у электрона), но массы обеих частиц равны.

Если электрону и позитрону случится соприкоснуться, то они как бы взрываются — аннигилируют. При этом частицы совсем исчезают, а вместо них появляется электромагнитное излучение — так называемые гамма-кванты, или иначе фотоны большой энергии. Таким образом, энергия при реакциях аннигиляции выделяется в форме электромагнитного излучения.

Сравним теперь различные виды топлива с точки зрения выгоды их использования для межзвездных полетов. Здесь нам помогает еще одно следствие теории относительности — именно закон взаимосвязи массы и энергии. Согласно этому закону, полное количество энергии, заключенной в каком-либо теле, точно соответствует массе того же тела. А любое изменение величины энергии, заключенной в данном теле, сопряжено со строго определенным изменением величины его массы. По этой точке зрения, нагретый, например, чайник с водой весит больше, чем ненагретый. Следует сразу оговориться. Никакими, даже самыми точнейшими весами нам не удалось бы измерить эту разницу. Об этом можно судить по такому примеру: нагревание воды в чайнике на 80°С увеличивает его вес всего на 10^{-10} доли процента.

Иное положение с различными ядерными реакциями. В них выделение энергии весьма велико, и оно отражается на массах реагирующих атомных ядер. Это может быть замечено различными методами.

Процесс аннигиляции извлекает из вещества (электронов) и антивещества (позитронов) всю энергию, какую они в себе таят. Большей энергии ни из какого топлива извлечь невозможно. При использовании, например, ядерного топлива мы вынуждены хранить до момента «сгорания» в реакторе (в качестве бесполезного, в сущности, балласта) 99,3% вещества. При использовании же аннигиляционного топлива такого балласта нет: вся масса вещества и антивещества идет в дело.

Вес ракеты — миллиард тонн

Простые расчеты показывают, что попытка использовать химическое топливо для нашего межзвездного корабля приводит к необходимости запасать такие фантастически огромные его количества, что всякие надежды на химическое топливо должны быть, без сомнения, оставлены. Может быть, спасет положение ядерное топливо? И оно не спасает положения. В самом деле, если полезную массу нашей ракеты принять равной 100 000 тонн *, то при скорости корабля в 100 000 км/сек — что ограничивает радиус действия ракеты самыми ближайшими звездами — понадобится около 1 миллиарда тонн ядерного «горючего» для того, чтобы ракета вернулась на Землю. Иными словами, доля полезной массы (100 000 тонн) составляет всего лишь 0,01% от общей массы. Нет нужды специально доказывать, что постройка сложнейшего инженерного сооружения с такой ничтожной долей полезной массы (при огромном количестве запасаемого топлива) немыслима не только сейчас, но даже и в отдаленном будущем.

Самое главное — трудность, которая возникает при обсуждении идеи межзвездных полетов: грандиозность стартовых (начальных) масс ракет. Существуют ли пути снижения стартовой массы? Да, существуют.

Прежде всего, по-видимому, нужно решительно отказаться от любых видов топлива, кроме аннигиляционного. Что сулит нам его использование?

Отметим сначала одну его важную особенность. Получающееся после аннигиляции электромагнитное излучение отвечает еще одной существенной задаче. Дело в том, что скорость ракеты в конце разгона обусловлена не только тем, сколько сгорело топлива, но и величиной скорости реактивной струи, образованной сгоревшим топливом. В нашем случае, когда реактивная «струя» образована из электромагнитного излучения, ее скорость оказывается наивысшей из всех возможных в природе.

Стало быть, аннигиляционное топливо более всего подходит для наших целей — достижения межзвездным кораблем наибольших скоростей при условии наименьшей его начальной стартовой массы.

Оставим пока в стороне трудности, связанные с хранением аннигиляционного топлива и образованием из фотонов, полученных после аннигиляции, направленной реактивной «струи». К этим вопросам мы еще вернемся ниже. А сейчас посмотрим, какие получаются стартовые массы межзвездного корабля при использовании фотонных двигателей.

Итак, нашей фотонной ракете придется дважды ускоряться: при отлете с Земли и с планеты далекой звезды — и дважды тормозиться: при подходе к неведомой планете и к Земле. Четыре раза придется включать фотонные двигатели. Будем считать, что весь полет туда и обратно займет 45 лет по часам звездолета. Из них 2—3 года путешественники проведут на планете. Какой должна быть стартовая масса ракеты? Ее величина в сильнейшей степени зависит от того, какая конечная скорость потребуется от межзвездного корабля. Полет на планетные системы самых ближних звезд, для которого достаточна скорость 0,5С,— что ограничивает радиус действия ракеты 12 световыми годами (при условии сорокапятилетнего путешествия по часам звездолета) — потребует запаса топлива, забираемого с Земли, в 10^6 тонн. Иными словами, доля полезной массы — 100 000 тонн — составит 10%.

Однако достижение кораблем максимальной скорости в 0,9 С (в этом случае радиус его действия — при прочих тех же самых условиях — повышается до 42 световых лет) потребует стартовой массы звездолета в $3{,}6 \cdot 10^7$ тонн, если все топливо будет взято с Земли. Полезная масса составит всего около трех десятых процента. Этого уже слишком мало. Отсюда вывод: хотя с аннигиляционным топливом мы и получили большие выгоды по сравнению с ядерным, этого все-таки недостаточно для существенного повышения скорости полета и, следовательно, увеличения радиуса действия корабля: слишком быстро должна расти стартовая масса корабля при попытках увеличения его скорости.

Есть ли другие возможности для увеличения скорости ракеты и, следовательно, ее радиуса действия без существенного повышения ее стартовой массы? Да, существуют.

Первая возможность — применение многоступенчатых ракет. Эта давнишняя идея Циолковского прекрасно зарекомендовала себя сегодня при запуске искусственных спутников Земли. Возможно, и ее учтут при осуществлении межзвездных полетов.

Существует и другой путь для резкого снижения стартовой массы звездолета, без уменьшения при этом его скорости в конце разгона. Будем брать топливо только в направлении «туда», а для обратного пути запасать его на планете — цели путешествия. Почему это возможно?

Любая планета, говоря образно,— это гигантский склад энергии. Обилие вещества, из которого она построена, близость мощного источника даровой энергии звезды — тамошнего солнца,— все это сулит возможность получения антивещества. Не будем гадать сейчас, построят ли путешественники лабораторию по производству топлива на планете, которой они достигнут, или они привезут с собой на звездолете все необходимые ее элементы. Не будем гадать также и о том, в какой форме они запасут энергию для обратного пути. Однако, предположив, что все эти проблемы удовлетворительным образом разрешатся, мы можем подсчитать, насколько снизится стартовая масса ракеты. Звездолету потребуется лишь один раз набрать нужную скорость и один раз погасить ее. Как и раньше, мы будем считать, что путешествие в оба конца должно продлиться не более 45 лет (по часам звездолета), а полезная масса ракеты составляет 100 000 тонн. В этом случае достижение кораблем максимальной скорости 0,9 С потребует стартовой массы в 1,9 10^6 тонн. Доля полезной массы составляет 5,3%, что более или менее разумно. Радиус действия ракеты в этом случае составит 42 световых года.

Меньшие максимальные скорости ракеты (и, следовательно, меньшие радиусы ее действия) потребуют менее значительных запасов топлива, что улучшает отношение полезной массы корабля к стартовой. Увеличение же максимальной скорости межзвездного корабля, естественно, ухудшит это отношение, хотя и не так значительно, как это было в случае, когда весь запас топлива брался с Земли.

Общий вывод таков: радиусы действия вплоть до 40 световых лет окажутся более или менее доступными для фотонных ракет (при условии возобновления запаса топлива). А в этом радиусе находятся тысячи звезд.

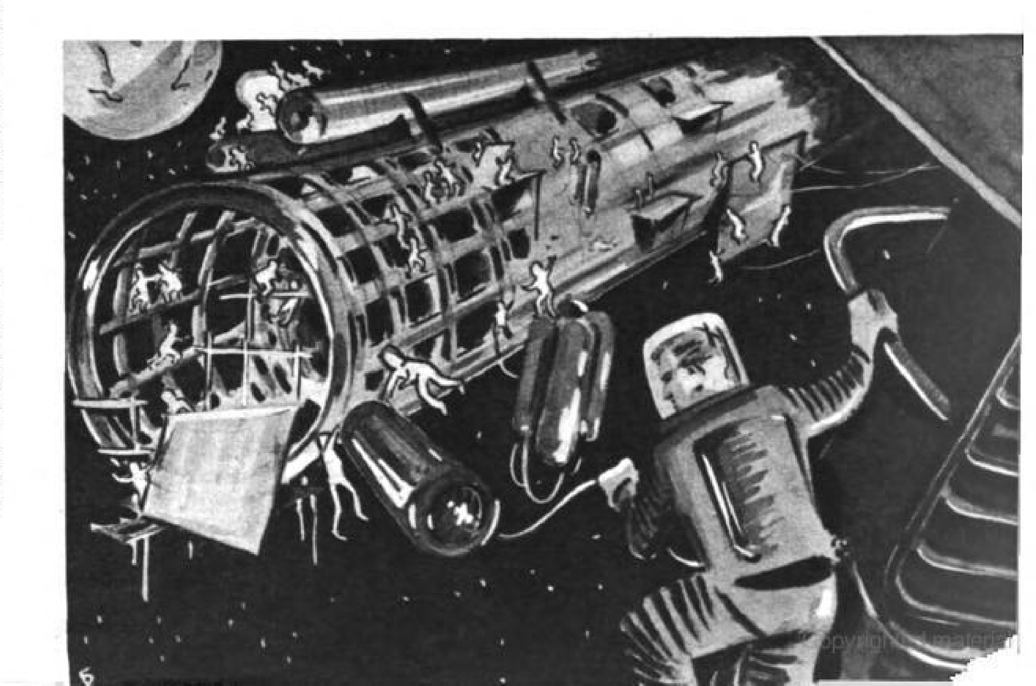
Однако и радиус в 40 световых лет не слишком велик. Существуют ли еще и другие возможности для повышения скорости полета межзвездного корабля (и, следовательно, увеличения его радиуса действия) без существенного повышения стартовой массы? Безусловно! Не следует только раньше времени опускать руки. Решения всегда находятся в процессе их поисков. А сколько возможных будущих решений этой задачи сейчас пока еще от нас скрыто!

Хранилище «антивещества»

Чудесные свойства аннигиляционного топлива не обходятся бесплатно. Использование его для ракет влечет за собой целый ряд трудностей.

Существует мнение, что нет ни малейших надежд использовать аннигиляционные реакции для фотонных ракет хотя бы потому, что невозможно вообразить резервуар для античастиц. Ведь, рассуждают сторонники этой точки зрения, едва лишь прикоснувшись к стенкам, античастицы моментально взорвутся с неимоверной силой, разнеся на мельчайшие атомы весь корабль.

Однако уже сегодня наука пытается практически ликвидировать подобные трудности в отношении управляемых термоядерных реакций. Задача, возникшая перед учеными, в некотором смысле аналогична: необходимо удержать вещество, находящееся в особом состоянии при температурах во многие миллионы градусов, вдали от стенок сосуда. Для этой цели сейчас разрабатываются такие конфигурации магнитных полей (физики называют их «магнитными бутылками»), которые удерживают заряженные частицы в некотором ограниченном объеме, вдали от стенок сосуда. Первые практиче-

* Величина сравнительно небольшая, если учесть, что путешествие будет длиться годами и что ракета понесет в себе экипаж, двигатели, хранилище для больших запасов топлива, приборы и различного рода оборудование.

Рисунки Б. Воссарта.

ские шаги в этом направлении сделаны.

Итак, уже сейчас можно найти выход из наметившейся трудности с хранением «антивещества» — позитронов и, кстати, также и «вещества» — электронов. Нужно поместить их небольшими порциями по отдельности в таких «магнитных бутылках», через невидимые «стенки» которых ни изнутри, ни снаружи не сможет проникнуть ни одна заряженная частица. «Подвешенное» в безвоздушном пространстве в «магнитных бутылках» «антивещество» — позитроны — будет находиться вдали от «вещества» — стенок межзвездного корабля и электронов, заключенных в других «магнитных бутылках».

Будущие «магнитные бутылки», разумеется, мало похожи на те, в которых физики наших дней намереваются зажечь управляемую термоядерную реакцию. Различие скажется по крайней мере в двух пунктах.

Для наших целей заряженные частицы необходимо хранить в течение длительного времени — годами. Современные физики ставят целью удержать заряженные частицы в ограниченном объеме лишь в течение ничтожных долей секунды. И все же стоящая перед нами задача принципиально вполне разрешима.

Другое различие. Для современных устройств такого рода требуется непрерывный расход энергии, ибо они формируются электрическим током, текущим по обычным металлическим обмоткам. Мы же говорим о «магнитных бутылках», способных существовать без расхода энергии. Они будут построены где-то вне земной атмосферы, в космосе (как, впрочем, и весь корабль). Именно там господствует страшный холод космического пространства: температура там близка к абсолютному нулю. В таких условиях, как известно, электрический ток, однажды возбужденный в замкнутом металлическом проводнике, может циркулировать в нем как угодно долго, вечно, не затухая. Это явление называется в физике сверхпроводимостью. Поэтому на постройку «магнитных бутылок» энергия будет затрачена лишь однажды. А потом своеобразная система магнитных полей начнет самостоятельную жизнь, не нуждаясь в подпитке со стороны.

Несколько слов о другой трудности. Как уже неоднократно подчеркивалось, аннигиляционное топливо будет состоять из заряженных частиц, между которыми неминуемо возникнут колоссальные электрические силы. Заметим, что притяжение «грамма» электронов к «грамму» позитронов, расположенных на расстоянии одного сантиметра друг от друга, сравнимо с тяжестью Луны! А у нас запас топлива должен исчисляться десятками тысяч тонн! Однако силы притяжения можно очень резко уменьшить. Каким образом? Надо изготовить множество «магнитных бутылок». В каждую из них будет помещена сравнительно небольшая порция электронов или позитронов. Чтобы силы электростатического притяжения или отталкивания между ними были сравнительно невелики, можно расположить «бутылки» в шахматном порядке, чередуя попеременно отрицательно заряженные с положительно заряженными. Тогда электростатическое взаимодействие зарядов приблизительно уравновесится.

Таким можно представить себе хранилище с невидимыми стенками для невидимого аннигиляционного топлива в фотонной ракете.

Кстати сказать, «магнитные бутылки» и заряды конденсаторов сами послужат топливом для фотонной ракеты. Ведь по мере расхода позитронов и электронов отпадает и необходимость их хранения. Поэтому освободившийся «излишек» магнитных и электрических полей будет нетрудно обратить в электромагнитное излучение (например, свет или радиоволны) для образования дополнительной электромагнитной реактивной «струи» ракеты.

Как видите, в межзвездном корабле даже кладовая топлива сулит сыграть роль горючего. Корабль с такими «сжигаемыми» стенками топливных хранилищ будет иметь, конечно, более выгодное отношение полезной массы к стартовой.

Магнитное «зеркало»

Для фотонной ракеты мы должны решить еще одну важнейшую задачу — сформировать реактивную фотонную «струю», то есть строго направленный поток фотонов, получающихся после реакции аннигиляции. В случае фотонов видимого света подобная задача решается просто: вогнутое зеркало собирает световые лучи в прямой поток, и мы получаем всем хорошо известный прожектор. Но как быть в случае фотонов, получающихся после аннигиляции позитронов и электронов?

Полученные после этой реакции гамма-кванты не смогут отразиться ни от какого твердого зеркала. Они либо пролетят сквозь него, либо в большей части застрянут в нем. И если гамма-квантов будет очень много (а в фотонной ракете так и будет), то они мгновенно раскалят и испарят материал зеркала, буквально распылив его на отдельные атомы. Как же сформировать реактивную фотонную струю? Чем заменить твердое зеркало?

Выход и здесь существует. В известных условиях — а именно в магнитных и электрических полях очень большой напряженности — позитрон и электрон могут аннигилировать с испусканием не двух, как обычно, гамма-квантов (каждый из которых летит практически в любом направлении), а лишь одного. В последнем случае импульс отдачи от каждого такого одиночного вылетевшего гамма-кванта воспримет поле, в котором аннигилировали пáры частиц — позитроны и электроны. Эта отдача подобна той, которая возникает в орудии после выстрела. Только в орудии на ствол давят пороховые газы, а в нашем случае их роль выполняют электромагнитные силы.

Словом, выдвигается еще одна задача — подыскать такую конфигурацию магнитных и (может быть) электрических полей, чтобы в ней возникали не пары фотонов, а одиночные гамма-кванты и чтобы они летели всегда в одном и том же направлении. Иными словами, роль «зеркала» у нас должны играть теперь невидимые глазом магнитные и электрические поля большой напряженности. Теоретически создание такого «зеркала» вполне возможно.

Проходима ли пустота?

Межзвездное пространство, или, как его неправильно в обиходе иногда называют еще, пустота, вовсе не пусто. На каждый его кубический сантиметр в среднем приходится один атом водорода, а на каждый кубический километр — одна ничтожная пылинка массой в миллиардную — стомиллиардную долю грамма. Казалось бы, не так уж и много. Однако, как увидит читатель, при больших скоростях полета это не так уж и мало.

Чем выше скорость полета корабля, тем больший поток встречных частиц будет падать на его корпус. При скоростях, близких к скорости света, с этим встречным потоком нельзя уже не считаться.

Во-первых, стремительно летящие навстречу кораблю атомы, застревая в корпусе корабля, будут вызывать рентгеновское излучение, тем более жесткое и тем более интенсивное (и, следовательно, опасное для жизни), чем выше скорость корабля. Во-вторых, встречный поток пыли вызовет как жесткое рентгеновское излучение, так и испарение корпуса корабля. Наконец, встреча с метеоритами при такой скорости чрезвычайно опасна.

Защита от радиации (рентгеновского излучения) не представляет особой проблемы вплоть до скоростей порядка 100 000 км/сек. В этом сходятся все ученые, защищающие идею межзвездных полетов. При бóльших скоростях опасность становится серьезнее. Как же защититься от излучения, не увеличивая значительно толщину стенок звездолета и, следовательно, его массу? Возможно, одним из методов явится создание фотонного «расчищающего» луча, направленного вперед. Для этого необходимо использовать лишь ничтожную часть мощности фотонных двигателей ракеты. Представляется целесообразным дополнить фотонный «расчищающий» луч системой сильных магнитных и электрических полей, окружающих корабль. Возможность их создания обусловливается огромным запасом энергии, хранящимся в звездолете. Эти поля отклонят от корпуса корабля встречный поток заряженных частиц. Фотонный же луч будет отбрасывать в сторону часть встречного потока заряженных частиц. Вместе с тем он ионизирует встречный поток нейтральных атомов, превращая последние в заряженные частицы. После этого роль «брони» снова возьмут на себя магнитная и электрическая защита звездолета. Правда, при скоростях корабля, очень близких к скорости света, магнитная и электрическая защита станет уже менее эффективной, хотя все-таки и не бесполезной.

Несколько слов о «пылевой» и «метеорной» опасности. Первая может быть, по-видимому, сильно уменьшена применением фотонного «расчищающего» луча. Хотя космические пылинки содержат многие тысячи атомов, тем не менее можно надеяться, что «расчищающий» луч разобщит их, ионизирует, и затем вступят в роль защиты электрические и магнитные поля, о которых шла речь выше.

Может ли такое или подобное устройство обезопасить звездолет и от метеоритов? Ответить на этот вопрос так же трудно, как и на другой: много ли метеоритов в межзвездной среде и какова вероятность встречи с ними межзвездного корабля?

Полетим!

Итак, мы видели, что трудностей при осуществлении идеи межзвездных полетов более чем достаточно. На одних мы остановились подробнее, о других упомянули вскользь, а о некоторых вообще не было сказано ни слова.

На чем же все-таки полетит человек к звездам?

Оптимисты уверены, что полеты — по крайней мере к ближайшим звездам — вполне возможны с помощью фотонных ракет. Проблемы, которые кажутся непреодолимыми с позиций нынешнего уровня знаний и развития производительных сил, может быть, в грядущем будут разрешены.

А сколько еще новых идей, новых мыслей появится в будущем!

Вот почему, обсуждая сегодня трудности межзвездных полетов, бессмысленно претендовать на какие-то окончательные решения. Мы просто попытались рассказать о возможных, не очень еще ясных, порою почти призрачных контурах этих решений.

Но очень хочется знать уже сейчас (по-видимому, в этом сказывается своеобразие человеческой психологии), каким образом человек достигнет звезд. Может быть, фотонных ракет действительно не будет, как утверждают некоторые ученые. Может быть, будет изобретен иной, до сих пор неизвестный принцип передвижения в межзвездном пространстве. Ну что ж, если он окажется лучшим, наши потомки от него, естественно, не откажутся.

НА СПУТНИКЕ САТУРНА.

А. СОКОЛОВ

НА ИСКУССТВЕННОМ СПУТНИКЕ МАРСА.

Развалины древней мечети в Рабате.

Б. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Марокканский крестьянин на пашне.

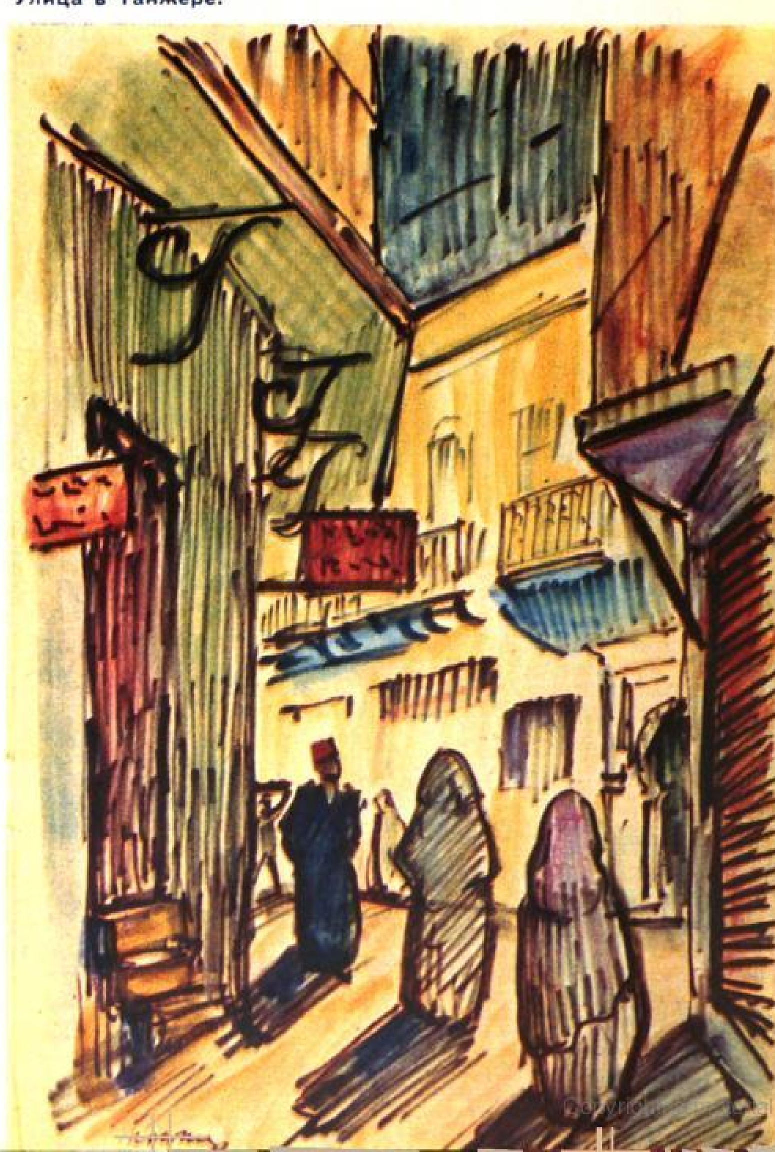

Хочется купить новые ботинки. Абиджан.

Уличный писец. Абиджан.

Улица в Танжере.

АФРИКА ЮЖНЕЕ ЗЕЛЕНОГО МЫСА

Леонид СТЕПАНОВ

Пятый день мы плывем вдоль западного берега Африки, направляясь из Танжера в Дакар. С каждым днем солнце становится все щедрее. Пассажиры, приехавшие в Одессу в теплом пальто, давно повесили его в шкаф и теперь достали из чемоданов темные очки и соломенные шляпы. Отряд купальщиков в нашем судовом бассейне, насчитывавший первоначально пять-шесть человек, растет с каждым днем, и присоединение к нему уже не считается доблестью.

Довольно часто неподалеку от «Эстонии» появляются большие стада дельфинов. Веселые, резвые толстячки, чтобы позабавить нас, устраивают массовый показательный заплыв наперегонки с обязательным выпрыгиванием из воды. Некоторые ловкачи подскакивают на целый метр. Дельфинов на бескрайней синей арене сменяют летучие рыбы. Как сельские ласточки, проносятся они на бреющем полете над поверхностью воды десятки метров и исчезают в океане. Несколько раз зловещим пиратским парусом высовывался верхний плавник акулы. Но когда мы упросили капитана остановить на час судно и устроить охоту на акул, то ни одна хищница не прельстилась мясом из нашего камбуза. Видно, прошли те описанные счастливыми путешественниками времена, когда акулы охотно набрасывались на консервные банки и даже на пустой ржавый крючок.

Но ни ласки тропического солнца, ни купание, ни любопытные обитатели океана не могут заглушить нашего постоянного волнующего предчувствия встречи с Африкой. Она, Африка, и впереди — в Сенегале, в Гвинее, на Береге Слоновой Кости — и здесь рядом, где-то в туманной дали слева по борту. Ее не видно даже в бинокль пятнадцатикратного увеличения, но пассажиры все-таки подолгу смотрят в эту сторону, принимая маленькие рыболовецкие суда за прибрежные маяки, постоянно сверяясь по штурманской карте, мимо каких краев проплывает наша «Эстония».

Утренний туман стыдливо прикрыл небольшой островок Горэ при входе в дакарскую бухту, который несколько веков был главной базой работорговли в этой части Африки. Напоминанием позорного и ужасного прошлого «Острова слез» остаются развалины тюрем и чугунные пушки по углам крепости. Отсюда вывозились сыны и дочери многострадальной Африки за океан, на вечное рабство, без возврата. Их жизни легли в фундамент мещанского благополучия буржуазных «демократий».

Перед нами столица Сенегала Дакар — один из крупнейших в Западной Африке портов и место пересечения авиалиний, протянувшихся в Африку из Америки и Европы. В отличие от многих других городов в Западной Африке Дакар, бывший одним из опорных пунктов французского колониализма, имеет ряд промышленных предприятий, главным образом перерабатывающих ценное местное сырье и продукты сельского хозяйства.

В Дакаре зародились первые в Западной Африке профсоюзные и политические организации африканского пролетариата, сыгравшие активную роль на первом этапе борьбы за политическую независимость Сенегала. Но борьба еще не окончена. Французским колонизаторам, формально предоставившим Сенегалу независимость, удалось навязать новорожденной республике более десятка разного рода кабальных соглашений, позволяющих под благовидной вывеской «содружества» сохранять тяжкие цепи экономической и отчасти политической зависимости.

Мы выходим из портовых ворот на улицы Дакара и сразу же встречаемся с теми, кого так давно хотели видеть. Многие из них устремляются нам навстречу: совсем иные, не похожие на нас и вместе с тем давно близкие, очень-очень свои. Пытливые, добрые глаза. Лица черные до синевы. Фигуры стройные в любом наряде — в цветной накидке, белой бубу и даже в грязном рубище. Яркие краски одежды не оставляют впечатления пестроты, потому что все залито яркими лучами солнца. Мы в своих брюках и рубашках-распашонках с обожженными солнцем лицами, наверное, выглядим рядом с ними блекло.

Но они встречают нас открытыми проявлениями симпатии: сверкают своими белоснежными зубами, доверчиво протягивают для приветствия тонкие руки с длинными пальцами. Беседа идет с помощью отрывочных французских фраз, «международных» восклицаний и жестов. Главное понятно всем: приехали друзья из страны, которая помогает африканцам добиться свободы. Горячие ладони все чаще образуют крепкий двухцветный узел рукопожатия. Портовые рабочие деловито и гордо пришпиливают к рубахам значки с голубем мира. Мальчишки, осмелев, просят туристские проспекты с видами Москвы, Сталинграда и Киева. Кто-то из сенегальцев уже фотографируется в сочинской соломенной шляпе. Молодая негритянка поменялась бусами с ленинградской художницей. Вокруг советских туристов растет и растет толпа приветливых, любознательных сенегальцев.

Правда, есть и другие. Они держатся настороженно и боятся подходить близко. Мы все понимаем и не обижаемся: эти еще плохо знают нас, а в каждом белом привыкли видеть обидчика.

Как и другие бывшие административные центры Французской Западной Африки, Дакар состоит из двух абсолютно несравнимых частей, которые контрастируют, как черное и белое. Благоустроенные кварталы, построенные колонизаторами для себя, поражают великолепием, роскошью и комфортом. В негритянских кварталах вопиющая нужда, предельная скученность, грязь и болезни.

В домах, похожих на шалаши, в захламленных двориках и грязных переулках — тысячи безработных. На всех не хватает не только работы и хлеба, но даже тени, необходимой, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Весь уклад жизни остается таким, при котором человеческий труд ценится очень низко. На улицах, примыкающих к базару, и на самом базаре множество бездомных бродяг, нищих, больных.

В зловонном мусоре копошатся маленькие дети, не имеющие представления об игрушках. Девочки восьми — десяти лет носят за спиной маленьких братьев и сестер. Так и бегают с ними, крепко привязанными платком, с открытой болтающейся головенкой, по солнцепеку.

Школы в центре города и в негритянских кварталах заметно отличаются друг от друга. В центре школы лучше, в них вместе с детьми французов обучаются дети зажиточных сенегальцев. В негритянских кварталах учится беднота. Поэтому школы хуже, классы переполнены, учителя иной квалификации. Заглянув в одну школу, мы увидели, как между рядами подвижных большеглазых детишек ходит сонная сухопарая монашка-француженка. В другом классе свирепствует какой-то рыжий детина с палкой вроде аршина. Этим аршином он больно бьет ребят по пальцам. Узнав о советских учителях, пожелавших посмотреть школу, детина велел сторожу захлопнуть калитку ограды школьного двора...

На берегу океана в окружении часовых-баобабов, укрытый от солнца листьями пальм, раскинулся студенческий городок. В легких, светлых зданиях, издали похожих на ангары, находятся факультеты: медицинский, ветеринарный, юридический и другие. Пройдет несколько лет, и у Сенегала будет достаточно своих специалистов, чтобы навсегда отказаться от дорогостоящих спецов, приезжающих по контракту из Европы. Но дело, по-видимому, не только в количестве. Многое зависит от политики сенегальского правительства. В стране и теперь есть немало талантливых, высокообразованных людей, которые не находят себе достойного применения из-за того, что им предпочитают французов.

Гуляя вечером по одной из центральных улиц Дакара, мы познакомились у газетного киоска с молодым сенегальцем Тияном. Этот самородок, сын пастуха из народности тукулер, знает наречия всех восьми народностей Сенегала и свободно владеет четырьмя европейскими языками. Тиян хорошо разбирается в мировой политике, глубоко понимает исторические процессы нашего времени. Он читал Маркса и Ленина, он помнит все выступления Н. С. Хрущева в ООН против колониализма. Молодой тукулер знаком с художественными произведениями мировой классики. И Тиян — безработный!

Мы невольно вспомнили французского гида, который утром показывал нам Дакар. Он получает от фирмы приличное жалованье, но не считает своим долгом иметь хотя бы приблизительное представление о сенегальской столице. Совсем иное — Тиян. Безработный, бездомный сенегальский интеллигент вел нас по Дакару как подлинный хозяин своего города. Он все знает, помнит массу полезных фактов и цифр, готов дать на любой вопрос исчерпывающий и лаконичный ответ.

Власти Дакара были очень любезны по отношению к советским туристам. Специально для нас устроили парад гвардейской конной жандармерии. На открытом манеже были показаны джигитовка и преодоление полосы препятствий. Жандармский конный оркестр, одетый в яркие, пурпурные

плащи, исполнил для нас несколько военных мелодий, унаследованных от французской армии: «Орлеан», «Слава орлам» и т. д. Оркестром дирижирует французский капельмейстер. Кажется, он неплохой музыкант, но, к сожалению, далеко не единственный французский офицер в жандармерии и армии Сенегала. «Незаменимые» военные специалисты щеголяют в мундирах французской армии.

По берегу океана, за высоким проволочным заграждением находятся французская военная база и солдатские городки. Из окон автобуса мы видели французский военный аэродром. Сенегальские газеты в день нашего прибытия писали, что с военно-морской базы Дакара в Абиджан вышла французская эскадра. По воле случая мы повстречались с этой эскадрой в абиджанской бухте.

Проснувшись утром, мы увидели рядом с нашей мирной «Эстонией» два серых линейных корабля с зачехленными пушками, окруженных свирепыми миноносцами. Когда мы покидали столицу Берега Слоновой Кости, то на внешнем рейде застали огромный авианосец. Ему не хватило глубины канала, прорытого 10 лет назад и превратившего Абиджан в портовый город. Гигант-авианосец и рядом крошечная пирога рыболова — можно ли найти лучшую иллюстрацию для «сотрудничества» Франции и Берега Слоновой Кости?

Несмотря на тяжелую нужду, массовую безработицу, ужасные жилищные условия, жители Абиджана отличаются удивительным добродушием и жизнерадостностью. На большом, переполненном базаре мы не слышали ни одного грубого слова, не видели ни одной ссоры. В тех случаях, когда люди обычно проявляют раздражительность, здесь слышен веселый, беззлобный смех. Молодая негритянка поскользнулась, наступив на валявшийся в пыли плод манго. С блюда, стоявшего на голове, посыпались орехи кола. И вот вместо того, чтобы досадовать (ей потом пришлось собирать орехи и мыть их у колонки), молодая женщина звонко рассмеялась. Другие торговки охотно, с удовольствием смеялись вместе с нею.

Заглянув с разрешения хозяев в некоторые дома негритянской улицы, в сущности, мало чем отличающиеся от таких же в Дакаре, мы увидели, что даже при малейшем достатке негритянское жилище выглядит чисто и уютно. Прохладный каменный пол чисто подметен, топчан покрыт яркой шерстяной накидкой, воздух напоен ароматом каких-то душистых трав. Но гораздо чаще нас еще с порога встречал едкий запах нищеты. Больные, голодные дети лежат вповалку на рогожке или прямо на голом полу. Никакой мебели. Вместо посуды — консервные банки.

Лавка торговца обувью. Обувь — нечто вроде подметки с петлей для большого пальца. Сразу за лавкой — двор. Под единственным тенистым деревом на трех кроватях понуро сидят три жены. У каждой свой посудный скарб, свой гардероб, состоящий из каких-то лохмотьев, каждая — бесправная раба своего властелина-мужа.

Два молодых негра, как сотни лет назад, толкут зерно в большом котле. Чтобы получилась мука, нужно несколько часов напряженного труда. Над этой обливающейся потом парой привычно пролетает самолет французской авиакомпании. Он доставит в Париж коммерсантов, зарабатывающих на Береге Слоновой Кости миллионы франков в год.

Туристам, утомленным экваториальным солнцем, было трудно пройти мимо информационного центра правящей партии. В двух залах — выставочном и читальном — довольно прохладно, над головами посетителей вращаются вентиляторы. В первом зале фотографии, отражающие события последнего времени на Береге Слоновой Кости, и главное среди них — прибытие французской военной эскадры. Портреты президента Уфуэ-Буаньи и французского адмирала. Смысл подписей под снимками сводится к тому, что народы Западной Африки должны быть благодарны правительству Франции за то, что оно прислало эскадру для их защиты.

— От кого? — спросили, улыбаясь, неискушенные в дипломатии пассажиры «Эстонии».

— От кого? — переспросил дежурный по информационному центру, очень любезный молодой абиджанец.— После убийства Лумумбы в Африке тревожная обстановка. Может всякое случиться.

Нам так и не удалось понять, иронизировал ли молодой абиджанец или действительно полагал, что французская эскадра стоит на страже независимости и безопасности народов Западной Африки...

За столами читального зала прилежно склонили над газетами и журналами свои кудрявые головы молодые парни. Часть из них, вероятно, студенты. Но есть и свои абиджанские тияны — безработные интеллигенты, которым предпочли импортных специалистов. Позднее мне вспомнились эти оборванные парни в читальном зале, когда на главной улице Абиджана — авеню генерала де Голля — я поспорил с французским «экономическим экспертом», назвавшимся господином Колем.

Господин Коль не был невеждой, как наш дакарский гид. Напротив, он был знающим и далеко не глупым человеком. Но высокомерие г-на Коля намного превосходило и его познания в экономике и уровень его общей культуры. Г-н Коль, например, безапелляционно заявил, что без французов народы Западной Африки никогда бы не создали заводов, железных дорог и системы административного управления. Он пошел еще дальше. «Если мы когда-нибудь уйдем отсюда,— сказал Коль,— то здесь начнутся анархия и деградация».

Уйти вам отсюда придется, подумал я. И, может быть, гораздо скорее, чем вы рассчитываете. А что касается анархии и деградации, не мешает вспомнить Гану и Гвинею.

Через два дня после посещения Абиджана наша «Эстония» вошла в порт Конакри. Мы сошли на берег, чтобы своими глазами увидеть, как живет гвинейский народ, ответивший колонизаторам дружным и решительным «нет». Французское правительство, понявшее историческое значение «гвинейского примера», попыталось поставить молодую республику в такие условия, чтобы огромные трудности создали видимость неспособности гвинейского народа самому, без колонизаторов, управлять своей страной, развивать экономику и культуру. Для того, чтобы дезорганизовать административное управление, промышленность и транспорт, французское правительство отдало распоряжение о массовом и единовременном отзыве чиновников и специалистов, занимавших в Гвинее ответственные и руководящие посты. Уничтожалась или вывозилась во Францию ценная документация, технические и технологические планы, схемы, инструкции. С железной дороги не только была в один день отозвана вся администрация и уволены специалисты службы тяги и ремонтных мастерских, оттуда даже собирались вывезти рельсы...

Буквально первый же гвинеец, которого мы увидели, явился для нас живым доказательством, что республика великолепно обходится без погонщиков и надсмотрщиков. Это был лоцман, уверенно приведший наше судно в порт и причаливший его к пристани. Он был первым чернокожим лоцманом на нашем пути: в Сенегале и на Береге Слоновой Кости эту функцию выполняли французы.

После Сенегала и Берега Слоновой Кости каждому из нас особенно приятно было отметить отсутствие в Конакри бездомных бродяг, нищих, беспризорных детей и больных. Конечно, на улицах Конакри еще можно встретить немало плохо одетых людей, еще многие жители остаются в лачугах, унаследованных от времен колониализма. Для преодоления этих трудностей понадобится немало времени, но одно несомненно: весь народ сплочен в труде, в стремлении к единой цели.

Напротив Конакри, отделенные нешироким проливом, лежат острова Лос. Существует легенда, по которой не то рабовладельцы, не то пираты (чаще всего это было одно и то же) зарыли на одном из островов большой клад. Клад до сих пор никто не нашел, хотя в искателях недостатка не было. И все-таки Лос действительно оказались «островами сокровищ». На них разрабатываются богатейшие залежи бокситов. Бокситы есть и на материковой части Гвинеи. Во многих местах бокситы и железная руда выступают прямо на поверхность земли, окрашивая почву в оранжевый и лиловый цвета.

Богата Гвинея и алмазами, находящими большой спрос на международном рынке. В районе добычи алмазов в Кируане создается один из промышленных центров республики. Второй центр, в районе Фриа, возникает на глиноземах, богатых алюминием.

На территории республики все еще находятся промышленные предприятия иностранных компаний, но они контролируются правительством Гвинеи и вынуждены отчислять за эксплуатацию гвинейских недр часть своей прибыли. Внешняя торговля монополизирована. Государство руководит оптовой торговлей и контролирует примерно половину оборота розничной торговли. Все большую и большую роль играют кооперативы. Трехлетний план ставит целью предпочтительное развитие государственной и кооперативной собственности.

В достижении целей, поставленных трехлетним планом, большую помощь Гвинее оказывают страны социалистического лагеря. Советский Союз предоставил Гвинее кредит, в счет которого поставляются промышленное оборудование и сельскохозяйственные машины. В порту мы видели советские и чехословацкие автомобили и станки. На дороге к селу Койя, находящемуся в 60 километрах от Конакри, наш автобус должен был задержаться, пропуская большой грузовик, везущий два новеньких трактора со сталинградского завода.

В порту мы беседовали с двумя нашими специалистами. Они доставили в Гвинею тракторы и должны обучать молодых гвинейцев работать на них. За две недели молодые способные парни научились водить трактор. Теперь они изучают мотор, ходовую часть и учатся устранять неполадки. Учителя и ученики чрезвычайно довольны друг другом.

На «Эстонию», стоявшую в порту, пришел молодой парень — один из двух десятков русских педагогов, преподающих в гвинейских лицеях математику, химию, физику и другие предметы. Молодой специалист, вчерашний студент, пользуется среди своих учеников огромным авторитетом. Вместе с тем он их близкий друг и товарищ: играет в баскетбольной команде, участвует в соревнованиях по плаванию и даже пытается принимать участие в концертах лицейского танцевального ансамбля. Конечно, прежде в Гвинее никогда не было таких белых специалистов!

На берегу океана, около Института научных исследований и документации, сложены в кучу бронзовые фигуры французских завоевателей и губернаторов, сброшенные с пьедесталов. Колонизаторы изобразили сами себя благотворителями и просветителями. Теперь все это груда бронзы.

Мы прибыли в Гвинею вскоре после визита Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Это событие было еще живо в памяти жителей Конакри, оказавших высокому советскому гостю исключительно теплый прием. Народ Гвинеи горячо поддержал слова своего президента Секу Туре, который, поблагодарив на приеме у Л. И. Брежнева Советский Союз за бескорыстную братскую помощь Гвинее, сказал: Советский Союз был всегда на стороне угнетенных, начиная с того памятного 1917 года, который ознаменовал новый этап в истории мира.

Нам рассказали интересный эпизод, имевший место вскоре после отъезда Л. И. Брежнева. Два пьяных американских матроса с корабля, стоявшего в порту, сорвали со стены оставшиеся после визита советский и гвинейский флажки. Гвинейцы, видевшие это, возмутились и отправили пьяных молодчиков в полицию. Суд приговорил их к полуторамесячному заключению. В момент, когда мы находились в городе, дебоширы сидели за решеткой.

Этот эпизод показался нам очень знаменательным. Молодая Гвинейская Республика, бывшая недавно колонией, дает образец поведения суверенного и независимого государства!

Хотелось бы мне еще раз встретиться с господином Колем. Теперь у нас есть куда более веские факты и аргументы. Независимые страны Африки крепнут день ото дня. И это приговор колониализму во всей Африке.

ВОКРУГ НАС

Нулевой цикл заканчивается

За стройкой лежит туманное Балтийское море. Строители здесь, будто боги, заняты процессом мироздания: на том месте, где была вода, они создают сушу, а воду перемещают туда, где была земля. Происходит это в Таллине, между берегом

Здесь готовят дно будущего порта
Фото С. Розенфельда.

бухты и песчаной косой Пальяссаар, что в переводе значит «Голый остров». Коса действительно пока еще голая: на ней виднеются лишь несколько старых сараев да два-три дерева. А через несколько лет здесь будет Таллинский морской рыбный порт.

Какой он будет, можно представить, поговорив с начальником работ Валерием Ивановичем Дробышевым. Больше тридцати лет Дробышев занимается сооружениями, роднящими сушу и море. Он строил порт в знаменитой Находке, восстанавливал разрушенный в войну Таллинский морской порт. Когда Валерий Иванович рассказывает о Таллинском рыбном, забываешь, что пока это только план и рисунок, висящий на стене. Видишь бетонные громады причалов, две сотни судов, которые, вернувшись с лова, доставили сюда дары Балтийского моря и Атлантического океана. Вот белое здание холодильника, способное вместить сразу 7 200 тонн рыбы. Рыбоконсервный завод, выдающий со своих конвейеров 30 тысяч банок в смену. Здание фабрики, выпускающей жестянки для консервов. Тут же, на территории порта, сетевая фабрика и мастерские, где отходы рыбоконсервного завода превратятся в клей, желатин и удобрения. Здесь и база экспедиционного лова для судов, которые будут рыбачить далеко от родины, в глубинах Атлантики. Даже судоремонтный завод построят в новом Таллинском порту.

Экономно, но с размахом спроектировали порт архитекторы Ленинградского отделения Гипрорыбпрома; это большой комбинат по организации лова, приему и обработке рыбы.

— А пока,— возвращает нас к действительности Валерий Иванович Дробышев,— в порту заканчивается нулевой цикл работ.

Нулевой цикл—это земляные и подводные работы.

Гигантский кран грузоподъемностью в пятьдесят тонн виден издалека. Его ковш то распускает свои огромные лепестки, то смыкает их в жесткий бутон. Не слышно ни шума, ни плеска: бутон углубляется в воду и раскрывается, укладывая на морское дно сразу по нескольку десятков тонн щебня. А там водолазы разравнивают щебень и готовят из него удобную подушку, на которую тот же кран уложит огромные железобетонные массивы для причальных стенок.

В будущем порту уже строятся завод железобетона, механический цех, жилье для рабочих.

Н. ХРАБРОВА

Снова чемпионы Европы

В Югославии закончился чемпионат Европы по баскетболу. Команда СССР блестяще провела трудное состязание и в шестой раз завоевала золотые медали.

Слева направо: капитан сборной команды СССР М. Валдманис, А. Алачачян, В. Муйжниекс, В. Новиков, В. Угрехелидзе, А. Кандель, Ю. Корнеев, Г. Вольнов, В. Зубков, А. Вальтин, А. Петров и Я. Круминьш.

Фото Б. Светланова.

ДО СВИДАНИЯ, РОДНОЙ ДОНБАСС!

Пролетели три года учения в Красно-Лиманском железнодорожном медицинском училище. Девятнадцать недавних школьниц стали медицинскими сестрами и решили поехать на целинные земли братского Казахстана. Так откликнулись украинские девушки на призыв партии.

Комиссии по распределению молодых специалистов выпускницы заявили, что едут в дальние края по зову своего сердца, и обещали трудиться не покладая рук.

Б. АКСЕЛЬРАД.

5 МАЯ в Соединенных Штатах Америки была запущена ракета «Редстоун» с человеком на борту. Ракета летела по баллистической траектории и достигла максимальной высоты 115 миль. Капсула с пилотом, отделившаяся от ракеты, упала в океан.

На снимке: капитан третьего ранга военно-морских сил США Алан Шепард перед полетом на ракете «Редстоун».

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

ЕДИНСТВО!— говорит Африка

В столице Республики Ганы — Аккре подписан Устав Союза африканских государств. От имени своих стран под ним поставили подписи президент Ганы Кваме Нкрума, президент Гвинейской Республики Секу Туре и президент Республики Мали Модибо Кейта. В Уставе сказано, что к этому Союзу могут присоединиться другие африканские государства и федерации. Демократическая печать Африки считает создание Союза африканских государств новым шагом к укреплению единства народов Африки.

На снимке (слева направо): Модибо Кейта, Кваме Нкрума и Секу Туре подписывают Устав Союза африканских государств.

Фото информационной службы Ганы.

МАРТТИ ЛАРНИ В «ОГОНЬКЕ»

Большой, светловолосый, с крупными чертами лица и улыбкой, спрятанной в уголках губ... Перед вами Мартти Ларни, замечательный финский писатель-сатирик, автор широко известных романов «Четвертый позвонок» и «Прекрасная свинарка».

Мартти Ларни, приезжавший на несколько дней в Москву, побывал в редакции «Огонька». Он поделился впечатлениями от встреч с советскими людьми, рассказал о своих творческих планах.

На снимке: Мартти Ларни в редакции «Огонька».

Мать разведчицы

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

1. Тебя не забудут, родная!..

Мартовский снег слежался и потемнел. К вечеру его покрыла плотная корочка наста. Пошла поземка. Она скрадывала, надежно прятала Машины следы. А все-таки надо было Маше таиться, вслушиваться во всякий шорох и самой усмирять нетерпение свое, казалось, бившееся в ней вместе с горячими толчками сердца.

Все время уговаривая себя: «Тише, тише!»,— Маша подобралась через чужие задворки к саду, где каждый куст, каждую ветку на дереве, каждую травинку знала сызмальства — с тех самых пор, когда еще не ходила, а ползала по родной земле...

Без стука и без шума — ни одна половица под ногой не скрипнула — перебежала длинные, узкие сени, осторожно потянула на себя тяжелую дверь («Слава богу, не заперто!») и, стараясь не дышать, вошла в дом.

После улицы здесь было темно, будто в погребе, хоть глаз выколи. Но пройти оставалось теперь совсем уж немного: три, ну, четыре шага. На цыпочках преодолев это расстояние, Маша легко, ощупью коснулась теплых волос и лица своей матери.

— Голубка моя! Мамочка, голубушка, тихая моя...

Чутко прикорнувшая на лежанке, мать сразу же встрепенулась, ровно и не спала вовсе. Молча обхватив Машу за плечи, прижалась изо всех сил, замерла...

— Мамочка моя... голубка,— повторила Маша негромко.

Ласковая материнская ладонь тут же плотно легла на Машины шепчущие губы. И, приклонив к себе Машину голову, мать не сказала, а прошелестела на ухо дочери: «Тише, тише». Похоже, слова эти были паролем тайного свидания Маши с матерью в ту далекую, ту невозвратную ночь...

Подобрав под себя ноги, Маша послушно пристроилась возле матери.

— По всей улице немецкие грузовики стоят,— дохнула мать беззвучно.— И в доме немцы ночуют! Восемь человек в горнице... Бесстрашная же ты, Мусенька...

— Очень соскучилась, мамочка,— ответила Маша таким же неслышным, будто и виноватым, но ясным и веселым, чувствовалось матери, шепотом.

— Неужто одна пришла?

— Одна...

И только мать способна была уловить крошечную заминку в Машином ответе. Тогда она переспросила еще раз:

— Совсем одна?

— Отто сзади шел,— помолчав, призналась Маша.— Он и обратно меня проводит.

— Где ж сейчас-то?

— Сказал: в саду покараулю...

— Значит, опять ты с Оттой со своим,— прошептала мать неопределенно.

Который раз уже испытующе пробовала она дотронуться потихоньку до Машиного сердечного, потаенного, куда девушка в восемнадцать лет пускает разве самую заветную подружку-ровесницу. Но у Маши, хоть и отметила она только что, 25 февраля 1943 года, восемнадцатилетие свое, подруг не было. Как-то не осталось их... Нехорошо, наверное, подумали про Машу Васильеву школьные товарки, когда девятиклассница, получившая накануне войны комсомольский билет, пошла работать в немецкую комендатуру города Рыльска.

А уж после-то, в партизанском отряде имени Щорса, которым командовал секретарь Глушковского райкома партии Афанасий Яковлевич Синегубов, о подругах и вовсе думать не приходилось.

Да, может, не так уж они были там и нужны Маше, потому что привела она с собою к партизанам из гитлеровской комендатуры немца, служившего по интендантству,— Отто Адама. Так они и пришли к Синегубову вдвоем, когда угроза разоблачения их подпольной деятельности — иначе говоря, угроза фашистской петли — нависла над ними обоими. Ведь оба они снабжали партизан оружием...

Узналось-то все это, конечно, много позже. А в ту пору мать, беспокоясь, но не смея обидеть дочку ни словом, ни подозрением, все хотела допытаться: чего это ходит за ней немец, почему Маша так доверяет ему?.. И только в последнюю встречу приоткрылась Маша перед матерью, пошепталась с ней по душам и о себе и об Отто, хоть и связана была нерушимой тайной подполья.

— Ты ему тоже верь, мама,— попросила девушка.— Он за нас. Он наш, наш, мама!.. Вот если бы и тебе заглянуть в тот завтрашний день, о котором говорит Отто!.. Ты знай одно: мы победим, мама, голубушка. Фашизма не будет!.. И мы с Отто уедем учиться в Москву...

Обычно такая немногословная, Маша шептала, шептала... Остановилась ненадолго, чтобы перевести дух. А потом покойно так, без грусти — помнит это мать! — добавила:

— Если меня убьют, ты не плачь, мама. Я не боюсь. А тебя не забудут. Да и меня не забудут... Пусть бы только холмик на родной земле остался. Как тот наш с тобою холмик, помнишь?..

Сердце матери больно сжалось: еще бы не помнить!

Муся только-только пошла в школу, может, в первый или во второй класс, когда мать показала ей возле своей родной деревни Будки поросший травою холмик — безымянную могилу убитого деникинцами в девятнадцатом году москвича-политкома.

Все знала про него Маша со слов матери и повторяла ей часто:

— Хочу быть такой же, как твой политком!

А был он еще совсем молодой, светловолосый и красивый.

— Ну, точно родной твой брат, Мусенька,— говаривала, печалясь об убитом, мать, расчесывая льняные Машины косы...

В дочкиных словах чудилось матери страшное предчувствие, и она мягко советовала ей и себе тоже:

— Не о смерти надо думать. О жизни!

За себя-то мать нисколько не боялась, но, кроме Маши, никого у нее больше не было. Однако и в норку ведь не закопаешься, мать это тоже хорошо понимала: Муся — комсомолка!..

— Откуда ж он родом? — спросила у дочери скрепя сердце, чтобы только не думать, не говорить о печальном.

— Из Берлина!

— Надо же!..

— Скоро я пойду, мама.

— И то, беги, родная.

За окошком стояла все такая же непроглядная и знойкая, какие всегда бывают перед весенним половодьем, мартовская ночь. А все-таки черное окошко уже чуть приметно полиловело: земля шла к рассвету.

Помолчали перед дорогой. И вдруг мать снова обхватила Машу отчаянным, защищающим и беззащитным, самозабвенным объятием. Правда, тут же и отпустила...

Сцена из спектакля «Это было под Курском» О. С. Викторова. Маша (Г. Толмачева), Володя (И. Речицкий) и Отто Адам (И. Тарасов) мечтают о том времени, когда русский и немецкий народы станут добрыми друзьями.

Коллектив завода резино-технических изделий в Курске решил взять над Елизаветой Николаевной, матерью разведчицы Маши, постоянное шефство, помогать ей в жизни. Общее дружеское рукопожатие скрепляет этот замечательный договор. В центре — директор завода А. М. Милов, крайний справа — О. С. Викторов.

Это было 6 марта 1943 года. А 24 марта Маша Васильева и Отто Адам погибли в бою, защищаясь от карательного фашистского отряда. Их похоронили вместе, в одной могиле. И вырос еще один — партизанский — холмик на Курщине, Машиной родной земле...

Елизавета Николаевна Васильева по характеру своему человек не то чтобы замкнутый. Но нужен к ней, как почти ко всякому немолодому, простому русскому человеку, особый душевный ключик... Делилась она всем пережитым только с доброй приятельницей и родственницей своей, к тому же близкой соседкой — Татьяной Михайловной Крикуновой. Поэтому многое о Маше и Отто оставалось неизвестным. Даже о последней этой встрече Маши с матерью знала одна лишь Татьяна Михайловна, когда в Курске уже появилась пьеса о героях-партизанах, когда пьесу эту разучил и поставил драматический самодеятельный коллектив завода резино-технических изделий.

2. Не бурные нравы

Замысел пьесы рождался во время судебного следствия.

Чем дальше вели нити этого следствия, которым занимался в 1959 году прокурор Олег Сергеевич Викторов, разбирая дело отщепенца, немецкого прихвостня Бондаренко, тем ярче представлялись воображению Викторова, человека одаренного и творческого, образы знаменитого курского партизанского подполья.

Колхозники Глушковского района, опознавшие Бондаренко, показали, что предатель жестоко, злобно издевался над советскими людьми, попавшими в плен к фашистам.

— Кому же об этом у нас не ведомо! — сказал колхозник Кузьма Демьянович Бойченко.

Сам Бойченко долго прятал у себя в доме от немцев раненого красноармейца Володю Голованова, пока не дознался Бондаренко о пленном... Ох, и терзал его немецкий староста!..

— Только он уцелел: сбежал и жив остался, Володя-то! Сам обо всем рассказать бы мог,— неожиданно сообщил Кузьма Демьянович.— Правда, уж больно далеко он теперь — в Сибири... Ну, адрес, конечно, есть. Переписываемся мы с ним, как же!

И в город Красноярск, на улицу Красноярских рабочих, полетело из Курска письмо.

Владимир Фомич Голованов, ныне преподаватель немецкого языка в одном из красноярских институтов, немедленно откликнулся на приглашение приехать в Курск. Он подтвердил рассказ Кузьмы Демьяновича. Зверские мучения придумывал Бондаренко для пленных. Попав к нему в руки, Голованов решил бежать,— лучше погибнуть в бою, в перестрелке...

Встретили безоружного, ослабевшего Володю в лесу... Маша и Отто! К этому времени они сами уже были в партизанском отряде, но, отправляясь на задание, всякий раз тщательно маскировались. Отто изображал строгого немецкого офицера, Маша — угодливую, кокетливую барышню-переводчицу... Отто был в гитлеровской форме, выбритый и подтянутый; Маша посмотрела на Голованова чужими, безразличными глазами: мол, какое мне до тебя дело!..

«Все сорвалось!» — решил Володя и, махнув рукой на незадачливую жизнь свою, разразился проклятиями:

— Убивайте, сволочи! Только сразу!..

— Свой, это свой, Отто! — подетски всплеснула Маша руками, мгновенно преобразившись.

Володю повели прямо к «бате» — командиру партизан Афанасию Яковлевичу Синегубову.

Так и стал Голованов ездовым в партизанском отряде. Маша Васильева и Отто Адам по поручению Синегубова чуть не ежедневно объезжали на бричке немецкие тылы, собирая нужные партизанам сведения.

Был в отряде и второй ездовой, только за давностью лет Голованов не мог припомнить его имени.

Отыскался этот ездовой сам, отыскался с поразительной эффектностью, нарочно так не придумаешь.

Работники областного телевизионного центра проводили недалеко от села Званое съемку самодеятельного спектакля «Это было под Курском».

Спектакль по пьесе Олега Сергеевича Викторова очень удачно поставил силами драмколлектива, существующего при клубе «Резинщик», артист Курского театра драмы Е. Д. Лашков.

Во время съемок из леса выехал комбайнер Зекунов. Остановился посмотреть, закурил. Вгляделся в загримированных героев, вслушался в их реплики и возликовал:

— Да это же Отто и Маша!..

Синегубов отлично помнит самого молодого партизана — Леньку Зекунова, семнадцатилетнего, отчаянно смелого паренька... Правда, тянулся он все больше к боевым группам, а Маша и Отто были в разведке...

Вот теперь только выяснилось, что не своей волей, а по заданию Синегубова кончала Маша курсы немецкого языка, очутившись в оккупации. И в гитлеровскую комендатуру пошла работать, не раздумывая, что-то, мол, скажут о ней подружки...

Конечно, Маше посчастливилось: встреча ее с Отто, убежденным антифашистом, а может быть, и коммунистом, была той самой случайностью, в которой вдруг отчетливо просматриваются приметы необходимости, или судьбы, как попросту говорят в народе. В самые тяжкие для советских людей годы войны Отто нисколько не сомневался в победе тех, кто живет и воюет под знаменем Ленина.

Передавая Маше оружие для партизан, Отто обычно шел провожать домой переводчицу. И со стороны казалось: ухаживает за Машей немец! На самом же деле охранял Отто девушку от смертельной опасности.. Словно прогуливаясь, подходили они к Машиному дому то по улице Сталина, то по улице Урицкого...

Вот он, этот скромный домик в Рыльске, давно уж нуждающийся в ремонте, правда, чистенький и светлый. Хорошо промытые окна глядят на все четыре стороны.

И всегда у какого-нибудь окна зорко караулила свою Машу мать разведчицы, благословившая дочку на тяжкий, избранный ею путь...

— Понимала я, что не могла Мусенька покориться. А все равно боялась за нее. Как первый-то раз нашла под подушкой у Муси гранаты и револьвер, так даже сомлела вся,— говорит Елизавета Николаевна,— ноги подкосились... А потом привыкла!.. Бывало, в ведро она спрячет оружие или в корзину — и на колодец. Я смотрю: а вода нам вовсе не нужна!.. Спрошу: «Зачем ты, Мусенька, к колодцу ходила?» «Показывала,— скажет,— дорогу к нам домой, мамочка». «Кому ж ты, дочка, показывала?» «Сама знаешь, кому, мамочка». Вот и весь наш разговор...

— Значит, она очень молчаливая была, Маша? Какой у нее характер был? — бережно и ласково выспрашивает у Машиной матери Галя Толмачева.

Она чуть постарше Маши, эта славная, душевная и приветливая девушка. На заводе все ее любят да так и зовут теперь, после спектакля, Машей, а не Галей...

— Нет, не молчаливая. Простая была Маша, слов она никаких возвышенных не любила. Редко совсем говорила такие слова.

— А характер?..— добивается своего Галя.

— Ну, как сказать? Ровный такой, неприметный. Не бурный характер...

— Спокойная Муся была и выдержанная, в мать!— деловито уточняет Татьяна Михайловна Крикунова.

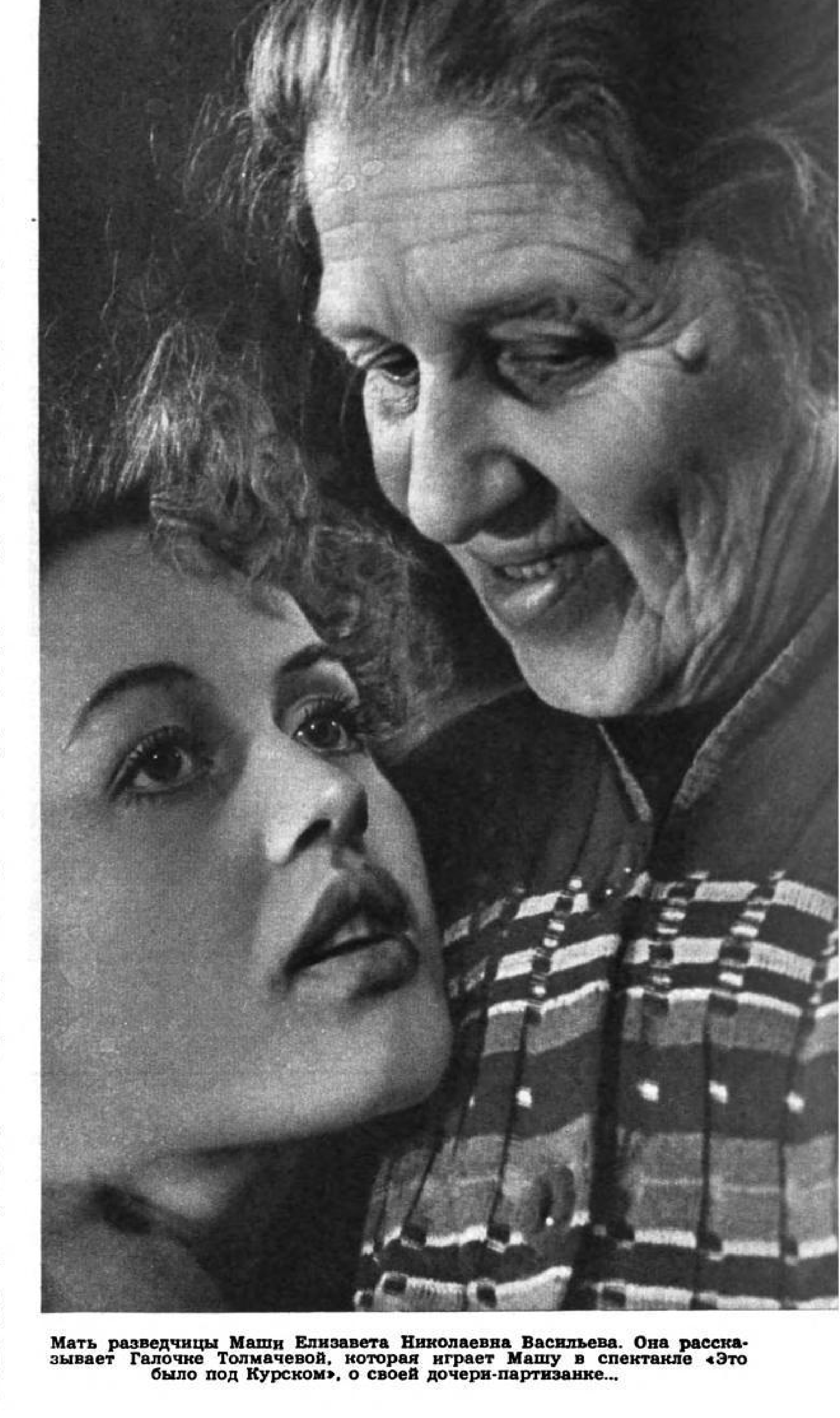
— А похожа я на Машу? — покраснев, спрашивает Галочка, перевесив через плечо пышную русую косу...

— Да, может, личиком ты немножко другая, а нрав такой точно! Милый нрав, не бурный,— повторяет Елизавета Николаевна.

Именно такими «не бурными» характерами наделил Олег Сергеевич Викторов действующих лиц своей пьесы.

И правильно сделал!

Ведь кто бы угадал, глядя на исполненное доброты и спокойствия лицо Елизаветы Николаевны, что это мать героини-разведчицы,— сама героиня...

Мать разведчицы Маши Елизавета Николаевна Васильева. Она рассказывает Галочке Толмачевой, которая играет Машу в спектакле «Это было под Курском», о своей дочери-партизанке...

Авраам Линкольн с сыном.

„Пропустите Брэди"

В. ВЛАДИМИРОВ

Когда смотришь на фотографии, кажется невероятным, что это не подделка, а подлинные снимки, сделанные в 60-х годах прошлого века, во время гражданской войны в США. Их делали тяжелой, огромной фотокамерой. Такая камера давала негативное изображение на влажном стекле и требовала длительной выдержки. Нужна была громоздкая лаборатория, чтобы проявить негативы и контактным способом, на ярком солнце, получить с них отпечатки.

Автор снимков — один из первых деятелей фотоискусства Америки и один из первых фронтовых фотокорреспондентов мира. Его звали Мэтью Брэди.

Брэди был сыном бедного фермера. В 1840 году он явился в Нью-Йорк без гроша в кармане, чтобы «делать жизнь» при помощи карандаша. Он хотел жить ремеслом рисовальщика-портретиста. Но Брэди не суждено было стать художником. За год до его прибытия в Нью-Йорк великий французский физик Араго возвестил в Париже об открытии, сделанном Луи-Жаком Дагерром,— изобретении «светописи на посеребренной медной дощечке с помощью паров йода и камеры-обскуры». Снимки Дагерра получили название «дагерротипов». И Брэди стал одним из первых дагерротипистов.

С самого начала своей деятельности он был не просто фотографом, а фотографом-историком. Брэди создал ценнейшую коллекцию портретов. В его нью-йоркской галерее висели дагерротипы и фотографии знаменитых писателей и актеров, политических и общественных деятелей того времени. Авраам Линкольн шутя говорил, что своим избранием в президенты он обязан Брэди, который во множестве распространял его фотопортреты.

Справедливости ради надо сказать, что самые первые военные снимки принадлежат не Брэди. Неизвестный дагерротипист сфотографировал вступление американских оккупационных войск в Мексику еще в 1846 году. Брэди не знал этого. Он хотел зафиксировать уже не на медной дощечке, а на стеклянной пластинке эпизоды, выхваченные непосредственно из жизни.

Сто лет назад, в первой половине апреля 1861 года, фанатику рабовладения Эдмонду Раффину была предоставлена «честь» дернуть за шнур орудия и послать первое ядро мятежников-южан против форта северян Самтер. Так началась гражданская война в США.

К началу войны Брэди был уже известным фотографом. Летом 1861 года, накануне больших боев

«...Председатель горсовета не стал с нами разговаривать, а его заместитель Агапова сказала:
— И что вы так волнуетесь, ведь в двери к вам пьяные не лезут, их же там связывают».

Из письма в редакцию.

Фельетон

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки Е. Ведерникова.

Массивная дубовая дверь широко распахнулась. Председатель Саранского горсовета тов. Лебедев предупредительно привстал со своего места, чтобы встретить очередного посетителя. Но ему тут же пришлось сесть. В кабинет поспешно вошли два его заместителя. Взволнованные. Встревоженные.

— Аристаклий Викторович, нас серьезно раскритиковали за нечуткое отношение к людям.

— Где именно?

Заместители переступили с ноги на ногу и смущенно переглянулись.

— Стыдно сказать, Аристаклий Викторович... в городском вытрезвителе.

Сообщение было настолько ошеломляющим, что председатель горсовета, обычно грудью встречавший любые служебные неприятности, вдруг растерялся.

— В вытрезвителе? — глухо переспросил он. И, призвав на помощь все свое самообладание, произнес: — Расскажите подробно.

А подробности были таковы.

Накануне в Саранске по главному проспекту шел хорошо одетый, представительный гражданин. Шел, шел и вдруг рухнул на тротуар. Сбежались люди. Крик, шум! Переполох! А представительный гражданин лежит, мычит и ни на что не реагирует.

Позвонили в ближайшую поликлинику. Примчалась медицинская карета. Осмотрев пострадавшего, врач беспомощно развел руками и сочувственно вздохнул:

— Это не к нам!

Сердобольные люди вокруг заохали, заахали.

Но положение пострадавшего было не так уж и тревожно. Помощь ему требовалась не медицинская, а совсем иного рода. Два брата милосердия в милицейской форме деликатно взяли гражданина — один за руки, другой за ноги, — осторожно погрузили почти бездыханное тело в машину и отправили в вытрезвитель.

Здесь виновник уличного переполоха икнул и, сделав неимоверные усилия, встал на четвереньки.

Вот в этом малопривлекательном положении он и произнес ту самую критическую речь о неблагоустроенности городского вытрезвителя, которая так сильно встревожила работников Саранского горсовета...

А возможно, все было не так, а несколько иначе. Только факт остается фактом: алкоголиков в Саранске вдруг окружили неслыханным вниманием и решили переселить в новое, благоустроенное помещение. Переселить, но куда именно?

Над разрешением этой жгучей проблемы долго и безуспешно бились лучшие умы города, сам председатель, его заместители.

Наконец авторитетная комиссия остановила свой выбор на доме № 28 по улице Володарского. Четыре квартиры в этом доме были заняты жильцами, а квартира № 5, как на грех, оказалась свободной. И вот в злополучной пятой по указанию горсовета разместилась городская вытрезвиловка.

— Это даже хорошо, что в до-

в Виргинии, Брэди обратился к начальнику секретной службы и телохранителю Линкольна Аллену Пинкертону (именем которого было впоследствии названо знаменитое реакционное частное сыскное агентство) с предложением «фотографировать войну». Линкольн, усмехнувшись, написал на бланке Белого дома: «Пропустите Брэди». Таким образом неутомимый фотокорреспондент оказался на передовых линиях с фургоном, в котором были все его ценности: тяжелая камера со штативом, ванны с химикалиями, стол для обработки негативов и т. д.

Первый выезд Брэди на позицию был неудачным. Он отправился на войну в своем черном фургоне, похожем на катафалк, чтобы «снять победу». Но 21 июля 1861 года принесло северянам поражение.

Множество зрителей, приехавших из столицы, чтоб увидеть разгром южан, бежали в панике, смешавшись с отступающими войсками. Брэди не растерялся и сделал несколько снимков. Но тут его фургон был опрокинут. Сам фотограф с пачкой пластинок блуждал трое суток по лесу. Наконец ему удалось добраться до Вашингтона и проявить снимки. Большая часть их никогда не увидела света, вероятно, была уничтожена по приказу военного ведомства...

Мэтью Брэди.

Корреспондент одного американского журнала писал про уцелевшие фотоснимки, что они были «не сравнимы ни с чем по мощным контрастам света и тени», и воспевал мужество маленького фотографа в светлом пыльнике и широкополой шляпе, который обращал врагов в бегство одним видом своего аппарата. Враги принимали фотокамеру за фантастическую скорострельную «паровую пушку», выбрасывающую по пятьсот ядер в минуту!

В дальнейшем Брэди решил поставить дело на широкую ногу. Не один, а несколько фургонов были оборудованы и посланы им на разные участки театра военных действий. С ними отправились ученики Брэди — Александр Гарднер, Тим О'Салливен, Люис Лэнди, впоследствии известные фотографы.

Брэди не любил красивых композиций фотокадра. Он снимал артиллерию в действии, обозы — на ходу. Мы видим то развалины сгоревших городов, то наспех восстановленные мосты, то генералов в помятых шляпах, то солдат, только что вышедших из боя, в лохмотьях, в сапогах, покрытых грязью.

Слава Брэди росла по обе стороны Атлантического океана. Его сравнивали со знаменитым Надаром, французским изобретателем и фотографом, другом Жюля Верна. Лондонская газета «Таймс» поместила о Брэди восторженную статью, в которой описывала его отдельные снимки. Особо интересными были изображения новой бронированной плавучей батареи «Монитор» и офицера-южанина, взятого в плен вместе со своим рабом-негритенком.

Возвращаясь с позиций в свою студию, Брэди не терял времени. В 1863 году его аппарат вновь зафиксировал Линкольна. Президент отказался сидеть в кресле со специальным зажимом для головы и решил сниматься во весь рост, «если от этого не сломается аппарат» (Линкольн был высокого роста). Он предлагал даже сфотографироваться по частям и потом склеить снимки, но его заверили, что фотокамера может снимать и самых рослых людей.

Артиллерийские позиции на подступах к Питерсбергу.

Среди снимков 1863 года в коллекции Брэди обращает на себя внимание превосходный портрет русского контр-адмирала С. Лесовского, который привел в Нью-Йорк русскую эскадру в трудные для северян дни.

После войны у Брэди было несколько тысяч негативов. Но в 70-х годах с ним произошел случай, типичный при американском образе жизни: пожилой, полуслепой, он оказался в долгах, и его имущество было продано с молотка. Негативы 1861—1865 годов попали в руки военного министерства и... исчезли.

С потрясающим лицемерием предки нынешних руководителей Пентагона объявили, что негативы Брэди являются «национальным достоянием» и поэтому тщательно спрятаны. Таким образом, народ десятилетиями не мог увидеть свое «достояние». Марк Твен посетил больного старика и сказал Брэди, что его материал — «подлинное богатство». Но и Твен ничего не мог сделать для опубликования фотоальбома гражданской войны. В 1896 году Мэтью Брэди скончался в Нью-Йорке, одинокий и всеми забытый.

Только в 1907 году журналисту Итону удалось напечатать огромный фолиант под названием «Оригинальные фотографии, снятые на полях сражений во время гражданской войны Мэтью Брэди и Александром Гарднером». Ровно пятьдесят лет назад, в 1911 году, в Америке вышла десятитомная «Фотоистория гражданской войны», где снимки Брэди и его соратников использованы почти полностью. Но и до сего дня неизвестные работы Брэди все еще находят в амбарах, на чердаках, у случайных людей, получивших этот «хлам» в наследие от своих дедушек и бабушек. Среди таких случайно найденных негативов имеется и сильно испорченный портрет Гарибальди.

Благодаря Брэди до нас дошли не батальные полотна, где все подчинено замыслу автора, пишущего обычно по памяти или по рассказам, а живые картины четырехлетней кровопролитной войны.

ме живут,— сказал председатель горсовета.— Семейная обстановка благотворно воздействует на больные души.

— И потом это в самом центре,— напомнил первый заместитель.— Во дворе цветы, а красота воспитывает...

Что и говорить, алкоголики были растроганы.

— Это надо отметить,— сказали пропойцы.

И в доме № 28 с мелодичным звоном посыпалось оконное стекло, затрещали двери, зашатались стены. Возмущенные жильцы из всех четырех квартир прибежали в квартиру № 5.

— Да уймите вы наконец этих хулиганов!

— Не имеете никакого полного права оскорблять, граждане! — обиделся дежурный сотрудник вытрезвителя.— Люди у нас, правда, неспокойные, но вполне приличные.— И дежурный представил опешившим жильцам трех «уважаемых» в городе инженеров, одного старшего товароведа и двух главных бухгалтеров.

— А это,— сказал он, указывая на торчащие из-под кровати коричневые полуботинки,— преподаватель Мордовского государственного университета Владимир Иванович Шапкарин... Или вот: гражданин с поцарапанной физиономией — начальник отдела кадров треста «Мордовстрой» Дербенев, опять же Александр Васильевич Артюхин — старший инспектор Министерства культуры Мордовской АССР, а вы, граждане, говорите: хулиганы!

От того, что обитателями вытрезвителя оказались не рядовые любители сивухи, а дипломированные пропойцы, гражданам, конечно, легче не стало. Хозяева дома обратились за содействием к начальнику городской милиции, а тот только посочувствовал им. Приказать, чтобы буянов связывали, он мог, выселить вытрезвитель — нет. Ходоки с надеждой в сердце подались в городскую прокуратуру.

— Пожалуйста, помогите!

Но грозные слуги закона оказались так же беспомощны, как и их коллега из милиции.

— Если бы пьяные ворвались в ваш дом самостийно,— это было бы хулиганство и мы могли применить к ним карательные санкции,— сказали в прокуратуре.— А в данном случае это — мероприятие горсовета, и, кроме самого председателя товарища Лебедева, никто вам не поможет.

Ходоки пришли в горсовет... И вот перед ними (правда, не сразу, а только через неделю) распахнулись массивные дубовые двери председательского кабинета, а за этими дверями они встретили столь же массивное равнодушие. Председатель горсовета с безразличным видом выслушал делегатов и вместо того, чтобы исправить им же допущенную злую нелепость, сказал:

— Ну и что же?

— В доме живут не только взрослые, но и дети, больные и престарелые люди.

— Ну и что же?

— Мы просим избавить нас от беспокойного соседства с вытрезвителем.

— Хорошо... Избавим.

— Спасибо,— обрадовались делегаты.— Когда?

И председатель горсовета с неподражаемым спокойствием ответил: «Когда-нибудь».

А заместитель председателя по вопросам культуры и просвещения Ольга Ивановна Агапова с такой же неподражаемой наивностью добавила:

— И что вы так волнуетесь? Ведь в двери к вам пьяные не лезут, их же там связывают.

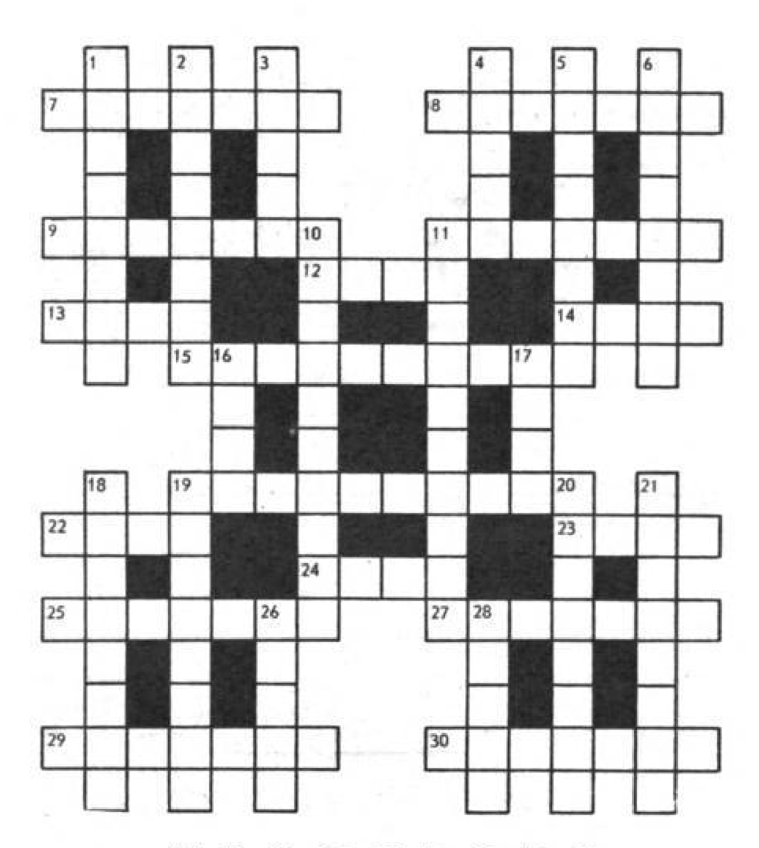
После всех этих разговоров жильцы терпели ровно три месяца. На четвертый терпение лопнуло, и они пошли уже не в городские организации, а в республиканские. Но и тут им ничем не помогли. Жильцы взяли и написали письмо в редакцию. Мы проверили факты. Все они подтвердились. Все, за исключением одного. Председатель Саранского горсовета Аристаклий Викторович Лебедев оказался совсем не таким черствым человеком, как об этом было сказано в письме.

— Скажите,— обратился к нему корреспондент,— будет когда-нибудь вытрезвитель переведен из жилого дома в другое помещение?

— Что значит «когда-нибудь»! — воскликнул председатель горсовета.— Мы это сделаем сейчас же...

...В доме по улице Володарского царит полный покой. Буйная компания покинула квартиру № 5. Теперь она обитает... в живописном уголке городского парка культуры и отдыха.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Духовой музыкальный инструмент. 8. Корабельный трос. 9. Певчая птица. 11. Геометрическое тело. 12. Автоматический прибор в электрической цепи. 13. Государство в Южной Америке. 14. Таджикский писатель и ученый. 15. Электроизоляционная пластмасса. 19. Прибор для печатания текстов. 22. Часть театрального помещения. 23. Река в Алтайском крае. 24. Домашнее животное. 25. Картина Н. А. Ярошенко. 27. Английский ученый, впервые определивший атомный вес химических элементов. 29. Древняя страна на Ближнем Востоке. 30. Мыс на юге Камчатки.

По вертикали:

1. Арифметическое действие. 2. Деталь двигателя. 3. Заяц. 4. Рыба семейства сельдевых. 5. Подлинник. 6. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 10. Зодчий. 11. Город в Казахской ССР. 16. Эксперимент. 17. Минеральная краска. 18. Русский мореплаватель XVIII—XIX веков. 19. Выведение и улучшение сортов сельскохозяйственных растений. 20. Персонаж комедии В. Шекспира «Виндзорские насмешницы». 21. Приток реки Влтавы. 26. Старая русская мера длины. 28. Растение, содержащее эфирное масло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Скворцов. 6. Мегагерц. 8. Семга. 10. Успех. 11. Роман. 12. Облик. 13. Диабаз. 15. Бумага. 17. Тырново. 19. Голота. 20. Бархан. 21. Новокаин. 22. «Проселок». 24. Индиго. 25. Клевер. 27. Строчка. 30. Прерия. 32. Бланко. 34. Ротор. 35. Пачки. 36. Брага. 37. Зерно. 38. Астроном. 39. Настуран.

По вертикали:

1. Трасса. 2. Марабу. 4. Кемпинг. 5. Всходы. 6. Марков. 7. Рентген. 9. Мельник. 14. Бельведер. 16. Мухоловка. 17. Тапажос. 18. Обточка. 23. Простор. 24. Иорданс. 26. Реклама. 28. Туризм. 29. Карбон. 31. Иванов. 33. Легато.

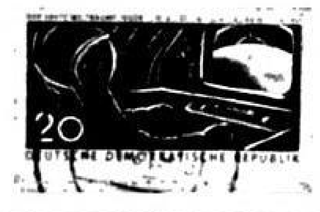
На первой странице обложки: Молодой хирург Анна Павловна Пилипенко.

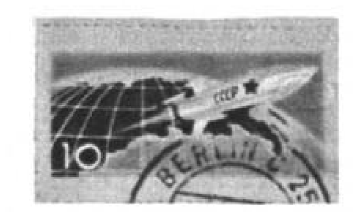
Фото А. Новикова

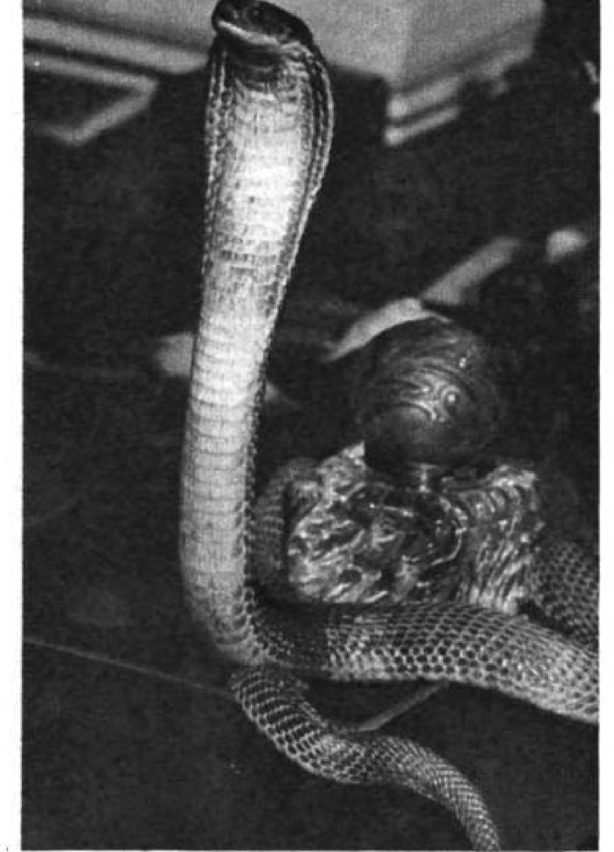
Марки ГДР

В ГДР выпущены три марки в честь первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. На одной изображен корабль с красной звездой и надписью «СССР», стремительно отрывающийся от Земли. В полете космонавт наблюдает за родной планетой. На третьей марке показан спуск корабля на Землю, как это представлялось художнику.

Бор. Григорьев

КОБРА

Зоолог Владимир Евгеньевич Флинт привез из Туркмении кобру. Посмотрите на эту грозную красавицу, обвившуюся вокруг чернильницы на письменном столе своего хозяина. Нужны незаурядные мужество и ловкость, чтобы «укрощать» змею лишь при помощи бамбуковой палочки.

Глядя на эту фотографию, можно подумать, что змея не ядовита.

Рисунок В. Воеводина

Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ЭЛЕКТРОНАМИ

Вот какая чудная история приключилась со мной. Хотите верьте, хотите нет. Впрочем, расскажу все по порядку.

Много всяких небылиц существует по поводу кибернетики и электроники. Утверждают, например, что кибернетический робот может спокойно загипнотизировать человека и усыпить его! Я решил отправиться в научно-исследовательский институт хирургической аппаратуры и инструментов — самолично во всем убедиться.

Встретили меня там очень любезно и охотно согласились удовлетворить мое нездоровое любопытство.

Меня провели в кабинет, усадили в мягкое кресло и дали брошюру, испещренную формулами и схемами. В довершение всего мне предложили массивные очки.

— Наденьте их. Вам легче будет читать текст. Они специальные.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора— Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05214. Подписано к печати 10/V 1961 г. Формат бум. 70×108¼. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 794. Заказ 1194.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В МОСКОВСКОЙ КВАРТИРЕ

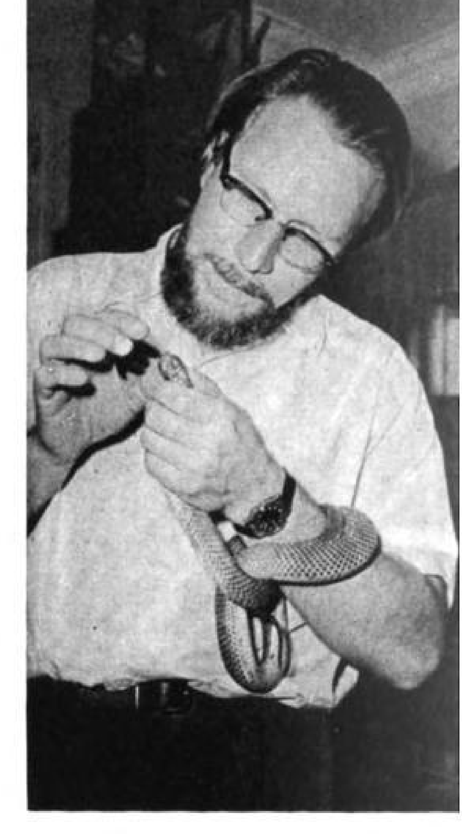
Но это не так! Вы видите каплю яда, которой вполне достаточно, чтобы убить пяток верблюдов.

Ловкость, умение, мужество — и кобра неопасна. Но почему все-таки так смело обращается с нею В. Е. Флинт? Дело в том, что кобра никогда не нападает, если объект нападения находится дальше, чем она сможет его достать. Вокруг кобры можно мысленно провести «круг смерти», вне которого змея в данный момент неопасна. Радиус этого круга примерно равен одной трети длины туловища змеи.

Вообще же кобра, раздувая капюшон, готовится не к нападению, а к защите. И если змею не трогать, она не причинит вреда.

Н. НЕМНОНОВ

— Будьте добры! Положите в последний раз: завтра мы покупаем холодильник.

Рисунок В. Воеводина.

Горный пейзаж с натуры.

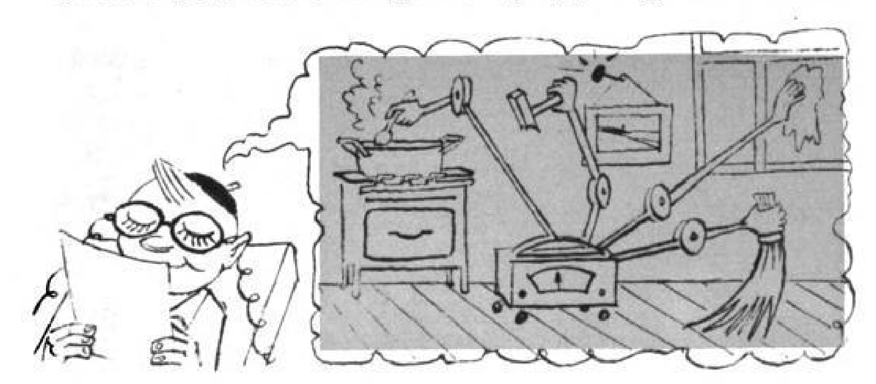
Рисунок Вл. Гальбы.

Любители.
Рисунок Ц. Нервиньского.
Польша.

Я безропотно повиновался, хотя особого желания читать у меня не было. Ведь не за тем я шел сюда. Я честно старался разобраться в замысловатых схемах и графиках, которые по форме напоминали загогулины, рожденные бесхитростной фантазией ученика первого класса. Не могу сказать, что все оказалось доступным моему разумению, но разбушевавшаяся фантазия безудержно рисовала то, что заключалось в сухих цифрах.

Взять, например, биоточную руку. Какие грандиозные возможности дает она людям! Пианист сможет самостоятельно играть в четыре руки. У вешалки в театр отныне не будет очередей: на помощь гардеробщикам придут дополнительные руки. Каждый сможет создать рай в собственном доме. Одним словом, придет время, когда не скажешь: «Дел по горло, даже рук не хватает».

Я увидел перед собой биостимулятор. Он импульсы здорового человека передавал больному, который поправлялся на глазах. А что если эдаким биоточным донором сделать Юрия Власова! Каждому будет обеспечено звание мастера по штанге.

Вы слыхали когда-нибудь об электронном термометре? Так вот, сей чудесный прибор измеряет за 30 секунд температуру в любой части тела и даже внутри него. Берегитесь, притворы и симулянты: всеведающие электроны выведут вас на чистую воду!

Мало того, будет такой прибор, который точно определит, сказал человек правду или нахально врал в глаза.

Чудеса? Фантазия? А может быть, просто сон?

В этот момент я проснулся. Да, я спал самым вульгарным образом прямо в кресле, с раскрытой брошюрой в руках.

Очнулся я оттого, что кто-то снял с меня злополучные очки. Мне было страшно неловко перед теми, кого я оторвал от работы. Пришел, так сказать, морочил голову и на тебе — заснул.

Однако человек в белом халате, который дал мне брошюру и очки, показал на небольшой белый аппарат, стоявший рядом с креслом.

— Вас усыпил электросон. Эти очки не что иное, как своеобразные электроды. Электроимпульсы успокаивающе действуют на нервную систему и вызывают у человека естественный сон. Впрочем, вы это испытали сами.

Из института я уходил озадаченным. Честно говоря, мне так и не удалось установить ту грань, которая отделяет реальную действительность от электронных грез. А может быть, ее и вовсе нет?

М. ЕФИМОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.

ВОЗДУШНЫЙ ГИГАНТ «ТУ-114»

На воздушных линиях Аэрофлота введен в эксплуатацию трансконтинентальный самолет-гигант «ТУ-114».

Крейсерская скорость — 750 км/час.

Коммерческая загрузка — 30 тонн.

120—220 пассажиров.

4 мощных турбовинтовых двигателя.

Просторные комфортабельные салоны, кухня, гардеробы, туалеты, багажные отделения, спальные места.

По своим размерам, грузоподъемности, дальности полета и мощности двигателей «ТУ-114» не имеет себе равных.

МОСКВА — ХАБАРОВСК БЕЗ ПОСАДКИ ЗА 9 ЧАСОВ.

Справки во всех агентствах Аэрофлота и аэропортах; в Москве по тел. К 5-25-28, в Хабаровске — 3-20-71.

Экономьте время!

ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ «ТУ-114».

